

ПАМЯТЬ ИЗ ПЛАМЕНИ АФГАНИСТАНА

**Интервью с воинами-интернационалистами
Афганской войны 1979-1989 годов**

**Под редакцией Марлен Ларюэль,
Ботагоз Ракишевой, Гулден Ашкеновой**

**Книга 1
Казахстан**

**Астана
2016**

УДК 355/359
П 15

Рекомендовано к печати Ученым советом Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК

Рабочая группа Проекта: Айну́р Мажитова, магистр социологии, Гульден Емишева, магистр социологии, Дами́ля Жанбу́рчинова, магистр социологии, Евге́ния Рудне́ва, магистр социологии, Дами́ра Ахатова, магистр социологии, Айтолкын Ра́жман, бакалавр политологии, Анастаси́я Шандры́га, магистр социологии, Айжа́н Нурга́лиева, бакалавр политологии. Руководители проекта в Казахстане: Гулден Ашкенова, магистр социологии, Мура́т Успа́нов. Руководители проекта в Таджикистане: Муза́ффар Оли́мов, доктор исторических наук, Саода́т Оли́мова, кандидат философских наук. Руководитель проекта в Узбекистане: Иго́рь Би́рюков. Литературный редактор: Анна Абаши́на (Россия).

П 15 Память из пламени Афганистана: Интервью с воинами-интернационалистами Афганской войны 1979-1989 годов / Под ред. Марлен Ларюэль, Ботагоз Ракишевой, Гулден Ашкеновой. Книга 1. Казахстан. Издание состоит из 3-х книг. – Астана: КИСИ при Президенте РК, 2016 г.

ISBN 978-601-80557-1-3

Кн.1. – 2016. – 216 стр.

ISBN 978-601-80557-4-4

Данная книга является результатом трехлетней работы международной группы исследователей из США, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана над проектом «Афганская война 1979-1989 гг. глазами очевидцев (Oral history)». Проект был проведен Исследовательским институтом «Общественное мнение» (Астана, Казахстан) и включал сбор интервью методом «Устная история» у воинов-интернационалистов, участников войны в Афганистане и подготовки документального фильма. Руководители Проекта - Марлен Ларюэль, Ph.D (США-Франция) и Ботагоз Ракишева, кандидат социологических наук (Казахстан). Основной задачей Проекта был сбор информации об Афганской войне от ее непосредственных участников для сохранения исторической памяти. Всего было проведено 20 интервью в Узбекистане, 31 интервью в Таджикистане, 21 интервью в Казахстане. Интервью в книге даны в первоизданном виде. В книге использованы фотографии и документы из частных архивов воинов-интернационалистов.

Авторы благодарят Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан за возможность публикации книги.

Издание предназначено для широкого круга читателей.

Издание не предназначено для продажи и распространяется бесплатно.

УДК 355/359

ISBN 978-601-80557-1-3 (общ.)

ISBN 978-601-80557-4-4 (кн. 1)

© КИСИ при Президенте РК, 2016

© Central Asia Program IERES George Washington University, 2016

© Исследовательский институт «Общественное мнение», 2016

СОДЕРЖАНИЕ

Предисловие	4
Интервью (Казахстан).....	13
Алимжанов Сатпек Кайдарович	13
Балкасымов Аслан Нуркасымович	27
Койлыбаев Марат Айтуганович	27
Абишев Абилкасым Рустемович.....	45
Шалов Тукембай Аппазулы.....	51
Хасенов Амангельды Абдыкаликович	64
Арсланбаев Марат Джумамуратович	72
Тулукпаев Миранбек Уашевич.....	77
Баяхметов Баглан Солтанович	86
Бейсекеев Галы Ибряшевич	95
Хаджиев Юрий Борисович.....	106
Марденов Марат Жуkenович.....	115
Майканов Куаныш Куралович	122
Акматов Дайырбек Апсаратович	127
Жумадилханов Аскар Анисович	135
Муханов Болат Маралулы	151
Абдильдин Ержан Чапаевич.....	160
Атабаев Мерхат Галиакбарович.....	166
Ережепова Рауза Пермеевна.....	179
Абельдинова Валентина Фёдоровна.....	188
Какенов Кайрат Ибрагимович.....	198
Фотографии из архивов воинов-интернационалистов	203
Информация о Казахском институте стратегических исследований при Президенте РК	207
Информация о Программе изучения Центральной Азии Школы международных отношений имени Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона.....	210
Информация об Исследовательском институте «Общественное мнение»	213

Предисловие

Книга «Память из пламени Афганистана. Интервью с воинами-интернационалистами Афганской войны 1979-1989 годов», вышедшей под редакцией **Марлен Ларюэль, Ботагоз Ракишевой** и **Гулден Ашкеновой** является результатом трехлетней работы международной группы исследователей из США, Казахстана, Таджикистана и Узбекистана над проектом «Афганская война 1979-1989 гг. глазами очевидцев (Oral history)». Проект включал сбор интервью методом «Устная история» у воинов-интернационалистов, участников войны в Афганистане и подготовки документального фильма. Руководители Проекта – **Марлен Ларюэль, Ph.D** (США-Франция) и **Ботагоз Ракишева**, кандидат социологических наук (Казахстан). Основной задачей Проекта был сбор информации об Афганской войне от ее непосредственных участников для сохранения исторической памяти об одной из трагических страниц истории. Всего было проведено 20 интервью в Узбекистане, 31 интервью в Таджикистане, 21 интервью в Казахстане. Интервью даны в первоизданном виде. В книге использованы материалы из частных архивов воинов-интернационалистов.

Данная книга представляет собой уникальную информацию – память воинов-«афганцев» из трех стран Центральной Азии: Казахстана, Таджикистана и Узбекистана, принявших непосредственное участие в военных действиях в Афганистане в ходе десятилетней войны.

На протяжении нескольких лет многие социологические работы и исследования «Устной истории» были посвящены изучению российских «афганцев». До выхода этой книги об «афганцах» Центральной Азии было известно немного, хотя граждане южных республик Советского Союза сыграли ре-

шающую роль в Афганистане, особенно, в качестве переводчиков и советников.

Данная книга посвящена памяти всех «афганцев» Центральной Азии, которых уже нет в живых и кто уже не может поведать миру свою историю.

Проект провел Исследовательский институт «Общественное мнение» (Астана, Казахстан). Над Проектом работали: **Айнур Мажитова**, магистр социологии, **Гульден Емишева**, магистр социологии, **Дамиля Жанбурчинова**, магистр социологии, **Евгения Руднева**, магистр социологии, **Дамира Ахатова**, магистр социологии, **Айтолкын Ражман**, бакалавр политологии, **Анастасия Шандрыга**, магистр социологии, **Айжан Нургалиева**, бакалавр политологии. Руководители проекта в Казахстане: **Гулден Ашкенова**, магистр социологии, **Мурат Успанов**. Руководители проекта в Таджикистане: **Музаффар Олимов**, доктор исторических наук, **Саодат Олимова**, кандидат философских наук. Руководитель проекта в Узбекистане: **Игорь Бирюков**. Литературный редактор: **Анна Абашина** (Россия).

Сотрудники Проекта выражают благодарность за безмерную помощь, которую оказали: **Муратбек Амиржанов**, Общественное объединение «Союз инвалидов и ветеранов войны в Афганистане» г. Астаны (Казахстан), **Аслан Балкасымов**, Общественное объединение Воинов-интернационалистов Афганской войны Актюбинской области (Казахстан), **Талат Муратов**, Председатель объединения «VETERAN» воинов-ветеранов и инвалидов Узбекистана, член Высшего Совета и заместитель Председателя Международного Союза «Боевое братство», член Координационного Совета межгосударственного Комитета по делам воинов-интернационалистов при Совете глав государств СНГ (Узбекистан), **Абдурахим Абдуманопов**, Председатель правления Благотворительного Фонда инвалидов-ветеранов и жертв анти-

террористической борьбы и вооружённых конфликтов «ВАТАН» Узбекистана (Узбекистан), **Александр Князев**, доктор исторических наук, профессор, действительный член Русского географического общества (Россия), **Борон Сайдалиев**, работник народного образования, сотрудник Научно-исследовательского центра «ШАРК\ORIENTS» (Таджикистан), **Хилолиддин Зайниддинов**, работник народного образования, сотрудник Научно-исследовательского центра «ШАРК\ORIENTS» (Таджикистан), **Ибрагим Ятимов**, заместитель Председателя Ассоциации ветеранов воинов-интернационалистов в г. Душанбе (Таджикистан).

Авторский коллектив благодарит Казахстанский институт стратегических исследований при Президенте Республики Казахстана за возможность публикации данной книги.

Марлен Ларюэль Директор Программы изучения Центральной Азии Школы международных отношений имени Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона, Ph. D	Ботагоз Ракишева Заместитель директора Казахстанского института стратегических исследований при Президенте РК, кандидат социологических наук	Гулден Ашкенова Заместитель директора Исследовательского института «Общественное мнение», магистр социологии
--	--	--

P.S. Во время подготовки книги к печати стало известно о безвременной кончине двух участников проекта - Муханова Болат Маралулы (Казахстан) и Атабаева Кадыра Курбановича (Узбекистан). Выражаем искренние соболезнования родным, близким и однополчанам.

Светлая память...

Алғысөз

Марлен Ларюэль, Ботагөз Рақышева мен **Гүлден Ашкенованың** редакциясымен басылып шыққан «Отқа оранған Ауғанстаннан естелік. 1979–1989 жылдары Ауған соғысына қатысқан жауынгер-интернационалистермен сұхбат» атты кітап АҚШ, Қазақстан, Тәжікстан, Өзбекстан зерттеушілерінен құралған халықаралық топтың «1979–1989 жылдардағы Ауған соғысы куәгерлердің көзімен (Oral history)» жобасы бойынша үш жылдық жұмысының нәтижесі болып табылады. Жоба негізінде Ауған соғысына қатысушы жауынгер-интернационалистерден «Ауызша тарих» әдісімен сұхбат алынып, деректі фильм түсірілді. Жоба жетекшілері – **Марлен Ларюэль, Ph.D** (АҚШ-Франция), **Ботагөз Рақышева**, әлеуметтану ғылымдарының кандидаты (Қазақстан). Жобаның негізгі міндеті – тарихтың қайғылы беттерінің бірі Ауған соғысына тікелей қатысқан жауынгерлердің ерлік істерін ел жадында мәңгі сақтау мақсатында ақпарат жинау. Барлығы Өзбекстанда – 20, Тәжікстанда – 31, Қазақстанда 21 сұхбат жүргізілді. Сұхбат өңделмеген күйінде берілді. Кітапта жауынгер-интернационалистердің жеке мұрағатынан материалдар пайдаланылды.

Бұл еңбек Ауған жерінде он жылға созылған әскери іс-қимылдарға Орталық Азияның үш елінен (Қазақстан, Тәжікстан, Өзбекстан) тікелей қатысқан жауынгер-интернационалистердің естеліктерін қамтиды.

Ұзақ жылдар бойы Ауызша тарихтың көптеген әлеуметтік жұмыстары ресейлік «ауған жауынгерлерін» зерттеп келген болатын. Кеңес Одағының оңтүстік республикаларының азаматтары, әсіресе аудармашы мен кеңесшілер ретінде Ауғанстанда айтарлықтай маңызды рөл атқарға-

нымен, бұл кітап шыққанға дейін олар туралы ақпарат өте аз болды.

Бұл кітап өмірден өткен және өз басынан өткенін әлемге жария ете алмаған Орталық Азияның барлық «ауған жауынгерлеріне» арналады.

Жобаны «Қоғамдық пікір» зерттеу институты жүргізді (Астана, Қазақстан). Жобаның жұмыс тобы: **Айнұр Мажитова**, әлеуметтану магистрі, **Гүлден Емишева**, әлеуметтану магистрі, **Дамиля Жанбурчинова**, әлеуметтану магистрі, **Евгения Руднева**, әлеуметтану магистрі, **Дамира Ахатова**, әлеуметтану магистрі, **Айтолқын Ражман**, саясаттану бакалавры, **Анастасия Шандрыга**, әлеуметтану магистрі, **Айжан Нұрғалиева**, саясаттану бакалавры. Қазақстанда жобаның жетекшілері: **Гүлден Ашкенова**, әлеуметтану магистрі, **Мұрат Успанов**. Тәжікстанда жобаның жетекшілері: тарих ғылымдарының докторы **Музаффар Олимов**, философия ғылымдарының кандидаты **Саодат Олимова**. Өзбекстанда жобаның жетекшісі: **Игорь Бирюков**. Әдеби редактор: **Анна Абашина** (Ресей).

Жоба авторлары Астана қаласы «Ауғанстандағы соғыс ардагерлері мен мүгедектері одағы» қоғамдық бірлестігінің төрағасы **Мұратбек Әміржановқа** (Қазақстан), Ауған соғысының жауынгер-интернационалистерінің Ақтөбе облыстық қоғамдық бірлестігінің төрағасы **Аслан Балқасымовқа** (Қазақстан), Өзбекстан жауынгер-ардагерлері (интернационалистерінің) «VETERAN» бірлестігінің төрағасы, Жоғарғы кеңес мүшесі, «Боевое братство» халықаралық одағы төрағасының орынбасары және ТМД мемлекеттері басшыларының Кеңесі жанындағы жауынгер-интернационалистердің істері жөніндегі мемлекетаралық комитетінің Үйлестіру кеңесінің мүшесі **Талат Мурадовқа** (Өзбекстан), Өзбекстанның «ВАТАН» терроризмге қарсы күрес пен қарулы қақтығыстардың құрбандары мен

мүгедек ардагерлері қайырымдылық қорының басқарма төрағасы **Абдурахим Абдуманоповқа** (Өзбекстан), тарих ғылымдарының докторы, профессор, Орыс география қоғамының толық мүшесі **Александр Князевқа** (Ресей), халықтық білім қызметкері, «ШАРК»\ORIENS ғылыми-зерттеу орталығының қызметкері **Борон Сайдалиевке** (Тәжікстан), халықтық білім қызметкері, «ШАРК»\ORIENS ғылыми-зерттеу орталығының қызметкері **Хилолиддин Зайниддиновке** (Тәжікстан), Душанбе қалалық Ардагер жауынгер-интернационалистер қауымдастығы төрағасының орынбасары **Ибрагим Ятимовке** (Тәжікстан) осы ғылыми еңбекті жүзеге асыруға көмек көрсеткені үшін зор алғысын білдіреді.

Авторлар ұжымы осы кітаптың жарық көруіне қолдау көрсеткен Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтына алғыс айтады.

Марлен Ларюэль
Джордж Вашингтон
Университетінің
Эллиотта атындағы
Халықаралық
қатынастар мектебінің
Орталық
Азияны зерттеу
бағдарламасының
Директоры, Ph.D.

Ботагөз Рақышева
Қазақстан
Республикасының
Президенті
жанындағы Қазақстан
стратегиялық
зерттеулер институты
директорының
орынбасары,
әлеуметтану
ғылымдарының
кандидаты

Гүлден Ашкенова
«Қоғамдық пікір»
зерттеу институты
директорының
орынбасары,
әлеуметтану
магистрі

P.S. Кітапты баспаға әзірлеу барысында жобаның екі қатысушысы - Мұқанов Болат Маралұлы (Қазақстан) және Атабаев Қадыр Құрбанұлының (Өзбекстан) мезгілсіз қайтыс болғаны белгілі болды. Туысқандарына, жақындарына және майдандас достарына қайғырып, көңіл айтамыз.

Жатқан жері жайлы болсын...

Introduction

The book “The Memory of the Afghan Flame. Interviews with Soldiers-Internationalists of the Afghan War of 1979-1989” published under the editorship of **Marlene Laruelle, Botagoz Rakisheva, Gulden Ashkenova** is the result of three years’ work of the international group of researchers from the United States, Kazakhstan, Tajikistan and Uzbekistan on the project “The Afghan War in 1979-1989 with Eye of Witnesses (Oral History)”. The project included interviewing the soldiers-internationalists, participants of the war in Afghanistan by the “Oral History” method and preparation of the documentary film. Project managers are **Marlene Laruelle**, Ph.D (USA-France) and **Botagoz Rakisheva**, Candidate of Social science (Kazakhstan). The main objective of the project was to collect the information about the Afghan war from its direct participants to preserve the historical memory about the one of the tragic pages of history. 20 interviews in Uzbekistan, 31 interviews in Tajikistan, 21 interviews in Kazakhstan were taken in total. Interviews are intact. The book contains the materials from private archives of the soldiers-internationalists.

This book is unique memories-interview of the Afghan soldiers from three Central Asian countries: Kazakhstan, Tajikistan and Uzbekistan, who took part in the military actions in Afghanistan during the decade-long war.

For several years, many sociological works and Oral History studies have been devoted to the study of Russian “Afghans”. Before the release of this book, not a lot of information about the “Afghans” of Central Asia was known, although the citizens of the southern republics of the Soviet Union played a decisive role in Afghanistan, particularly as interpreters and advisers.

This book is dedicated to the memory of all “Afghans” of Central Asia, who are no longer alive, and who can not tell the world their story.

The project was conducted by the Public Opinion Research Institute (Astana, Kazakhstan). The Project team: **Aynur Mazhitova**, Master of Social sciences, **Gulden Yemisheva**, Master of Social sciences, **Damilya Zhanburchinova**, Master of Social sciences, **Yevgenia Rudneva**, Master of Social sciences, **Damira Akhatova**, Master of Social sciences, **Aitolkyn Razhman**, Bachelor of Political sciences, **Anastasiya Shandryga**, Master of Social sciences, **Aizhan Nurgaliyeva**, Bachelor of Political sciences. Project managers in Kazakhstan: **Gulden Ashkenova**, Master of Social sciences, **Murat Uspanov**. Project managers in Tajikistan: **Muzaffar Olimov**, Doctor of Historical Sciences, **Saodat Olimova**, Candidate of Philosophy Sciences, Project managers in Uzbekistan: **Igor Biryukov**. Literary editor: **Anna Abashyna** (Russia).

We are grateful for the immense help that was provided by: **Muratbek Amirzhanov**, Union of Disabled and the War Veterans in Afghanistan Public Association in Astana (Kazakhstan), **Aslan Balkasymov**, Aktobe region Afghan War Soldiers-Internationalists Public Association (Kazakhstan), **Talat Muradov**, Chairman of the VETERAN Soldiers-Veterans/Internationalists Association in Uzbekistan, a member of the Supreme Council and Deputy Chairman of the Battle Brotherhood International Union, a member of the Coordinating Council of the interstate Warriors-Internationalists Affairs Committee of the Council of Heads of States of the CIS (Uzbekistan), **Abdurakhim Abdumanopov**, Chairman of the Board of the VATAN disabled veterans and victims of the fight against terrorism and armed conflicts Charity fund in Uzbekistan (Uzbekistan), **Alexander Knyazev**, Doctor of Historical Sciences, Professor, a member of the Russian geographical society (Russia), **Boron Saidaliyev**,

a member of Education and Science Workers Union, a member of the SHARQ\ORIENS research center (Tajikistan), **Khilolidin Zayniddinov**, a member of Education and Science Workers Union, a member of the SHARQ\ORIENS research center (Tajikistan), **Ibrahim Yatimov**, Deputy Chairman of the Veterans Soldiers-Internationalists Association in Dushanbe (Tajikistan).

The authors express gratitude to the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan for its support and opportunity to publish this book.

Marlene Laruelle
Director of the Central Asia Program at Institute for European, Russian and Eurasian Studies, Elliott School of International Affairs, The George Washington, Ph.D.

Botagoz Rakisheva
Deputy Director of the Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan, Candidate of Sociological science

Gulden Ashkenova
Deputy Director of the Public Opinion Research Institute, Master of Social sciences

***P.S.** While preparing this book for publication, it became known about untimely death of the two participants of the project - Bolat Maraluly Mukhanov (Kazakhstan) and Qadyr Kurbanovich Atabaev (Uzbekistan). We express our deepest condolences to their families, friends and fellow soldiers.*

They will be cherished in our memories forever...

• КАЗАХСТАН •

Фамилия Имя Отчество	Алимжанов Сатпек Кайдарович
Национальность	Казах
Год рождения	1960
Годы службы	1979-1980
Место службы	Кабул, провинция Кунар
Занимаемая должность во время службы	Командир отделения боевой машины десанта, заместитель командира взвода

В общем, я был призван на военную службу в Вооружённых силах СССР в мае 1978 года. Попал я служить в легендарную 103-ю гвардейскую воздушно-десантную дивизию, дислоцировались в Белорусской ССР. Наша часть непосредственно стояла на станции Боровуха-1 – 103-я гвардейская воздушно-десантная дивизия, 350-й полк, 3-й батальон, 7-я рота. Служил я сперва рядовым, после присяги – старшим командиром, пулемётчиком, потом был командиром отделения боевой десантной машины, заместителем командира взвода. О том, что мы попадём в Афганистан, конечно, мы не знали. Было такое, что была информация и... – что идут боевые действия, в то время. Были стычки на границе с Вьетнамом и Китаем. Ну, тогда и... знали, что была и... Апрельская революция, и не предполагали, что мы туда попадём. Но 10-11 ноября 1979 года была объявлена боевая тревога, после чего мы вернулись в аэропорт Витебска, в так называемый «Тёплый» лес. Мы ожидали там трое суток, и после трёх суток, на четвёртые сутки мы полностью – наша дивизия со штабом, со знаменем – подтянулись, так скажем, в другие города. Южные города – это город Балхаш, Чимкент, Ташкент и город Энгельс, потом уже находились там. 25 декабря 1979 года также была объявлена тревога, сели на боевые самолёты 86-е, была пятиминутная готовность. Самолёты стояли, грели свои двигатели и взлетели в направлении Афганистана. И с 25-го по 26-е как раз мы приземлились в аэропорту. Так – десантирования не было, самолёты приземлялись. Я сам выбежал, занимал круг обороны и... таким порядком, помощь нашей дивизии приземлилась в январе, конкретно наш полк приземлился в Кабул. После разбили лагерь возле аэропорта под Кабулом. 27 декабря осуществлялся всем известный штурм. В частности, дворец Амина и правительственный дом. С нашего полка участвовал 3-й батальон, по-моему, ещё с 317-го полка 3-й батальон, потом был «мусульманский» батальон и, как мы сейчас говорим, «Альфа». Это офицеры

все... ну и, в общем, осуществляли в бою поставленную задачу. Сам я непосредственно во взятии Кабула не принимал участия, потому что со всей дивизии набрали, как сказать, лучших стрелков. Я был командиром пулемётного расчёта, было со мною восемь человек. Ну, в общем, был показателем для сопровождения командира дивизии 103-й гвардии полковника Рябченко и начальника политотдела гвардии полковника Тимошенко, и вот мы их сопровождали. Когда уже после взятия Кабула наш батальон вернулся под Кабул, возле аэропорта меня снова откомандировали в свой батальон. Когда стояли мы под Кабулом, охраняли отступы к Кабулу с восточной, северо-восточной сторон города, были попытки там спровоцировать. Были, как сказать, первые... Ну, как скажем, душманы хотели ночью делать нападение – несколько раз были попытки, но безрезультатно. Они хотели спровоцировать, как сказать, спровоцировать между двумя батальонами. Ну, как это... левый фланг одного батальона и правый фланг другого батальона. Вот они заходили между батальонами и стреляли в одну сторону и в другую сторону и уходили. Естественно, батальон должен был открывать огонь, участвовать друг против друга. Но это у них не проходило. Потом до февраля месяца мы там находились, дали нам полевую почту. И в феврале месяце нас... наш батальон отправился в провинцию Кунар. Своим ходом 3-й батальон с 317-го полка и... десантировал и... на вертолётках. Тогда нам говорили, что там численность душманов и перешедших солдат-офицеров с Афганистана насчитывалась более трёх тысяч. Там были боевые действия, в провинции Кунар. Ущелье Челкой в провинции Кунар, мы стояли за Джалал-Абадом, за Джалал-Абадом Асадабад и Асмар, но, не доходя до Асмара, там стояла крепость двухэтажной древней постройки, стояла на берегу Кунара, куда впадает Кунар, река Челкой, – и в этом треугольнике стоял наш лагерь. Командир батальона у меня был гвардии капитан Фролагин. Начальник штаба батальона был товарищ старший лейтенант Евтукович Валерий Евгеньевич. Замполитом батальона был гвардии старший лейтенант Баштанов. Командиром – гвардии Веретинский. Замполитом роты у нас был товарищ старший лейтенант Дружинин. Сейчас я только вспоминаю словами большой благодарности – если честно сказать, мы остались живыми благодаря их умениям, их грамотности. Были потери с нашей стороны, как в личном составе, так и в технике. Уже в провинции Кунар мы мирных людей не видели. У нас был переводчик, переводчика фамилии не помню, звали его Женя. По громкоговорителю он говорил. У них уже урожай убирают же два раза в году, арбуз в весенний урожай созрел, и по рупору-громкоговорителю он объявлял: мол, мы не пришли как завоева-

тели, объяснял наши цели, задачи наши, что мы из-за гуманности прибыли туда, чтобы они спускались и убирали свой урожай. Действительно, люди спускались – только женщины (мужчин не было), они действительно спускались и собирали урожай. Ну, в нашей стороне, по левой стороне Кунара они прямо убирали урожай. Хотели сами помочь, но, когда мы подходили, они боялись – уходили снова в горы.

Находился я сам в Афганистане до июня 1980 года. В общем, наш призыв демобилизовался в мае месяце, но нас ещё оставили на одну операцию, потому что всех рядовых, всех, кроме как сержантов, всех демобилизовали, а сержантов оставили ещё на одну операцию. Командир батальона сам сказал Фролагин: «Вы всю свою задачу выполнили, ребята. Я вам не смею приказывать, к бою можете не идти». Но комбат Фролагин – действительно наш батя, батя с большой буквы, и как оставить, уйти – это как? Короче, не в нашем характере это было – сходили на последний бой, и 4 июня я сам принял присягу. 4 июня нас последних десять сержантов вылетели в Союз, приземлились мы в Фергане. В Фергане пробыли ещё четверо суток, оттуда вылетели в Белоруссию. Значит, под Москвой, в Чкаловске – приземлились оттуда в Белоруссию. В Белоруссии мы получили свои проездные документы, военный билет, и оттуда все разъехались по домам. По дороге я заезжал к своему другу – Даличев Олег Фёдорович, который сейчас служит, с которым вместе служили, потом дальше продолжил служить в войсках. Служил здесь в войсках специального назначения, вот, потом повторно попал в Афганистан, ещё два года служил, сейчас тоже на заслуженном отдыхе. Женат, двое детей. 15 февраля созванивались. Вот так, что ещё можно сказать...

Скажите, пожалуйста, соответствовал ли уровень военной подготовки реальным условиям службы в Афганистане? Какие были недостатки и просчёты?

Вообще наша дивизия, в общем, в Союзе была самая лучшая дивизия среди Воздушных Войск. Но мы не были предназначены для ведения боевых действий в горной местности – для этого и... была и... Ферганская дивизия. Мы были ориентированы на другую местность, лесостепную местность, для горной мы не были предназначены.

Вы адаптировались быстро там?

Ну, организм молодой, подготовка была действительно. Когда мы были первый день в Кабуле, это, конечно, сказывалось. Но когда спустившись дальше, к долине – уже относительно. Правда, с полной выкладкой, сейчас вспомню, или с двумя выкладками... даже с полтора,

допустим... точно, и собирать жилет, каска, патроны... патронов – сколько утащим... было сложно, потому что в горах один-один.

Адаптация – как сказать, жару нормально мы переносили. Что интересно, наша зима была такая: в 1959 году обильный снег выпал, и через двадцать лет это повторилось. В 1979 году обильный снег опять, трескались руки, мочки, спишь – прилипает, утром сдираешь, всякой мазью мажешь. Потом помогает народное средство: было, солью всё берёшь мажешь – всё нормально.

Обмундирование, питание соответствовали боевым условиям тогдашних советских войск?

В общем, я скажу так. Десантные войска предназначены для чего? Захватывать поезда, удержать до прихода основной силы, сдать, как говорить, обратно.

Питание вроде так – нормальное было. Но, конечно, говорят, недостатки были. Потом уже сделали – полевая кухня была, где пекли белый хлеб и чёрный хлеб, но, правда, они маленькие были.

Ещё свой день рождения. Ещё как раз с Кабула мы пошли 15 февраля (у меня как раз 15 февраля день рождения) и поднялись по тревоге, заняли оборону. Бывший командир роты гвардии Валерий Евгеньевич – он тогда был ещё лейтенантом молодым, и он стал уже перед Афганом начальником штаба батальона. Я забыл про свой день рождения, когда, понимаете. А когда на базе приходят и говорят: «Свой взвод построите!» – я построил. «Докладывай!» – я встал в строй. Потом говорят: «Сержант гвардии Алимжанов!». Я говорю: «Я!» «Выйти со строя на пять шагов!» – я вышел. И все сразу говорят, что я что-то натворил. И он начал говорить – в нашей роте год назад тоже была объявлена учебная тревога, вторая тревога, и пообещал меня отпустить в увольнение. Был усиленный караул, попал я в караул (помню как сегодня), он и поздравил меня с днём рождения – подарил мне булку белого хлеба, булку чёрного хлеба, четыре банки тушёнки, пачку сахара и, конечно же, самые лучшие пожелания. Я думаю, пожелания исполнились – главное, что я вернулся к родителям живым, здоровым и невредимым.

Командир полка у меня был тогда гвардии подполковник Шпак, потом он служил генералом званием полковника, ушел в отставку и был командующим Воздушно-десантных войск Российской Федерации. А мой командир роты – начальник штаба батальона, потом он стал замом начальника штаба и командующим военно-десантных войск. Я ездил к нему в Москву, к своему ротному. Он уже был генерал-лейтенант. Я ду-

мал, как к нему обратиться? Я как-то во время обеда, что интересно... Он, генерал, не ходил, естественно, в столовую, он ходил в солдатскую столовую. Он был и лейтенант, а теперь ещё генерал-лейтенант. Посмотрел – он идёт. Я ему вслед: «Товарищ дважды лейтенант, разрешите обратиться!» Он остановился, по голосу узнал: «Казах, ты что ли?» Ну, мы обнялись, конечно. В кабинете всех заместителей, всех офицеров был в гостях.

Имеете ли боевые награды?

Там я, в общем, после как я уже приехал, за боевые заслуги получил в прошлом году в августе месяце... я получил афганский орден Красной Звезды – «За храбрость» называется. Через 31 год и 1 месяц, там несколько дней. Это в прошлом году я получил в августе месяце. Ещё есть награда от афганского народа, а остальные уже юбилейные.

Скажите, брали ли советских военнослужащих в плен? Если брали, то какова была дальнейшая их судьба?

При нас никого в плен не брали. Не было таких случаев.

А как Вы оцениваете моральный дух и боевую готовность афганских моджахедов?

Они защищали свою родину, естественно, мне кажется. Я бы сказал, молодцы они, дух у них высокий. Правда, они так нападали, когда имеют, естественно, численное преимущество. Вот они вступали в бои, бывало такое, в бой, допустим, хороший наряд был, действительно очень большое преимущество было. Мы, конечно же, и они нас уважали. Потому что сколько раз было такое, что у нас не было такого, что мы от них отступали. Своё «Я» показали, как и... говорится. Даже по средствам массовой информации их полевые командиры же особо подчёркивают, как воевали советские десантники, что с большим уважением относятся как военные к военным. Это известно, это действительно так оно и есть.

Расскажите об отношениях между населением Афганистана и советскими военнослужащими? Были ли у них конфликты вообще? Между населением и советскими военнослужащими?

Ну, когда мы в Кабуле стояли вот, отношения, наоборот, дружелюбные были. Но не знаешь, кто он: днём он, возможно, друг, ночью – душман. Но факт в том, что и... дети подходили, и... даже им свои береты давали. Когда охраняли аэропорт, солдаты стояли тогда ещё, когда в Кунаре мы стояли, нам дали, как бы сказать, недельный отдых. Для чего? Должны дать нам прививки от холеры, чумы, тифа и от желтухи. И ког-

да в Асадабаде стояли, там мирные жители подходили – менялись вот у них чищенный грецкий орех на тушёнку. Потом солдаты были, проводили соревнования по футболу: их солдаты – наши солдаты. Потом хотели провести по рукопашному бою. Ясное дело, с каких позиций, целей, но не стали проводить рукопашный бой. Это, естественно, вызвало бы негативное отношение. Чисто мирный спорт, в волейбол мы играли между солдатами.

Расскажите, пожалуйста, о доступности наркотических средств в Афганистане.

Это уже вообще в нашей роте курящих не было. Было трое механиков, водитель, которые курили сигареты – обыкновенные советские сигареты. Мы даже не знали понятия, что такое мак, что это наркотическое вещество. Мы не знали, что такое маки. Мы далеки были от наркотиков. Потом уже ребята, когда служили после нас год, два, три, потом вроде начали узнавать, что это мак – это наркотическое растение. Но они везде повально растут. Когда с горы смотришь на долину, они как-то растут, пшеница растёт и мак – в шахматном порядке. И красиво всё – красный мак и зелёная пшеница. Мак-мак – цветок-цветок, а так даже мы и не знали.

Были ли специальные программы по психологической реабилитации военнослужащих после службы в Афганистане?

Нет, не было никаких абсолютно...

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную помощь от государства как бывший воин-интернационалист? Какие-то льготы есть у Вас?

Да, есть.

Ну, Вы считаете это достаточным?

Нас приравнивают к ветеранам Великой Отечественной войны, понимаете, но как мы можем приравниваться? Даже тыл тех годов может приравниваться. Почему? Потому что обеспечивают этот фонд для победы. Мы довольствуемся внуками, а статуса у нас нет.

Когда приглашают в школу, даже тогда когда я в школе был, во многих школах был, ну один и тот же вопрос в разных школах мне задавали: «Что вам даёт государство? Есть ли у вас какие-то льготы?» Вот такие задают вопросы. Мальчики задают вопросы. Да, я им отвечаю, есть льготы – как говорится, обходил углы. Потому что под этим вопросом кроются другие вопросы. Потому что он может сказать: «Я подрастаю, завтра я

пойду в армию, меня могут послать, а что я буду иметь взамен? Вдруг, допустим, рана искалечит?» Если он... Я бы даже сказал так: если убьют, это же хорошо, потому что ему уже ничего не надо. А те ребята, которые искалечены за 9 тысяч? Что мы, как можем прожить – там прожиточного минимума даже нет.

Да, сейчас Казахстан у нас поднимается, с колен уже встал, слава Богу, у нас есть... У меня свои сыновья есть. Старший сын капитан, ещё два сына. Я хочу, чтобы они были военными, в общем, потому что надо родину защищать. А кто будет защищать, как не наши дети? А теперь так, действительно... Если так подумать – конечно, не дай Аллах, чтобы были боевые действия, и если опять дети будут, опять на эти 9 тысяч – я не согласен.

Как часто Вы ностальгируете по периоду службы в Афганистане?

Я постоянно служил. Дома ставлю марш «Прощание славянки», ещё ставлю песню «Белый вальс». Мой земляк старшего призыва, один из первых, который погиб там. Вот его девушка ждала, ждала, ждала и не видит человека... Всё-таки она встретила его, понимаете, – просто похожего человека на Ваню, родила от него сына и назвала Ваней. Сейчас живёт, растит сына. И эта песня предназначена для него – «Белый вальс».

Испытываете желание вернуться туда, в Афганистан? И если да, то в качестве кого?

Гостя, да.

Вы, наверное, слышали, в прошлом году, в апреле месяце собирались в Афганистан отправлять наших казахстанских солдат?

Да.

И как Вы оцениваете решение Казахстана о направлении воинского контингента обратно в Афганистан?

Я скажу вам так. Надо учиться, надо всегда учиться, но коль направляют туда... Ну, конечно, нужно иметь потом защищённость. Вот нас отравили в своё время в Советский Союз. Были же такие моменты, когда говорят: «Мы вас туда не отправляли». Есть такое также – чтоб им потом такое не говорили. Раз ты присягнул, приказ беспрекословно выполняется, он не обсуждается.

А правильность – неправильность... Я считаю так. Сейчас говорят: Советский Союз сделал ошибочный шаг. Сейчас, конечно, можно всякое говорить. Но на тот момент, действительно, почему нас подняли по тревоге с 10-го на 11-е? Подняли по тревоге, забросили с 25-го на 26-е

декабря? В ноябре подняли по тревоге, а в декабре мы только десантировались? Это тоже люди, как бы ни говорили, как бы ни хаяли, но люди тоже были думающие! Но мы же опередили американцев! И знаете, и между прочим, когда был Советский Союз, в общем, Советский Союз самый первый признал Афганистан, Афганское ведомство. Государство признало молодое советское. Это в 1924 году они подписали ещё договор, потом же – на 60 лет вроде бы или на 50 лет. Потом ещё он продлевался, ещё при Брежнев, – о помощи. И с южных рубежей у нас даже средства ПВО даже не было, представляете? На других границах были – со стороны Афганистана даже не было. А мы же знаем сейчас, что тогда знала разведка, что американцы хотели бы поставить в горах свои «коршуны» над уровнем 4 тысячи метров, над уровнем моря, свои ракеты где-то, вы представьте себе, попадать прямо. Тем более же они знают, сколько – на память вроде разов семнадцать – просили о помощи, потом уж только ввели. Ну, сейчас можно по-всякому сказать – правильно – неправильно... Как говорится, и монета, и медаль имеют две стороны.

Среди потерь... У нас было, вроде 14 апреля, – на mine замедленного действия подорвалось и погибло наших семь человек и комсорг полка, к нам он перевёлся, был только на два дня. Утром передвигались с Джалал-Абада в свой район, там погиб ещё один – Серёга, с Ростова который был, с Батайска. Полгода у нас ещё был Амещенко Виктор, командир отделения, механик-водитель Сибираков, и ещё четверо молодые были там они, сапёры. Ну, все там, как раз когда взрыв получился, сдетонировали тротилы у сапёра, и получил так взрыв, где башню откинуло на 74 метра. В общем, собирали по кусочкам, собирали по кусочкам четверых, а остальные трое заживо... ну, в общем, сгорели там. Также были потери и в 9-й роте – в 9-й роте командир роты погиб. Вот говорят же, пуля – дура. Мы вот учились в Челкой. Когда там были, с нашей стороны потерь не было. Была уже осень. С нашей стороны был только один раненый пулемётчик. Представьте, у него брали жилет, оружие, здесь подsunул магазин, второй подsunул фляжку с водой, и была маленькая щель. И вот в маленькую щель попала пуля. Оказывали первую помощь, обезболивающее выдавали. Пока спустились – всё нормально. Когда увидели «вертушку» – сознание теряет. Как раз когда приземлялись забрать его, как раз одна «вертушка», огненный след от летящего снаряда – ветер хвост зацепил, он опрокинулся. Потом узнали, что это был вертолётчик афганский. Первый вертолёт были наши лётчики, а второй – были афганский. Ну, мало опыта или чего там, задел и пулемёт. Ну, этого пулемётчика в первый самолёт – отпра-

вили его в Джалал-Абад в госпиталь. Ну, сказали, будет жить, но комиссовали его. Ким Вадим вот, земляк с моего призыва, в Караганде живёт. И там, когда воевали, в общем, стреляли с близкого расстояния, был пулемёт, везде взрывы. У меня часы были – ну, металлический браслет. Раскололись часы, осколки попали в руки, и разбились. Потом во дворце Амина мы брали ложки эти – там серебряные ложки были тяжёлые, в общем, там с узорами. Солдат без ложки – это не солдат. Вот и у нас был старший лейтенант, сапёр батальона, он был к нам командирован. Пуля попадает ему в ложку, рикошетом попадает, с камня попадает ему в зуб. У него передние зубы были – коронки золотые. Один зуб сломал, и эта пуля осталась у него во рту. Вот и такое бывает. И его постоянно спрашивали (звали его Серёга-старлей, такой молодой, общительный парень): «Серёга, как дела?» Он всегда показывал зуб и говорил: «Отлично».

Потом, что интересно, когда вот тесное общение идёт, там уже действительно, даже вот как друг получает письмо – более пятидесяти процентов уже угадываешь, что у него написано в этом письме. Почему? Потому что мы знаем, кто есть, какие родственники – сестрёнка, братишка, мама, папа, – уже.

Жили, как говорится, не в землянках. В общем, как сказать, строили под палатку яму, дверь ставили, потом пол закрывали, и дождь стекал. Белую простыню мы увидели, когда приземлились в Фергане. Вот тогда мы увидели белую простыню. Но когда в первый раз садишься – хлопок отдаёт, непривычно было.

Всегда вспоминаешь. Говорят же: кто не видел студенческую жизнь – тот не видел юность, кто не видел армейскую жизнь – тот вообще не видел жизни. Тяжело было, но я всегда вспоминаю... Пускай хоть были боевые потери, но самая лучшая жизнь, мне кажется, это самые лучшие годы – два года армейской жизни. Потом я учился в Караганде, был курсантом – тоже похоже на армейскую жизнь. Армейская и солдатская – это совсем другая жизнь. В общем, народ там бедный, очень бедный. Представьте себе, до нас там воевали.

А вот до службы в Афганистане, когда у Вас проходила подготовка к Афганистану, Вы слышали ли об Афганистане, о культуре, о традициях, обычаях этого народа?

Нет, ничего. Да, говорили во время занятий, что была Апрельская революция вот. Что? Как? Почему? Полностью... допустим, даже, я говорю, когда нам объявляли тревогу, мы изначально думали, что нас бросят на китайско-вьетнамскую границу. Как раз там газета печаталась: вьетнамские бомбили китайские танки – получил фотографию, там было, в

«Красной звезде». Мы думали туда. Но когда объявили, что мы летим оказывать помощь в Афганистан, мы только тогда узнали. Ну, в принципе мы представляли Афганистан примерно из кинофильмов индийских – типа того мы представляли.

Когда в боевые части направляли, учитывалась ли религиозная принадлежность или национальная принадлежность?

Ну, тогда сперва отправляли «мусульманский» батальон – из числа советских таджиков, узбеков, ну, которые похожие... азиаты, короче. Их сразу переодели и сразу туда. Ну, их задачей была, говорили, охрана советского посольства. Нам всегда говорили, что их гвардейцев отличает: у них белые, потом ботинок и как голенище идёт тоже белое. Ну, нам говорили, что это их СС. А с белыми повязками были наши, как бы мусульманский батальон.

Были ли такие ситуации, когда отдельные военнослужащие из числа советских войск принимали ислам во время службы? Такие факты были?

Нет.

Ну что ещё рассказать... Ну что ещё я бы хотел сказать. Пользуясь случаем, хотел сказать: в армии служить сейчас один год. Ну, выше правительство знает, наверное, лучше, чем я, конечно, что один год – достаточно. А личное мнение – я считаю, что не достаточно. Возьмите маленький Израиль. Почему у них даже девушки служат в обязательном порядке, на равных два года? У нас ведь даже не все ребята, мужского пола не все служат. Но я считаю, что всех нужно пропускать через армию, чтобы знали команду, должна быть взаимозаменяемость. Сейчас, допустим, всех поднимем – он не знает, что такое оружие. Есть же первая шкала, вторая шкала, третья шкала и так далее. Это заполняют за короткое время. Допустим, сейчас, ссылаясь на технику, столько количества, мол, не нужно – ну, я с ними тоже согласен. Но робот человека никогда не заменит, в любом случае.

Даже в любой службе армии воспитывает это человека, воспитывает. В армии человек другим становится, абсолютно другим становится. Он уже там мужает, взрослеет. И даже в мирное время ребята, которые приходят с армии, и сейчас – совсем другими становятся. Когда сравниваешь, когда тот ровесник один отслужил, а другой ещё не служил, а они ровесники – у них даже тема разная разговора, взгляд даже по-другому! Я не хочу сказать, что наша армия занималась воспитанием, но, в любом случае, там и... дисциплина. Есть там «липовые», и, конечно же, чтоб

наши родители, как говорится, не «отмазывали» от армии. Такая территория – её нужно защищать и защищать!

На Бога надеяться нужно. самому. Интересно, почему американцы находятся за океаном, во что превратили Ближний Восток? Что хотят, то и творят. Сейчас они потихоньку и к нам придут. Этого нельзя исключать. Смотри, какая у них идеология – только стравливают, стравливают. А самый хороший «пирог» для них – это молодёжь. Сейчас дай подпитку молодёжи... Сейчас как раз возраст такой развития... Как говорится, воспитание получает в утробе матери, а остальное в этой жизни – от года до трёх, от трёх до пяти, от пяти до 14-ти, от 14-ти до 18-ти, от 18-ти до 25-ти. Вот такой есть, примерно вот так. А сейчас вот от 18-ти до 25-ти есть закрепляющий диалог, который есть потихоньку. Раньше, когда, допустим, был Советский Союз, граница была закрыта на большой замок: комар взлетает, вылетает – не давали летать. А сейчас возможностей больше. И поэтому, сегодня же говорили, даже в ЦРУ, когда был Советский Союз, был у них отдел, в котором выпускали анекдоты. Анекдоты про наших руководителей, героев. В школе, допустим, учат, что Чапаев герой, допустим, а потом выходишь – и анекдоты такие, про Ленина, Сталина. А идеология же потихоньку рушится же. Это капля воды камень точит – потихоньку повторяется первая, десятая, сотая насмешка, и он получает авторитет. Словами можно и... человека также можно убить. Она же, идеология, и есть – потихоньку, потихоньку, как вода в банке. Течёт, течёт возле стенки, и дом смывает – дом рушится. А человек, который о своём думает, даёт присягу, целует знамя, с оружием охраняет свой дом, свой род, своих родителей, но никогда, например, не пойдёт за идеологией, например, за нашими, как сказать, недругами, а они есть. Почему, интересно, всё они диктуют – американцы? Даже, видите, по средствам массовой информации сами афганцы, сами же дают интервью: хотя были советские солдаты, советская армия – такого отношения не было, как они. Где их мораль, где их нравственность просто человеческая? Сами по телевизору рвут Коран – зачем рвать Коран? Это святыня! Я вот знаю, что Коран, что Библия – святыне книги, их нельзя рвать, надо чтить. Почему они так относятся? Потихоньку эта идеология сюда придёт, безнаказанность их.

Даже по телевизору показывали, что вот как раз когда он был офицером (то ли майором, то ли подполковником в спецназе «Альфа»), смотрел, и когда он сюда попал, в Афганистан, встретил даже старосту – староста его узнал, обнимаются, целуются вот. И им староста говорит: «Помогите нам построить школу! Помогите тем-то, тем-то!» Советский

Союз очень много там помог, очень много. Если, допустим, другие не помогали бы тем душманам, моджахедам, действительно там было бы всё отлично-хорошо. С Джалал-Абада когда уходили на дембель, я видел там трактор ДТ-75 и комбайн. Они были, знаете, ярко-красного цвета. Я первый раз такой цвет видел – у нас всегда были синий, зелёный... Такой ярко-красный! Так в июне улетели, в июле месяце слышу по телевизору – этот трактор забрали. Кто забрал? Зачем забрал? Не пойму. Понимаете, это долгий разговор, много-много говорить... Потом брали в плен, мы своим наблюдающим говорили, на допросе он якобы говорил, что он будто журналист с Аравии. Ну, когда потом наш батальон... с командиром батальона получили мы благодарность с Москвы. Ну, был действительно агент ЦРУ, взяли одного, потом и второго взяли. Они, естественно, свою идеологию-пропаганду вели против нас.

А народ у них действительно трудолюбивый. А что – если есть тростник, землю пашут на буйволах, ручной серп, ручной молот. Если он дома имеет прямоугольную «буржуйку», тогда, значит, состоятельный это человек. Ну, вроде всё...

Вы являетесь членом какой-либо общественной организации?

Сейчас вообще я в звании подполковника в запасе.

Вы военнослужащий, да? Тоже офицер?

Да. И хотя я здесь живу рядом, это моя родина. Акколь здесь 90 километров отсюда. Являюсь председателем Союза ветеранов войны в Афганистане Аккольского района. Ребята сами избрали, говорят – всё равно тебе делать нечего на пенсии, возглавляй. Избрали в конце ноября 2010 года. В общем, своими силами мы установили мемориальные доски в школах, поручили ребятам в селе Енбек, в первой школе села Азат. Потом же оказываем, ну, помощь. Какую помощь – в Азате, там же мама Ищука. Дрова, чем могли помочь – дровами помогли. Потом «Время» газета выходит еженедельно, с днём рождения поздравляют ветеранов войны. Закрепили за школами. Какие мероприятия идут – приглашают.

Учеников привозил сюда, в бригаду нашу 36-ю, которая дислоцировалась на станции 40-й. Провели соревнования районные, потом в этом году провели соревнования к 23-й годовщине полевой стрельбе, неполная разборка-сборка автомата. Теперь вот планируем 13 марта, хотели до 8 марта, но там не получилось у нас. 13 марта хотим провести такое же соревнование, но уже чисто среди девчат. Плохо то, что сейчас уже ДОСААФ уже нет. Мы, как говорится, начинаем вместе работать с ДОСААФ. Но там, видите, не знаю почему, – требуют, требуют, ока-

зывается. В ДОСААФе тоже сократили, люди тоже на свой личный энтузиазм работают. Есть такой депутат областного Мажилиса, Семчук Валерий Николаевич, – тоже помогает чем может, тоже очень хороший человек, побольше бы таких людей. Потом же хотим уже к 9 мая провести уже районные соревнования между школами. Ну, есть, допустим, у кого брат пример – в городе Степногорске есть тоже объединение – Общественное объединение «Союз воинов». Но они давно начали, они выступали с концертами, в общем, тоже очень тесно работают с молодёжью. Всё ещё можно было бы более, более, более, но всё упирается в финансы. Ну, допустим, всё, что мы сделали, мы как говорится, из своего кармана всё делали. Есть план – поставить памятник «афганцам». Аким Аккольского района Усембаеву Асылу Сызбековичу в апреле месяце я должен представить ему эскиз, смету. И, конечно, будем выходить в народ, чтобы помогли нам. Ну, я думаю, что помогут. Район Аккольский – молодцы вообще и люди хорошие, отзывчивые. Ну, в общем, такая задача в принципе стоит. Есть же такая поговорка: «Никто, кроме нас», поэтому мы должны это делать. Пока будешь сидеть-просить... Есть и такая поговорка: «Под лежащий камень вода не бежит».

По отношению к исламу, к религии ребята понимали правильно. Тем более офицеры работали, даже когда в горах мы ходили на боевые операции, допустим. Исламское знамя – зелёное знамя, вспомнили, со звездой. Солдат не трогали, не рвали, не топтали, относились с пониманием, знали, что мы не «понты». Так же, даже когда среди населения находились, тоже, говорю, всё на дружественных основах – менялись часами, даже наши часы лучше, чем у них, мы не знали же штамповки. Вот у нас, например, были часы «Восток», «Заря», круглые часы, противоударные. А у них там – красивые, но штампов как раз нет. Потом узнали: зря менялись. А там ещё, где тепло было уже, ну видно же – ходят некоторые бедные в чапанах потных – мы даже свои бушлаты отдавали. Был ещё такой момент: брали в плен мы не сразу. В общем, много взяли тогда, два села, понимаете. Ну, проявляя гуманизм, объяснили, что нехорошо воевать, отпускали на добром слове – в другом бою снова попадались в плен. Ну, их тоже можно было тоже понять, ведь они защищали своих людей, свою родину.

Считаете ли Вы целесообразной следующую инициативу: чтобы эта война была признана как боевые действия в защиту Отечества?

Когда в бою, потери – естественно. В бою, война – это всё такое. А в мирное время сколько мы потерпели? Просто возьмём ДТП – есть потери. Напьются, между собой дерутся – есть потери. Есть и другие – это и наркотики, и всё остальное. Это как бы, понимаете, всё привычное.

Одна авария, не дай Аллах, – два человека, шесть человек... Обыденная жизнь, понимаете. А как это – люди-то привыкли. Значит, мы уже давно были готовы ездить на машине и тут рубиться, понимаете, мы уже готовы к этому. Если обо мне говорить, то я сейчас сяду за руль, не дай Бог, и я знаю, допустим, что я соблюдаю правила дорожного движения. Не нарушая, я буду ехать. Но кто-то может, не соблюдая, ударить меня. Значит, должен пешком ходить. Ну ладно, я могу поскользнуться, упасть – то же самое же. Так что теперь делать?

Нет, конечно. Я так считаю: моё мнение не должно быть таким. Сейчас, допустим, старший сын военный. Если будут отправлять, я же не скажу – давай сынок дезертируй, оставляй, будешь сидеть возле меня! Это же неправильно. Ну, конечно же, есть мамини сыночки, есть папины сыночки, которые не служат и не хотят служить. Они считают, что это позор, это стыдно. Раньше было наоборот – это гордость, чтоб сын служил. Девчата смеялись с тех пацанов, которые не служили, – думали, он большой какой-то! Было такое, да.

А сейчас редко кто в армии служит...

Редко – одно. Тем более – сейчас вообще один год... Я же говорю, раньше выпуск учебников был, раньше учили и рабочих-операторов, механиков-водителей, командиров отделения полгода учили. Два года служили, из них полгода учили, потом полтора года служили. А сейчас вот только начали понимать службу – уже пора уходить домой. Вот недавно, по-моему, у жены племянник отслужил год. Почему? Как? Нравится – не нравится? Он говорит: «Всё нормально». А просто говорю: «Как ты считаешь? (Вот он осенью пошёл демобилизовался.) И вот как ты считаешь, вообще год – достаточно или недостаточно?» – «Вообще, если честно говорить, только вначале понял вроде якобы, как бы стать асом своим солдатам». Ну, как бы говорят, «асом стал для своих солдат» – осознал. Свою обрёл армейскую психологию – уже домой. Потом парень сам и мудрит. И многие мне, допустим, говорят, что многое зависит от финансов. Много-много причин, и поэтому вопрос возник. Или, может, сейчас дети такие вундеркинды – всё могут. Но я считаю, два года – самое нормальное, оптимальное. Те же дети в своё время служили наши, допустим. Мой дядька, допустим, служил четыре года в Морском Флоте.

Сейчас четыре года в университетах учатся...

Да... Но потом сократили до трёх, сейчас сухопутный – до одного года. Ну, более-менее как в Германии служишь – днём пришёл, вечером ушёл. Возможно, и такое было бы хорошо, конечно. Но главное, чтобы знать отдельно: должна быть взаимозаменяемость, чтобы он и механи-

ком был, и водителем был, чтоб он был и снайпером, и пулемётчиком, чтобы всё у него блистало. Сегодня как хорошо, когда муж водитель и жена едет правильно. Детей, например, подвёз муж – привезла жена, допустим. *Взаимозаменяемость!* Везде так, чтобы взаимозаменяемость.

Фамилия Имя Отчество	Балкасымов Аслан Нуркасымович
Национальность	Казах
Год рождения	1960
Годы службы	1979-1981
Место службы	Перевал Саланг
Занимаемая должность во время службы	Горно-егерный батальон, заместитель командира взвода
Фамилия Имя Отчество	Койлыбаев Марат Айтуганович
Национальность	Казах
Год рождения	1968
Годы службы	1986-1989
Место службы	Хайратон
Занимаемая должность во время службы	Автомобильный батальон, водитель

В какой период Вы проходили военную службу в СА? Имели ли Вы какое-нибудь образование или работу перед призывом на военную службу? В каком военном округе, воинской части Вы проходили первичную военную подготовку? Какие у Вас были представления о предстоящей службе, после того как Вам объявили об отъезде на войну?

Аслан: Я, мы сперва служили в 1979 году, майский призыв. Вначале службу я проходил в городе Усть-Каменогорске. Там где-то семь месяцев отслужил. По тревоге в конце декабря 1979 года, в конце декабря нас по тревоге подняли, и поехали мы в Термез, на границу с Афганистаном. В Термез приехали, получили оружие и потом своим ходом зашли в Республику Афганистан. Там, когда мы зашли, там были партизаны. Партизаны – это прошедшие службу, им было где-то 35-40 лет, мужчины семейные. Послали на замену, зашли мы, это были 79-80-й. В начале войны зашли как миротворцы. Был приказ – не стрелять, мы не стреляли. Когда нужно было стрелять, мы не стреляли, потому что нельзя стрелять. Не поддавались провокациям, но всё-таки, видать, когда войну никак не могли остановить, война должна была быть. Поэтому где-то в начале марта, когда мы ходили в провинцию Бану (в то время маршал Устинов был

министром обороны СССР), был приказ – один выстрел. И, считай, тогда началась война. Конечно, что сказать про Афганистан – это мусульманская страна, верующий народ. В то время как мы – шурави, русский солдат, хоть мы и сами были мусульманами, но мы были солдатами Советской армии. В то время, конечно, идеология нашего Советского Союза была сильнейшей – за родину, поэтому надо выполнять все приказы.

Марат: Вы задали вопрос об образовании.

Да, у Вас до этого было образование?

Марат: Ну да. Я хочу дополнить ответ. Мы со школьной скамьи, так получается. Школу закончили, десять классов, среднее образование. После школы 17 лет, и потом в 18 лет нас в армию сразу. Как такового образования у нас нет. Если сейчас сказать, то по прошлому поднять вопрос. Можно сказать, знаете, по-моему, образованных туда не брали, после средней школы. Как говорится, дети министров или высокопоставленных не служили. Может, где-то попадалось, может, директора школ. Лично я не встречал такого. У вас тоже такого не было, да. Мы простые сельские ребята, с совхоза призывались, с больших регионов бывшего Советского Союза. С Москвы, с Ленинграда такое тоже попадалось, но мало. Первые дни, как рассказывал Аслан Нуркасымович, это был 1979 год. 1979 год – это тяжёлый. Пока приказа не было, можно сказать, они без ничего, без приказа, просто голыми руками. Промежуток какой большой: они вышли – мы пришли. 1986 год, мы с одного посёлка, с Алгинского района Актюбинской области, посёлок Карабулак, мы оттуда. Когда Аслан Нуркасымович пришёл с армии в 1981 году, я учился в шестом классе. Мы встречались, он рассказывал про Афганистан нам. Получается, в 1986 году я призываюсь, в 1986-м осенью в ноябре призываюсь в Туркменскую ССР, в город Мары. Возле Мары стоял пехотный полк, учебный полк. С ноября 1986 года до мая 1987 года проходил «учебку» шесть месяцев. И 15 мая мы, как они, – через границу Термез. Они через понтон заходили, а мы через мост. Мы через мост на машине уже заехали в Афганистан. Я сам служил в Хайратоне, там стоял батальон, отдельный автомобильный батальон Туркменистанского военного округа. Там были уже, железную дорогу они не видели, но железная дорога там стояла через Термез до Хайратона. Туда привозили боеприпасы, продукты питания. Мы на камазе уже дальше, в Хайратон, перевал Салык, в Баграм, Кабул, до Джалал-Абада. В сторону Гази я уже не ездил. У нас было два направления в Афганистане: это было Кушкинское направление – это Кандагар, Термезское направление – это мы, Хайратон.

Учитывалось ли военным командованием СА желание военнослужащих срочной службы служить в Афганистане? Многие ли из Ваших сослуживцев и ровесников желали проходить службу в Афганистане? Что Вам и обществу было известно о ситуации в Афганистане и действиях советских войск?

Аслан: В конце 1979-го, когда мы были в Афгане, даже об Афгане разговора не было. Где-то в 1978 году, в начале осени в наш полк приезжали, собирали одних мусульман для «мусульманского» батальона, для Афганистана. Мы только это знали. Когда в 1979-м, уже по тревоге мы поехали. Я там служил, в Афганистане, в горно-егерном батальоне на перевале Салык. Вы понимаете, как это, сейчас говори любому: кто хотел бы служить в Афганистане? Это – кто на войну? Любой родитель не захотел бы, чтобы сын поехал на войну. Потому что мы, сами знаете, казахстанцы, которые отказались от ядерных боеголовок. По-моему, никто не хочет войны. Казахи, сами знаете, мирный народ. По-моему, никто не хотел войны. Поэтому, когда мы в Афгане были, мы, конечно, мы своё принятие присяги выполнили с честью. Надо чётко сказать – мы своих предков знаем во время Великой Отечественной войны. Мы на их рассказах, их героях, подвигах выросли. И, по-моему, наше поколение и будущее поколение, по-моему, казахстанский народ, сейчас говорят: начиная с колыбели они росли патриотами. У нас это заложено в генах. Поэтому, когда я был в Афганистане, сколько видел: вроде посмотришь – тихие, спокойные казахские парни. Когда на операцию, на войну шли – у них глаза горели, понимаете. Он шёл, не зная ничего, не зная страха, потому что я был в спецгруппе из тридцати человек. Как разведывательные данные – мы окружали. Из них где-то 70 процентов были казахами, в этом отряде. Потому что мы окружали кишлак. Вот сколько там сил накоплено было – нам было всё равно. Мы шли и всё поэтому в Афганистан, как говорят, хоть и не наша родина, не наша земля. Ну, в то время идеология нам толкала то, что мы должны воевать как на родине, защищая интересы других народов.

Марат: Да, с честью исполнять свой интернациональный долг, как в то время Советский Союз...

Аслан: В то время Советский Союз был нашей родиной. Вот, например, сейчас возьмём: мы свою независимость взяли, у нас независимое государство – Казахстан. А вот, например, в Ираке было – наши же батальоны тоже выполняли свой интернациональный долг, например. Правильно, они тоже с честью выполнили свой долг, одному дали звание «Халық Қаһарманы» («Народный Герой»), это тоже значит.

Марат: Посмертно.

Аслан: Какие были времена, но родина одна. Она останется родиной, и за неё надо всегда бороться, за неё надо стоять, поэтому мы патриоты своей страны.

Марат: Для дополнения. Заметьте ещё, сейчас демократическая страна. Но в то время нас ребят – казахов, таджиков или других, русских со всего Советского Союза, много там, азербайджанцы, армяне, грузины, знаете, – в то время такое было, спрашивали о наградах, где служили и так далее. Потом действительно, да, было что-то такое. В основном, я хочу сказать, немножко несправедливость тоже была. Когда первые ещё были. Я ещё раз замечаю, ещё раз подчёркиваю всегда, когда встречаемся в школах, в вузах, я всегда это делаю, делаю анализ на то, что первые, которые вошли, они – первые. Вторые – это вторые, последние – это мы последние. Потому что они постарше были. Мы не отказываемся – мы прошли войну, мы уже все герои. Вы представьте себе, идут на войну и без ответа – такой вот приказ был, что стрелять нельзя. И потом даёт приказ маршал Устинов на выстрел через пять месяцев. Вот, сейчас на улицу выйдите, в вас будут камнями кидать, и вам ничего не дали за это. Если первые – это 1979-1980-й идти, мы войну видели уже в конце. Мы перевал проезжаем, у нас по дороге обстрел. Нам давали приказ: в случае обстрела чётные занимать места справа, нечётные – слева под машинными номерами. Обстреляют, обстреляют – пока обстрел не закончится, на машину не сядешь. Кто сгорел, тот сгорел. Кто цел, тот уехал. Сколько людей потеряли! Много ребят, которые первые начали.

У нас сейчас первый съезд прошёл, генерал Ертаев нас собирал. Много сейчас по психике, по инвалидности много ребят осталось – это же боль, это же наша боль. Это наша общая боль. Мы должны пережить. Мы не говорим, что была война, это уже прошло и мы на это должны спокойно так смотреть. Мы не должны так смотреть. Это моё мнение. Война есть война, война войною, но есть льготы кое-какие. Вот сейчас хотят нас равнять с участниками войны. Да, льготы ещё добавятся. Спасибо, есть кое-какие льготы в Актюбинской области, но всё равно есть. Вчера с Павлодара парень приезжал, он председатель инвалидов Павлодарской области. Тяжело разговаривает. Как тяжело мне как воину-интернационалисту, как участнику войны, мне на него смотреть тяжело своими глазами, которые видели войну.

Аслан: Когда идёшь к памятнику, смотришь, там третьим стоит Антипин Николай Алексеевич. Он был моим наводчиком, погиб в Афганистане. Тоже был единственным сыном в семье. Кроме этого, конеч-

но, сколько мы друзей потеряли, и мы своими глазами видели, как они погибали там. В мирное время, когда шла Олимпиада-80, по всему миру гремела олимпиада, а мы в горах в горно-егерном батальоне, воевали в горах. Это тоже кое-что значит, потому что там твои сверстники гуляют, а ты на войне. Уже там не простые пули, а боевые. Когда друзей теряешь, всё это видишь своими глазами, когда приезжаешь в свою родную страну, родной город, когда через пять-шесть лет развал Советского государства, тебе говорят: «Мы тебя туда не посылали!» Знаешь, как горько, а тут получается – мы вас туда не посылали. Кто тогда нас послал? Сосед что ли в магазин? Вот такая несправедливость иногда. И так на нашу долю попало, на наше поколение попало. Очень трудно это. Почему? Потому что, считай, мы три века пережили. Считай, в XIII веке – в Афганистане, потом XX-XXI века. Потом мы пришли с Афганистана, с войны пришли, перестройка пошла, потом – развал СССР. И говорят же, один восточный умник сказал: «Не дай Бог жить во время перемен». А мы сколько перемен видели, на нашу долю попало сколько перемен! Нас, когда после демобилизации с армии, нас бы хоть в психиатрии, в больнице лечили бы, посмотрели бы на наше состояние. Смотрели бы на нас, а не говорили: «Мы вас не посылали». Наоборот, лечили бы, а то как кто дебоширит, кто хулиганит – «афганцы».

Марат: Кто – алкоголик, кто – наркоман.

Аслан: Конечно, если у человека ушатанные нервы, контуженные в 18-19 лет... Мало того, здоровый организм – вот под пятьдесят все эти болезни уже выходят. Как это понимать? А теперь ему говорят: «Вот ты хулиган, ты дебошир». Конечно, когда в твоих друзьях стреляют на твоих глазах, умирают, всё это видит. Как быть иначе? Ещё на своей родине встречают так. Конечно, на нашу долю – очень серьёзная проблема. Конечно, спасибо главе государства. Это надо сказать, что нам каждому, хотя нет до сих пор нас в учебниках с 1-го по 11-й класс, нас до сих пор нет, но в каждом городе есть памятник воинам-интернационалистам. Наши воины книги выпускают. Даже мы в Актыюбинске выпустили свою книгу – «Мы исполняли свой долг», «Біз антымызды орындадық». Мы писали про живых. Если живого при жизни не уважать, то когда уже погиб – какой толк? Уважает или не уважает, то человек уже в могиле лежит. Надо человека, пока он живой... пока он дышит, ему надо помочь. Благодаря Актыюбинской области акимам, городскому акиму у нас в Актыюбинске, например, освобождение от оплаты коммунальных услуг. Единственная область по СНГ, которая может, можно сказать, по Казахстану. Это надо говорить, всем говорить надо. Мы сюда с Маратом вдво-

ём приехали для чего? Чтобы... вот 24-го будет конференция «Нур Отан» – совместно с «Нур Отан», чтобы о нашем статусе войны... Это большая проблема. Большой разговор, я думаю, будет.

Марат: Потом, да, о статусе участника войны, льготы там добавить. Но у нас, подчеркну Актюбинскую область, что у нас освобождение от оплаты коммунальных услуг. Не только же мы воевали, Актюбинская область, – почему по всему Казахстану такого нет? Нас немного, 17 тысяч по всему Казахстану, а в нашей области 1033 числится. В живых сколько числится, в данный момент я не могу сказать точно. Недавно у нас случай был в Актюбинской области. Приехал сослуживца парень к другу отца (мы вместе служили) и со мной разговаривает: «Агай, вы, оказывается, на войне служили. Расскажите про войну!» – «Твой же отец тоже служил!» – «Нет, не служил он. Почему у вас льготы есть, а у нас нет?» Это соседняя область – Уральск, та же Атырауская, тот же Актау. У нас нефтяная область, ну, Кызылординская область, в Талдыкоргане, в Павлодаре. Экономика в Казахстане – слава Богу, можно «афганцам», я так думаю, помочь и в других областях.

Расскажите, пожалуйста, об условиях службы в Афганистане. Как проходила адаптация в Афганистане? Соответствовал ли уровень полученной военной подготовки реальным условиям службы в Афганистане? Какие основные недостатки и просчёты были Вами отмечены в подготовке? Как проходила адаптация вновь прибывших военнослужащих к новым условиям службы и климату? Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

Аслан: Там об адаптации вообще разговора не было. Когда человек идёт на войну, когда по тревоге поднимают – какая там проблема, какое погодное условие, там уже ясно. Мы приняли присягу все выполнять там приказы МВД. Там нет такого: ой, здесь оказывается холодновато! Какое обмундирование было в Советском Союзе, с таким мы и зашли туда. Там, конечно, местность горная. Конечно, мы горно-егерный батальон, у нас форма другая была, железные шипы там. Движение в горах – как у альпинистов. Оружие, конечно, было новейшее – АК-80. Новейшее оружие последнего выпуска нам давали, когда мы были в горно-егерном батальоне. Каждый день у нас проходила типа как подготовка в Афгане, потому что мы в Союзе жили в долинах, а там горная местность и боевые действия абсолютно другие. Если тут в длину горизонтально идёшь, а там уже идёшь цепью, когда уже в горах. Уже абсолютно другая военная

тактика. Вот нас по ходу учили. Потом, конечно, рация там, «вертушки» там помогали нам. Вот такие действия.

Марат: Можно сказать, мы как азиаты. Нам, можно сказать, немножко полегче по сравнению с Россией, с Сибирью. С Новосибирска ребята приезжали, например. По адаптации: руки поранят – у них тяжело зажило. У нас-то немножко жара есть. 40 градусов там, в Афганистане, – у нас тоже так. В Сибири климат особый, не такой же. В инкубаторе держать или в теплице держать – таких условий не было, конечно. Приказ есть приказ.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого?

Аслан: Там в день пять раз нападения. Первая операция – это операция «Бану». Провинция Бану – это близ пакистанской границы. Это было первый раз. Потом есть такая долина знаменитая Чарикарскую, такая знаменитая! Кто в Афгане был, знает Чарикарскую долину. Вот в этой Чарикарской долине был два раза. Тогда Чарикарская очень тяжёлая, потому что там кишлаки, а в кишлаках подземные проходы были. Очень сложно воевать там. И потом я участвовал в операции «Бамиан». Операция «Бамиан» была туркестанским треугольником. Я там своими глазами видел, как наши танки горели – как спичка горели. Я, когда пацаном был, кино смотрел: танки горели во время войны. Я постоянно думал, как это так – железо горит? Как это может быть? А здесь я своими глазами видел. Я там одного узбека вытаскивал, помог вытащить с горящего танка, даже его имя не знал. Через 30 лет узнал его имя – Шухрат имя. Потому что я здесь встретил его командира танка. Здесь, в Астане встретил. Оказывается, он этот эпизод помнит. И только тогда я узнал, через 30 лет, как зовут этого узбека – Шухрат. Может, когда-нибудь меня покажут, он меня узнает. Вот такой случай был. Это операция в Бамиане, мы освобождали десантников. Там был интересный случай: когда мы в Бамиан заходили, с двух сторон стояли афганские народные армии. С цветами встречали нас – как освободителей, что нам интересно. Конечно, в то время мы были ребятами 17-18 лет – молодые ребята. В бэтэрах сидели, заходили в Бамиан. Когда расстояние два километра, все в солдат кидали цветами как в освободителей. Конечно (смеётся), в то время радостно, когда встречают.

Марат: Ну, также мы ходили в рейс, мы возили боеприпасы, я вам до этого рассказывал. По дороге обстреливали. Где сейчас перевал Саланг, там много случаев было. На перевале я ездил иногда как «техзамыкание» – это когда ты последний едешь, где машина сломается или колесо там, надо будет поменять. Мы помогали, сзади оставались техзамыкани-

ем. Техзамыкание постоянно сзади остаётся. Кто первый приезжает – на временное место дислокации останавливается, техзамыкание на четырёх-пять часов опаздывает, сзади едет. Горная местность – у них своеобразная тактика. Вообще в горной местности тяжело. Если мы на машине по трассе ездим. Что интересно, посевная начинается – в Афганистане тишина, все работой занимаются. Посевную закончили – начинается обстрел. Уборка начинается – опять тишина, делом занимаются. Уборка закончилась – обратно начинается. В основном в мае, 9 мая. Случай помню 7 ноября – это у нас День революции. Вот таких случаев много.

Аслан: У меня родной брат тоже служил в Афгане. Мы два брата там были – Руслан, Аслан. Он, оказывается, на перевале, как раз перед Салангом, где я стоял. Три дня стоял, оказывается. Я ему до сих пор говорю: ты бы голову высунул – есть такой с Актюбинска. Не могли встретиться, конечно. Когда 23 февраля 1980 года или в ноябре там погибло где-то 18 человек, а вот мой брат ехал замыкающим. Замыкающим – значит сзади, поэтому в живых остался. Я как раз с полка ехал, с той стороны выгаскивал погибших, а я не знал, что брат с этой стороны стоит.

Вы вообще знали, что Ваш брат попал туда на службу?

Аслан: Нет, не знал. Когда с Афгана пришёл, тогда узнал, что тоже служил. Он в Кабуле служил.

Марат: Видите как вас судьба – из дома два брата ещё. Там у нас матери переживали за одного, а здесь два брата с одного дома.

Аслан: Покойный Антипин Алексей Николаевич 14 марта – Науырыз мейрамы, наш мусульманский мейрам, – в тот день на посту стоял. Как раз командир замком взвода Коштанов Кылышпек с Чимкента прибегает (менялись на посту: он сходит проверит, я стою проверяю). Прибегает: «Аслан, твоего наводчика нет на посту», – говорит. Всю ночь искали. В то время как раз мейрам, как раз афганская машина стояла. Мы думали – всё, в плен взяли, потерялся, единственный сын. Где-то под утро, в четыре часа (до утра искали)... Он, оказывается, – за камень, спать захотелось, уснул там. Выходит: «Аслан, я здесь», – говорит. Молодые же, маленькие ещё, что там – 18-19 лет?

Марат: Сейчас да... В данный момент уже свои дети. Например, моей дочке уже 20 лет. У него уже постарше, уже внуки есть. Сейчас думаешь: в 18 лет ребёнка если отправить? Сколько в нас ответственности, сейчас думаю. Сейчас мне уже за сорок. Я думаю, эта ответственность, сейчас, мы справимся или нет – это, оказывается, обстановка такая. Я сейчас с учащимися вузов, со школьниками встречаюсь – есть ребята-патриоты, не дай Аллах, конечно, войны в нашей республике.

Аслан: Когда историю изучаешь, читаешь, как наши предки, наши деды, наши отцы, оказывается, даже во время войны – в таких сложных операциях... Большинство туда кидали наших казахстанцев. Вот, например, война под Сталинградом, под Калининградом, Ржевом... например, операция «Марс», блокада под Ленинградом... вы понимаете, 28 панфиловцев, казахстанец Бауыржан Момышулы... – где в такие пекла кидали наших казахстанцев. Почему? Потому что казахи наши – народ воинственный. Они не знают, что такое идти назад, – только вперёд. Казахи – такой преданный народ, они не сдаются. С одной стороны, это приятно. С другой стороны, наших дедов жалко. Когда я подо Ржевом был в 2010 году – был Поезд Победы, там мой дед погиб, – конечно, мне жалко было своего деда, потому что те мужики, которые были, они рассказывали, как на три человека одна винтовка на врага шли. Мне своего деда жалко было. Так ненавидел командующего, который их посылал туда. Как можно посылать человека без оружия и на огонь? Я не понимаю. Когда я сам был на войне, будучи сержантом, я командовал взводом. Это очень большая должность, тем более сержант. Там были молодые, ну, как молодые – на полгода позже меня служили, их мы оставляли при сложной обстановке. Мы сами, старослужащие, сами шли. Чтобы не допустить ошибку, чтобы тот зря не погиб, понимаете? Уже мы, люди почти XXI века, мы так делаем, а в то время почему они об этом не думали? Мы думали, чтобы меньше людей погибло, об этом думали. Я же не генерал, не главнокомандующий, я простой сержант – и то мы так делали. Кадровый офицер должен думать, когда на войну человека посылает. Должно быть полностью обмундирование, полностью вооружён. Когда подо Ржевом, когда старики начали рассказывать – на три человека одна винтовка... Не знаешь даже, как думать! Человек бегает, думает, когда умрёт, когда в руках нет автомата. Очень сложно.

Вы имеет боевые награды?

Аслан: У нас такой нет – боевой награды. У нас есть награда от дружеского народа афганцев. Такие награды есть у нас, в начале войны о наградах вообще разговора не шло. Вообще при советской власти, когда мы шли в Афган, в полевых условиях (у нас как Афганистан считался полевым), – шесть месяцев должны были отслужить и выйти с Афганистана, а мы там полтора года служили.

А какими были отношения между солдатами срочной службы и офицерами Ограниченного контингента советских войск в Исламской Республике Афганистан? Степень доверия между ними?

Аслан: Доверие было сильное. В то время, я же говорю, идеология была очень сильной. Мы командиров уважали, потому что командиры с нами тоже не обращались, как в мирное время. Смирно, направо, налево – такого не было. Они разговаривали с нами как с боевыми товарищами. Понимаете, у нас ситуация абсолютно другая. В мирное время так служат, а служба в Афгане абсолютно другая. Мы уже боевые товарищи, командир с командиром. Отправляют на действия, как во время войны Бауыржан Момышулы – «За Сталина!». Или Бауыржана Момышулы называли батькой – точно так же и у нас, у нас отношения такие же, как в боевых действиях. Вот, например, я сегодня вечером хочу съездить в Павлодар, там у меня командир – Юрий Генрихович Киселёв. Он был у нас командиром роты, он, оказывается, в Павлодаре. Я хочу к нему съездить. Мы его сильно уважаем. С одной стороны, молодые были, шалости были, но он мой командир и боевой товарищ. Вот такие отношения.

Марат: У нас то же самое. Туда пришли после «учебки». На «учебке» – равняйся, смирно, направо, налево. А туда пришли – насчёт этого уже попроще было. Там такого не было.

Не так строго было?

Марат: Да, не так строго было, и такое отношение, когда уже дальше служили, когда в рейсы ходили там вообще. Бывали случаи, когда молодые лейтенанты приходят, когда я уже отслужил полтора года, они приходили: «Стройтесь, солдаты!» Потом в рейс пару раз съездыт... Потом самое главное – дружба там.

Аслан: Потому что друг за друга там ручались, прикрывались. Они тебя прикрывают на операциях. Тем более в этих долинах очень сложно – когда как даст шквальным, даже не знаешь куда спрятаться. В таких случаях вот это всё видеть – это уже отношение вообще другое было. Вот сейчас у нас генерал Ертаев – Халық Қаһарманы (Народный Герой), он как наш отец. Мы его до того уважаем, потому что он там командиром батальона был. Наш президент Нурсултан Абишевич Назарбаев дал ему «Халық Қаһарманы» («Народного Героя») – он говорит: «Это не мое, это на всех нас». Если кто служил, например, в мирное время, и как он разговаривает с генералом своим; кто служил в боевой обстановке, как разговаривает с генералом – это две разные вещи. Мы со всеми разговариваем как боевые товарищи, которые видели войну вместе.

Марат: Человек. Вместе в таких условиях ел тушёнку с одной ложки, с одной банки. Даже сейчас, в мирное время генерала увидят.

Аслан: Потому что в мирное время – это одна служба, в военное время – абсолютно другое. Ты как командира уважаешь, как родного уважа-

ешь. Например, я «афганец», как называет народ – «афганцами» – воинов-интернационалистов. Я могу по всему Союзу идти просто, у меня один вопрос: «Здесь есть, кто в Афганистане служил?» Там мои родные уже. Он хоть чеченец, или там латыш, или русский, или украинец – там такого не было. Они наши родные братья все. Мы друг с другом обнимаемся, как у себя дома, потому что они всю эту войну видели, мы видели вместе.

Марат: Мы в Джалал-Абад ехали, это был где-то 1988 год, лето, это мы уже считались старослужащими. В Джалал-Абад замыкающими, последними ехали. Перед Джалал-Абадом, сейчас названия не помню, там колодец есть, там пальмы растут. Кто эту местность хорошо знает, я дорожку помню, всё помню – название колодца не помню. Мы там стояли, нас там немножко окружили в этом месте. Там стоим разговариваем как в шутку, один душман пришёл, на русском хорошо говорит. На русском они большинство хорошо говорят, потому что они учились кто-то в Саратове, в Одессе. Я много раз встречался с такими ребятами. В то время, как после техникума, училища приезжали, у них они считались образованными, понимающими и можно разговаривать с русскими солдатами. Подходит оттуда, с тени, кричит на меня:

– Эй, кто там есть? Вы окружены, – как в шутку говорит. Если окружены, посмотрим, повоюем.

– Ты кто? – говорит мне.

– Я казах, – я говорю.

– А, ты казах, ты же мусульманин. Там кто есть?

– Ещё казах есть.

– Ещё кто есть? Русские есть? Русских оставляйте, сами езжайте.

– Слушай, у нас фильм был – «Место встречи изменить нельзя». А ты дырку от бублика не хочешь – русского оставить?

Он смеётся:

– А, такой фильм я тоже видел. Жеглов что ли?

Видишь, он уже на жаргоне вот так разговаривает на русском, а потом:

– А, ладно-ладно, казах, езжайте.

Или на вшивость хотел проверить, или чуваша оставить. После этого как мы не можем быть братьями? С Москвы, с больших городов людей мало было, но из Подмосковья есть Прокашко-служак, такой здоровый. Вот такой был, как медведь, но добрый был. Он же русский, а что – он мне не брат? Он мой сослуживец, у нас во взводе кровати рядом стояли. Сейчас его оставь, завтра – Сидоренко (он из Житомира) или там оставь

ещё кого-то, потому что он с Чувашии. Мы товарищи, друзья, такими они и остались.

Как часто происходили конфликты между советскими военнослужащими и местным населением Афганистана? Причины конфликтов?

Аслан: С местным населением, можно сказать, конфликтов не было. У нас возле этого Саланга, вниз спускаешься, там стояла наша 7-я рота. Мы с местными жителями жили дружно, нормально – хорошие простые люди. У нас стоял дермен, они мололи кукурузу, кукурузный хлеб. У них свои дела, у нас свои дела. Когда там школа... У нас сейчас террористы взрывают школы, детей в заложники берут – там тоже такие инциденты были. Например, мы помогали школу восстановить – опять же то взрывают. Они же тоже наёмники. Может быть, они не дают учиться афганскому народу. А так отношение... Я бы сказал, что там простому человеку надо: ему нужен мир на земле, чтобы он свободно работал, свободно ходил, женился, сына вырастил. Кто там разжигает огонь, у нас тоже они появляются, террористы, по нашему Казахстану. А так мирный народ – хорошее население, простые, как и мы.

Марат: Как сказать, мирное население, народ-то один. Я бывал в гостях, в Кабуле когда стояли. Двое-трое стоим, и там один местный пригласил нас в гости к себе. Когда мы сидели, их братья приехали. Получается, он сам один бизнесом занимается, второй брат полицейский, в милиции работает, третий – в горах, душман. Одна семья. Меня – зачем, меня не трогал. Я же говорил до этого: когда уборка – вроде мирно ходят, а когда уборка заканчивается, потом стрелять начинают.

Аслан: Как партизанская война, днём все хорошие.

Марат: Без оружия там никак невозможно ходить. Так-то мы сами не стреляли.

А какова была доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространённости употребления наркотиков среди советских военнослужащих? Меры, предпринимавшиеся командованием по пресечению данных негативных фактов?

Аслан: Там у них магазины, будем говорить доступным языком, «дуكانы». Там свободно продаётся вся эта анаша, как у нас в магазинах водка стоит же. Свободно продают всё, этого года или следующего, как коньяк пятизвёздочный, трёхзвёздочный, точно так же они стоят там открыто. Я лично не знаю, у нас не было времени анашой заниматься.

Марат: Я по-русски не могу правильно выразиться, если честно. До армии я был спортсменом, я не курю, ну, водку – как получается, когда с ребятами, немножко, бывает, выпиваю. Чтобы часто анашу курить, я не курил, например.

Военнослужащие не употребляли, получается?

Аслан: Естественно, в то время даже не было статьи о наркомании. Да, мы занимались спортом. Когда я в армию ушёл, я был перворядником по боксу. Нам курить, анашу курить – это была диковинка. Так, конечно, слышал, там курили, пацаны там были, но не все.

Решались ли советскими войсками вопросы борьбы с производством и трафиком наркотиков с территории Афганистана? Какие масштабные контрнаркотические операции в Афганистане Вам известны?

Аслан: Когда в 1979-1981 годах, в начале служил я, в то время наркотрафика в Советский Союз не было. В то время наркотрафик – в Таджикистане, в тех краях, наверно. А в наших краях такого наркотрафика не было. Может, и было, но такого глобального вопроса не стояло. Когда во время перестройки – в их годах, уже многие шли караваны там.

Марат: Лично я такого не встречал. Иногда в фильмах показывают, но я не знаю. Наркотики – это грязь, это боль всех. Мы не хотим, чтобы у нас в стране было или в других странах. Если кто-то воспользовался чьей-то смертью, чтобы использовать чьи-то гробы, Аллах всё видит. Я думаю, судьёй будет Аллах.

Аслан: Во время Советского Союза был чётко поставлен этот вопрос.

Вы в самом начале говорили, что никаких способов снятия психологических стрессов у советских военнослужащих после боевых операций не было.

Аслан: Не было.

Никаких специальных программ не было по реабилитации военнослужащих?

Аслан: У нас в Актюбинске есть «Ардагер», в Актюбинске лечат бесплатно. Специальный есть комплекс, проверяют, какие болезни, и лечат бесплатно, лекарства – бесплатно. Вот этот «Ардагер» направляет в Алматы», в Астану, например, в госпитали и воинов-«афганцев», и с Семипалатинска, кто был на Чернобыльской АЭС. А так Актюбинск – один из единственных городов, где лекарства и лечение – бесплатно воинам-«афганцам».

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную помощь от государства как бывшие воины-интернационалисты?

Аслан: Мы, конечно, мы освобождены от оплаты коммунальных услуг (я могу только от Актюбинской области говорить), но жилищные проблемы ещё есть. После войны нам тоже квартиры давали. Как после этого развала все, которые жили в посёлках, воины-«афганцы» – они начали скапливаться в областном центре, и им всем нужны жилищные условия. Сейчас есть ребята, которые живут на дачах, есть – на квартирах. И когда ипотечное кредитование... перед развалом все хватались, как бы зацепиться, чтобы дети жили. Потом опять кризис – как оплатить этот кредит? Точного образования нет после Афгана. Знаешь, мы, «афганцы», в трудное положение попали. Ребята, видевшие войну, – у них расшатаны нервы, болезни, во время войны болели брюшным тифом, болезнью Боткина в основном болели. Всякими болезнями болели, а теперь все эти болезни выходят. Полуинвалид, семья на квартире, 30-40 тысяч надо за квартиру платить. Куда идти? Вот мы – общественное объединение, дай Бог, своё общественное объединение, вот по этому вопросу я работаю. Если бы, конечно, улучшили нашу жилищную программу, нам, конечно, было бы лучше. Есть ребята, которые во время войны получили контузию. Ходил вроде бы спокойный, здоровый парень. Тут бац – после армии контузия. Вот так сидит перед тобой, голова так трясётся... Молодой парень, лет сорок пять. Когда молодой был, он контузию получил, не зарегистрировался в госпитале. Да, там голова поболела – ничего там. Неделю полежал, взял автомат, дальше пошёл. Чтобы ему получить первую-вторую группу инвалидности, ему уже не дают. Это как бытовая травма – не как боевая, а как будто бытовая. Понимаете? Вот такие у нас проблемы.

Считаете ли Вы целесообразной следующую инициативу: чтобы эта война была признана как боевые действия в защиту Отечества (СССР), как вооружённая схватка с международными силами терроризма?

Аслан: Конечно, потому что наши сейчас всю грязь выливают на СССР. Мы же взяли независимость, мы же помогаем Ираку. В Таджикистане наши батальоны стоят. Это же интернациональный долг, потому что каждое государство другому государству должно чем-то помочь. Конечно, когда стычка началась, когда война началась, есть люди, которые погибали. Когда в то время, при Советском Союзе люди погибали, когда нам сказали исполнять свой интернациональный долг – мы не могли отказать, это был приказ. Мы пошли туда, но это же в интересах госу-

дарства – не одного человека, а всего государства, нашей родины, нашего государства, поэтому я думаю, в то время это было правильным. Нельзя говорить – это неправильно. В то время в правительстве сидели умные люди, управляли большим государством – СССР, поэтому это нормальное явление. Было, есть и будет – я так думаю.

Считаете ли Вы целесообразным, чтобы все 500 тысяч человек, прошедшие через Афганистан, получили официальный статус защитников Отечества, приравненный к статусу участников Великой Отечественной войны?

Аслан: Пока мы статус участника войны не получили. 24-го совместно с «Нур Отан» будет конференция, там, мы думаем, поднимем вопрос о статусе участника войны, чтобы нам дали. А мы сейчас, получается, приравнены к участникам Великой Отечественной войны, но льготы в каждой области разные. Они должны быть едины. Раз мы были в Афгане все, у всех должны быть едины.

Также чтобы льготы участников боевых действий в Афганистане были приравнены к льготам ветеранов Великой Отечественной?

Аслан: Да.

Какие изменения до и после 1991 года Вы можете отметить в вопросах предоставления льгот участникам войны в Афганистане? Что именно изменилось и в какой степени?

Аслан: После войны были льготы, как участникам Великой Отечественной войны. Весь Казахстан был освобождён от налогов, от оплаты коммунальных услуг. Каждое государство взяло независимость – этого нет. Осталось только, с 2007 года только Актюбинская область освобождена от оплаты коммунальных услуг.

Как Вы добились, что Актюбинская область освобождена от оплаты коммунальных услуг?

Аслан: Это благодаря нашему акиму – Елеусизу Сагиндыкову. Он вначале в Сенате был, потом к нам пришёл. Это заслуга этого человека. Жизненный человек, который рос сиротой. Он видел, что такое, поэтому я думаю, что это очень хороший человеческий фактор. Поэтому наше государство Казахстан – очень богатое государство с земляными ресурсами. Очень богато, всё с таблицы Менделеева у нас есть. Не надо прибедняться, нам всем хватает и на льготы, и на всё.

Вы ностальгируете по периоду службы в Афганистане? Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан? Если да, то в качестве кого?

Марат: Да, есть такой интерес, но в качестве туриста.

Аслан: Конечно, где мы прошли, можем посмотреть в качестве туриста. Надо бы посмотреть, что там, какой там Саланг стал. Есть такое место, показывали в документальном фильме, там стоял мой миномёт, например. Вот это бы хотелось бы посмотреть, интересно, конечно, в мирных целях.

Марат: Хотелось бы много что посмотреть. Одно время в «Караване» писали где-то в 2002 году: если эти ребята живы, пусть откликнутся. Когда с Кабула выехали в Джалал-Абад, там ехали, была скала. На скале написали – Кызылорда, Джамбул, Алга. С Кызылорды был, и с Джамбула был (тогда Тараз назывался Джамбулом), и была Алга с Актюбинска. Я звонил туда. Вот это интересно же.

Аслан: Бамиан посмотреть, где один Будда – 50 метров. По Салангу проехать, там сколько я стоял...

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама или перехода в данную религию? Повлияла ли служба в Афганистане на степень религиозности солдат из советских республик?

Аслан: Конечно, в советское время Бога «не было», вы сами знаете. Когда я встретил из Мазари-Шарифа одного казаха, он ехал через Саланг. Автобус остановили, вышли, разговаривали там. Он спрашивает у нас: «У вас там мечеть есть? (Ну, в Актюбинске мечеть была же.) Ты казах?» – «Я казах. Страна Казахстан есть». Ну, им интересно, что есть Республика Казахстан, что там казахи живут. Я говорю: «Я казах, мусульманин». Конечно, в то время я Коран не знал. Идеология другая была. Ну, он как бы – балам, балам деп. (Перевод: сынок, сынок) Он меня, как своего родного, он меня в гости приглашал. Он, оказывается, ехал в Кабул за продуктами, вещами – сыну свадьбу делать. В то время мои уши стоили 100 тысяч – если мне уши отрежут, то они 100 тысяч получают, понимаете? В то время даже в газетах писали, что одни афганские уши солдата стоят 100 тысяч.

Марат: В то время, как сейчас говорили (мы же в то время воспитывались), страна Советский Союз – страна атеизма. Нас в школе как учили? – Нет Бога, только Ленин был. Ленин жив, жил, будет жить. Всех такой идеологии учили. Я считаю, неправильная идеология. После такого атеизма в Афганистан попасть – скажут: «О, ты мусульманин? Ты же не

знаешь ничего, ты ни одного слова с Корана не знаешь. Как ты можешь называть себя мусульманином? Ты шурави!»

Сейчас независимости государства – двадцать лет. С начала 90-го года религия к нам пришла. Сейчас мы уже знаем – ак – кара (белое – чёрное) мы разделяем. Это мусульмане, это наши братья. Мы сейчас это начали понимать. Только различие в национальности. Казах казаха увидел, киргиз киргиза увидел, там таджиков много, узбеков много. Различие в этом – что национальности.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане и влияние на неё присутствия войск НАТО в этой стране? С учётом Вашего опыта можете ли Вы указать различия или сходство в действиях войск НАТО и СССР в Афганистане? Какие ошибки допускаются иностранными военными в Афганистане? Как это влияет на память советско-афганской войны?

Марат: В данный момент, да. В то время, во время Советского Союза Америка послала свои войска, с южных рубежей начала нападения, чтобы это... тормозить наши советские войска. Наш Советский Союз послал туда войска, и начали разбираться. Сейчас что? Они сами учили, сами готовили до этого, начали. А сейчас они пришли туда, начали сами. Что это за политика? Кто-то начинает в Иране, убрали Саддама Хусейна. Потом пришли в Афганистан. Афганистан никто не завоевал – и ни Советский Союз, и ни кто ещё (Македонский там, Елизавета). Кто бы ни хотел взять Афганистан, его никто не взял. Пришли в Афганистан – завтра захотят в Казахстан придти. Это их политика. Мы против такой политики.

Аслан: Когда мы зашли, одну надо учитывать разницу, около пяти месяцев приказ был – не стрелять. Можно сказать, что всё это героический поступок солдата Советской армии, этим можно подчеркнуть. Почему? Потому что мы зашли как миротворцы и не стреляли. Это много значит, когда ты не стреляешь. Наши регулярные войска хотя зашли в Афганистан, мы многим им помогли – школы строить, железные дороги, дома, медицинские учреждения. Силами советских войск строили, понимаете, и помогали уровень жизни поднять. Мы сейчас видим, что натовские делают. Я думаю, что они там только собирают наркотрафики. Не знаю, это моё мнение. Это я не навязываю. Просто это всё делают в своих интересах. Ну, мы, советские войска, если это сопоставить, советские войска, когда там стояли, больше пользы принесли афганскому народу, чем они разрушают сейчас.

Марат: Больше понимания, по-моему, было с нашей стороны. Как говорится, по религии, может, мы их не понимали.

Аслан: Про Бахытжана Ертаева, нашего Халық Қаһарманы, разговор идёт же. Книги есть у него: нечаянно наш танк задел мечеть. Бахытжан Ертаев к старейшине пошёл, разговаривал с ним, полностью восстановил вот эту мечеть. Это селение, которое в Панджшере, зауважали наших ребят и не трогали, даже не стреляли, понимаете. Такие у нас были понятия – восстановить мечеть во время войны афганцам.

Марат: А что они сейчас? Там где-то мирных жителей расстреляли, того-этого...

Аслан: Понимаете, это очень разные взгляды на жизнь.

Считаете ли Вы, что государство и общество защищают бывших воинов-интернационалистов, наоборот, забывают? Считаете ли Вы себя жертвами советской политики в Афганистане или политики современного государства?

Аслан: Если они нам говорят, что «мы вас не посылали», там вначале говорили, то получается, что мы жертвы тех времён. Если они нам помогают жильём, освобождают от оплаты коммунальных услуг, тогда нормально, они помогают нам. Все эти льготы... Почему мы сейчас добиваемся, чтобы нам был статус участника войны, чтобы наши инвалиды первой группы, второй группы и семьи погибших воинов-интернационалистов, родные, чтобы они нормально жили, нормальный уровень жизни у них был? Со стороны государства если статус дадут, то инвалиды будут нормально получать деньги, нормальный жизненный уровень у них будет. Если всё это сделает государство, конечно, спасибо государству. Значит, мы не зря проливали кровь, не зря мы воевали. Нам только остаётся... Только должно, чтобы наше будущее поколение, чтобы они подрастали, выросли патриотами. Мы со своей стороны со всеми силами могли бы помочь им, как мы с честью выполнили свой интернациональный долг. Патриотизму учили бы наше подрастающее поколение. Государство есть государство, всё у них в руках. Потому что действительно была там война, действительно были жертвы, инвалиды, поэтому мы хотели бы, чтобы они помогли инвалидам, нашим матерям погибших, которые потеряли сыновей своих, хотя бы. Почему мы как общественное объединение помогаем им – постоянно, каждый месяц приглашаем их в рестораны, кафе, сидим разговариваем? Чтобы они думали – хотя у них погиб сын, но у него есть друзья живые, которые могут помочь. Поэтому мы сейчас в Астане, чтобы добиваться статуса участника.

Имели ли Вы какое-нибудь образование или работу перед призывом на военную службу?

Я окончил ДОСААФ, школа ДОСААФ была при Советском Союзе, автошкола. Нас учили ездить, вождению. Вот это, водителем чтобы стать.

Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан?

Нет, мы не знали об этом. Прямо когда уже попали туда, тогда и узнали, – как границу пересекли.

Учитывалось ли военным командованием желание военнослужащих служить в Афганистане?

Нет, такого не было.

А были те, которые отказывались служить?

Таких не было.

Считали ли Вы свою подготовку к службе в составе ограниченного контингента достаточной?

Мы в Венгрии служили, мы не знали, что срочно попадём туда. Ну, служили в Венгрии, как в Советском Союзе. Потом, спустя семь месяцев (мы тогда не знали, куда попадём) нас посадили в машину, потом на самолёт и с самолётом – в Душанбе. С Душанбе мы попали в город Термез, приграничный узбекский город. Мы думали, что на «учебку» приехали. А там нам выдали оружие, новые машины. Всё там приняли и переехали на ту сторону. А так мы не знали, что мы в Афганистане, мы думали, что всё ещё город Термез. Мы видели, как привозили раненых – до нас которые шли, в 1978 году, партизанами были, оказывается. И они как ранеными попали, вот тогда мы уже узнали, что в Афганистане. И тогда замполит роты сказал нам... Ну, они тогда взрослые люди же были, намного старше нас, подполковник, майор, капитан – таких званий. Они сказали, что попали в Афганистан. А тогда мы даже не думали, что такое Афганистан. Ну, вечером нам председатели объяснили, что на войну попали.

А первичная подготовка Ваша была достаточной по прибытии в Афганистан? Вы всё уже знали и с трудностями не сталкивались?

Нет, мы тогда не знали. Вот когда раненых увидели, был страх. Тогда и возник страх перед войной, хотя до этого так не было.

Скажите, пожалуйста, были ли Вы или Ваши сослуживцы информированы о причинах присутствия советских войск в Афганистане?

В нашем полку не знаю, но наша рота не знала. Даже не знали, что попадём в Афганистан.

В ходе подготовки к службе доводилась ли до советских военнослужащих информация об этой стране, её населении, традициях и культуре?

У них население – очень бедный народ. Я сам, когда впервые увидел их народ, я сам удивлялся. Потому что у нас при Советском Союзе всё техника же, пахут землю техникой, а они вручную пахали землю с деревянным плугом. Мы удивились, будто мы попали не в XX век, а в XV или XVII века. А народ они бедные, но за себя отвечают – очень гордый народ. У них уважение – как относятся люди к ним. Например, с оружием – они к тебе тоже с оружием относятся, а уважение... Были города, где вот красное знамя, мальчики и девочки встречали нас с красными галстуками. А так – их народ слишком бедно жил. У них, как у нас, нет ни пола, ни кровати. Как вот наши предки жили – на полу всё. Вручную все работали.

Были ли дискуссии и споры между солдатами об оправданности войны (за и против)?

Нет, такого я не знаю. Я свой долг отслужил и всё.

Расценивали ли Вы предстоящую службу в Афганистане как позитивный шаг в Вашем будущем карьерном росте?

Нет.

Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

Ну, оружие соответствовало, как положено. А питание... Ну как? Я сам в роте сопровождения служил – у нас всё на ходу, сухой паёк. Когда голодный становишься, тогда покушаешь. Когда колонна остановится, тогда и отдыхаешь. А так – в основном мы сопровождали колонны с Термеза в Кабул, или с Термеза в Газни, или с Термеза в Гардез. Ну, в какие города отправляют колонны, и мы сопровождали. Ну, в полку за месяц один раз бываем, чтобы помыться, побриться, в порядок привести. Раз в месяц, иногда раз в две недели, когда сопровождали колонну, заезжаем в город и в медполку отдыхаем. От силы мы неделю были в полку, остальное время мы были в дороге всегда.

Расскажите, пожалуйста, о потерях советских военнослужащих.

В моей роте с Уральска один был мужик, он погиб. Мы сопровождали колонну и прибыли в полк. Подали тревогу на операцию, колонну ба-

смачей надо было проехать, их надо было задержать. И тогда в мужика с Уральска пуля прямо в лоб попала. Был ещё случай, в соседней роте служил мой земляк с соседнего совхоза. Он всю войну раненым проходил. Приходит с госпиталя – или мина попадёт, или пуля попадёт ему. Обрат-но в госпиталь, обратно приходит, и обратно такая же система. Только спрашиваем: «Что, Асет пришёл?» – «Да вот, только вышел – опять раненым увезли». Я его, если честно, видел только тогда, когда в Афганистан попали, а потом уже не видел – встретил только на «гражданке». Он пер-вым пришёл, а я в апреле призывался, июнь месяц – приехал я с армии, а он – в мае месяце. После ранений комиссовали его, он негодный стал. Он даже не с Афганистана, а с Ташкента сюда приехал. Ну, сейчас он инва-лид.

А Вы сами были ранены?

Ну, я два раза на мину попал. В первый раз тоже побывал в госпита-ле в Ташкенте. Но во второй раз повезло мне – никакого ранения полу-чил, но сотрясение мозга я получил. Как раз мину когда подорвали, один армянин без позвоночника уехал, один украинец тоже без позвоночника уехал – ну чистым инвалидом остался. Внутри машины которые были, в бэтэре, – они чистыми инвалидами оставались.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях и в качестве кого?

У нас всегда рота в сопровождении, постоянная боевая готовность. Операции у нас каждый день. Если роту вызывают на операции в пеще-ры, в ущелья, то мы всегда должны были быть на трассе. У нас всякое было – на нас и нападают, нас иногда окружали, но надо отбиваться, вые-хать целыми, колонну надо взять и вести.

Как Вы оцениваете моральный дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

Они, честно сказать, всю жизнь воюют. Как я знаю сам, вот англичане сперва воевали, при революции Ленин тоже хотел там Советский Союз поставить. Но афганцев никто ещё не брал, они от дедов до маленьких пацанов все военные. Они до сих пор воюют с американцами же сейчас. Они такой народ – если кто нападёт, они никого не жалеют. Вот такой гордый народ.

Брали ли они пленных? И какова их дальнейшая судьба?

С наших полков был, который попал в плен. Я не знаю, как потом, но сказали, что его вернули. Каким образом наш полк вернул – честно, я не

знаю. Потому что я всегда на трассе, один раз только в полку бываю. И то у пацанов спрашиваешь: «Как?» – «Ну, – говорят, – вот так, попал». Татарин был. Ну, командиры взяли его обратно, не знаю, каким способом.

А в целом их отношение к пленным?

Ну, возле полка кишлаки были. И какое наше отношение к ним, они отвечали тем же. Если уважаем – они тоже с уважением. Если от нас уважения нет – они уже не принимают нас к себе, мы как враги.

Были ли конфликты с местным населением?

С местным населением у нас конфликтов почти не было. С соседними кишлаками жили. Мы, наоборот, им помогали мукой, хлебом. Как могли, так и помогали.

Учитывалась ли национальность или религиозная принадлежность советских военнослужащих при направлении в боевые части?

Нет, такого не было.

А в каких частях наиболее широко представлены выходцы из республик Средней Азии и из Казахстана?

Ой, не знаю даже.

Какими были отношения между солдатами срочной службы и офицерами Ограниченного контингента советских войск в Афганистане? Степень доверия между ними?

У нас очень хорошие отношения были. Мы друг друга, хоть на операциях, хоть на трассе когда сопровождали, без слов понимали командования. Если моргнул он мне, я уже знаю, какую команду надо выполнить. С моей стороны тоже так – нам никогда командиры не давали команду. Друг друга уважали, он сказал – я сделаю, он не приказывает нам. Только с уважением, как положено. Там же война. Если я его не буду уважать, то он меня не будет уважать. Потом что будет? Ничего не будет. Там командования не командуют!

Были случаи, когда погибало мирное население?

С нашей стороны мирное население не погибало. Только на операциях, где война вот эта идёт только, там вот погибали, а так – нет.

А какими были методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций?

Такого не было у нас. Честно скажу – как только пришли туда, такого у нас не было.

Какова была доступность наркотических веществ в Афганистане?

О-о-о, у них от маленьких детей до взрослых продают наркотики. Открыто у них анаша, героин. Их народ держится только на вот этой анаше. И готовят её открыто, короче – на руках всё у них.

Степень распространённости употребления среди военнослужащих?

У нас, наверное, были, но я сам не употреблял (смеётся). А остальных не знаю, кто как.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную помощь от государства как бывший воин-интернационалист?

В Советском Союзе у нас было немного льгот. За свет 50 процентов платили, за дорогу – 50 процентов, продукты питания – тоже 50 процентов. А в данный момент нет. Только 9 тысяч получаем ежемесячно, остальных льгот у нас нет. Ну, и проезд бесплатный по городу – каждый где живёт, их акимат выделяет на проезд по городу в автобусах, маршрутных автобусах.

Как часто Вы ностальгируете по периоду службы в Афганистане?

Ну как не вспоминать? Почти каждый день вспоминаешь. За полтора года службы – днём и ночью в страхе жили же, когда нас убьют или когда нас ранят. А сейчас как это забудешь сразу? Это незабываемо.

Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан? Если да, то в качестве кого?

Ну, если да, то по туризму. Если хорошая охрана будет, тогда могу (смеётся), а так – нет.

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама или перехода в данную религию?

Переход – когда только в плен попадешь. Тогда они тебя там заставляют переходить в мусульманскую веру, хоть ты русский, украинец – не делают. Первый вопрос они сразу задают: будешь принимать ислам – будешь жить. Если не будешь, своих же, которые в плен попали, расстреляешь или сам умрешь.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане и влияние на неё присутствия войск НАТО?

Ой, не знаю даже, не могу сказать. Я не знаю их политики. Они там не нужны. Их народ пусть сам по себе живёт.

Скажите, считаете ли Вы себя жертвой советской политики в Афганистане или политики современного государства?

Как я жертвой себя считать буду? Я служил Советскому Союзу. Нас отправили, мы же за родину служили. А за родину которые служат, они ничего не жалеют.

Сейчас государство и общество защищают бывших воинов-интернационалистов или, наоборот, забывают?

Честно сказать, по праздникам они вспоминают.

А о своих боевых наградах можете что-нибудь рассказать?

Боевые награды я все отслужил своим трудом, своей честной службой Советскому Союзу, они и наградили меня.

Фамилия Имя Отчество	Шалов Тукембай Аппазулы
Национальность	Казах
Год рождения	1960
Годы службы	1979-1981
Место службы	Кандагар
Занимаемая должность во время службы	Снайпер-пулемётчик 70-й отдельной мотострелковой бригады

В какой период Вы проходили военную службу в Советской армии? Имели ли Вы какое-нибудь образование или работу к моменту призыва на военную службу? В каком военном округе, воинской части Вы проходили первичную военную подготовку?

В 1979 году, в мае месяце, числа 10-го призывался в Советскую армию. Проходил «учебку» в Ленинградском военном округе, как говорится, под Ленинградом, в посёлке Песочное. Никакого у меня образования не было – среднее образование, десять классов средней школы я окончил. Да, наверное, вместе мы проходили «учебку», потом нас бросили под Ленинград... Я там проходил службу и решил остаться в Союзе на три месяца. Потом в декабре, в конце декабря нас отправили в Афганистан.

Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан? И какие у Вас были представления о предстоящей службе, после того как Вам объявили об отъезде на войну?

Нам ничего не говорили, нас просто там подготовили. Там форму надевали, сформировали другую роту. Говорили, что мы попадаем, едем на

учение в Мары Туркменской АССР – мы думали так. Про Афганистан вообще ничего не говорили. Когда проехали уже Москву, уже в Оренбурге были (мы же через Оренбург летели, потом через Актюбинск) – тогда уже говорили, от граждан слышали, что мы едем в Афганистан. Что там наши за революцию там, а так мы не знали. В Ташкенте у нас тренировочные были. Отправили на три месяца в Кушку – это Марийская область, Туркменская АССР. И попали мы в Кушку. В Кушке уже роту сформировали в итоге для направления в Афганистан. До нас ещё со Свердловской области прибыли, из разных округов, Московский военный округ там с Германии, Южную группу войск там формировали. Оттуда выходили эти партизаны казахстанские, туркменские, узбекские, которые первые заходили на место. Вот так нас, как говорится, дней десять формировали там, потом заходили в Афганистан. Своим ходом, техника просто с Монголии. Ну, не наша техника, а с другого округа и каждому ротному давали... Ну, на каждом взводе по три машины. Ну, тринадцать машин было БТР-шестидесятка. И технику готовили и потом своим ходом зашли.

Учитывалось ли военным командованием Советской армии желание военнослужащих срочной службы служить в Афганистане? Многие ли из Ваших сослуживцев и ровесников желали проходить службу в Афганистане? Что Вам и обществу было известно о ситуации в Афганистане и действиях советских войск? Откуда Вы получали сведения? Из СМИ, может быть?

Я действительно хотел служить. Другие ребята тоже были. Некоторые, может, были против. В те времена не смотрели, ты против или нет. Хочешь – не хочешь, ты должен служить. Вот так я попал и в Афганистан, немножко приготовлен, но надо было нам ещё учиться и физической подготовке, политической, и стрельбе, и всё. Нас там учили, когда туда зашли. Три месяца нас почти гоняли – и стрельба, и политическая, и физическая подготовка...

Считаете ли Вы свою подготовку к службе в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане достаточной? Какие навыки и знания Вам прививались? Что считалось наиболее приоритетным и необходимым – сапёрное дело, горная подготовка, стрелковая подготовка? Кто занимался боевой подготовкой призывников – сержанты, офицеры, военнослужащие, имеющие опыт боевых действий? И считаете ли Вы методы Вашей подготовки профессиональными и гуманными? Неприязнь или уважение Вы испытывали к Вашим непосредственным командирам?

Ну, командиры нас учили. Ну, здесь когда, в Союзе проходили, это как-то не так уж было. А там нас уже действительно, когда гоняли, ну, учили тогда. У нас интерес был, мы готовились к войне. Командир всегда говорил, что завтра начнутся боевые действия, кто-то из нас погибнет, кто-то получит ранения – это война, чтобы мы адаптировались. Я не говорю, что командиры были боевые. Они учили нас. И стрельба, и физическая подготовка, и там полосы препятствий мы проводили разные...

Были ли Вы и другие военнослужащие информированы о причинах присутствия советских войск в Афганистане? Что Вы в действительности думали о военной миссии советских войск в Афганистане? Считали ли Вы её оправданной и необходимой? Испытывали ли Вы гордость от предстоящей службы в Афганистане? Были ли дискуссии, споры между солдатами об оправданности войны в Афганистане?

Ну, это естественно. Когда заходили в Афганистан, это мы выполняли... Нам брошюрку давали – говорили, что мы выполняем... интернациональный долг выполняем. Я думаю, они хотели, американцы хотели ставить свои ракеты там крылатые. И поэтому, думаю, заходили. Такая политика была и там договорённость между правительством была и Советским Союзом. Ну, раз приказ дали, надо выполнять...

Испытывали ли Вы гордость от предстоящей службы в Афганистане?

Я не говорю, мы гордые, видели войну. Мы воевали, поэтому у нас немножко психика расстроена.

Считаете ли Вы это оправданным и необходимым – то, что вот в Афганистане была война?

Я б не сказал... Я не знаю, я не могу сказать, мы выполняли приказ. Этот приказ – я лично не могу сказать, оправдан он или не оправдан. Это правильно сделали, что в 1989 году выводили войска и благодаря нашему первому президенту СССР, ну, что вывели войска, а то ещё жертвы были бы, увечья, ещё наши погибали бы в боях. Я думаю, это правильно сделали, что вывели.

В ходе подготовки к службе в Афганистане доводилась ли до советских военнослужащих информация об этой стране, о её населении, традициях и культуре проживающих в Афганистане народов? При отборе в состав Ограниченного контингента войск в Афганистане военнослужащим каких национальностей отдавалось предпо-

чтение? Был ли специальный отбор по национальному, языковому или антропологическому признаку?

Ну, нам, когда вот заходили, перед входом в Афганистан, нам уже говорили об этой стране, об Афганистане, об их религии, об их традициях. Самое главное – это все традиции, это всё как у них принято. Мы не так много общались с ними, но бывало время, когда по часу находили, когда кого-нибудь сопровождали по их территории.

При отборе в состав Ограниченного контингента войск в Афганистане военнослужащим каких национальностей отдавалось предпочтение? Было ли такое, что отбирались по национальному признаку или антропологическому?

Говорили так, но вроде бы и украинцы служили, и татары, и узбеки, и казахи. Первое время, когда мы заходили, нас много было и туркменов. Азиатов много было, и почти первая, вторая и третья роты – туркмены были в нашем батальоне. Вторая рота – 19 человек с Казахстана, большинство – Западный Казахстан. Актауский, Актюбинский и Уральский регионы. И с Алма-Аты были, но большинство западные были у нас. Но в других ротах были талдыкорганские, алматинские, семипалатинские. Говорили, что азиаты... Какие-то слухи были, что предпочли, чтобы служили азиаты. Так что вслух не говорили. У нас командир был... Я первый раз видел командира бригады – Султанов, майор Султанов. Когда заходили, уже где-то в мае, перевели в Советский Союз.

Расценивали ли Вы предстоящую службу в Афганистане как позитивный шаг в Вашем будущем карьерном росте? Как возможность получения в перспективе определённых социальных льгот, улучшения своего материального благосостояния? И были ли у военнослужащих корыстные побуждения – такие, как контрабандный провоз дефицитных товаров и предметов, наркотики, повышенная зарплата?

Не знаю, мы не вывозили оттуда. Я в отпуск приезжал, ничего такого мы не вывозили оттуда. Некоторые джинсы привозили оттуда, разные жевачки – тогда у нас в Советском Союзе такого не было же... И какие-то футболки. Наркотики – я даже не слышал, я сам от наркотиков по-дальше, поэтому не могу сказать.

То есть там не было таких корыстных целей?

Нет, не было...

А о самих условиях службы в Афганистане? Соответствовал ли уровень полученной военной подготовки реальным условиям служ-

бы в Афганистане? Какие основные недостатки, просчёты были Вами отмечены в подготовке? И как проходила адаптация новобывших военнослужащих к условиям службы и климату, соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несениям службы?

В те времена были «повседневка». Нам берцы давали, как ботинки, а не сапоги. У нас вообще в Кандагаре постоянно жарко, в зимнее время бушлаты носили, а вообще шинель не носили – снега не было. Ну, в рейд сходим когда в горы, там обязательно одеваемся тепло, так ребята привыкали. Некоторые болели – не смогли выносить жару, акклиматизироваться. Бывало, я сам, например, неделю болел. Температура была тогда сильная – не выносил. Всё-таки человек адаптируется и привыкает.

А вот уровень подготовки – соответствовал ли он реальным условиям военной службы?

У нас соответствовал. Но мы же молодые ещё, нас надо научить. Надо ещё вынести, это же война. Мы же ходили на «прочёсы», в рейды днём и ночью не спали. Даже вот в окружении иногда стоишь. Сейчас если спишь – это же хорошо же, а когда выходим с «прочёса», допустим, там отдыхаем где-то там буквально час-полтора. Друг друга охраняем и всё – опять же на «прочёсы» идём. Ну, тяжело было. Ну, по кишлакам ходишь, там где-то подстреливают нас. Ну, всё надо... Мы молодые, но выносили...

Изменилось ли Ваше мнение в отношении необходимости присутствия советских войск в Афганистане? Насколько отличались официальные заявления руководства СССР в отношении Афганистана от реальной ситуации? И замалчивались ли в советских СМИ сведения о потерях среди военнослужащих Советской армии? Если нет, то насколько они соответствовали реальным данным?

Ну, это же мы не говорили. Первые вот в 80-х годах, в 80-м году в апреле месяце у нас боевые действия начались. Мы не писали и не говорили, и СМИ об этом не знали, погибали ребята у нас. Вот первая операция у нас... Земляк наш с нашего батальона, первой роты, Чокановского района – вот, например, люди об этом не знали, как он погиб. Гроб вывозили другие. Например, я бы не смог. Я не выдержал бы и сказал, так это тяжело же будет для нас. Потери – тяжело будет. Об этом никто не знал в конце 1989-1990 года. По ОРТ ещё показывали, как он постоянно говорил, Подстрельнов, забыл его имя... Он постоянно говорил в конце, когда вывод был, а до этого никто не говорил, что с ним больше никого не было, о потерях, о ранениях, ничего вот...

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях и в качестве кого? Имеете ли Вы боевые награды за участие в них, какие и за что? Были ли Вы ранены? Какими были потери советских войск в ходе выполнения боевых операций? А потери афганских мятежников? Брали ли их в плен и какова была их дальнейшая судьба?

Ну, потери, конечно. Войны без потерь, конечно, не бывает. Постоянно ходили, день-два отдыхаем и идём на рядовые операции. Иногда на «прочёсе» узнаём – где-то операция идёт, что проходит целый караван с Пакистана и там боеприпасы какие-то. Ну, постоянно в рейд ходили. Мы, помню, это летом 80-го было, мы готовились под Кандагаром, у нас там «зелёная зона» называется. Поэтому эту «зелёнку» надо было прочёсывать. Вечером готовились, и повлекли нас на следующий день. У нас коллега-пацан, он должен был... На полгода младше призыв был, 81-го он должен был в ноябре уволиться, а я 81-го в мае увольнялся. Вот он погиб. Помню вот, когда собирали роту, кто идёт в рейд, – старшина вызвал. Он не хотел идти. В общем, он чувствовал. Ну, когда погиб, нам жалко было, но всё равно кто-то погиб бы. На следующее утро, уже где-то в шесть утра, пораньше начали «прочёс» – его сразу убили, а ещё одного туркмена ранили с нашей роты (я не помню фамилию, забыл). Приказ командира роты был, чтобы мы шли на обход в нашу зону, вторую зону. Мы на обход пошли пешим порядком. Шли, первый шёл Джав – наш командир, потом Лужанский – заместитель командира взвода, за ним потом Краснов – тоже мой сослуживец, мой призыв Михаил с Новочеркаска. Мы так шли, и с левой стороны я заметил, за зелёной зоной заметил эти щели. Я растерялся, крикнул: «Стой, идёт слева!» Мне показалось, что как будто прошёл где-то час, как будто я терялся. Я долго не мог открыть предохранитель, я кричал долго. Но меня спас наш взвод, и начали наши ребята стрелять на ту сторону. Все увидели и начали стрелять. Вот так и в тот день мы живые остались ночью в кишлаке. Ну, тоже они начали в нас стрелять. Капитан взвода у нас, когда человек погиб с батальона, один был, он тоже погиб в ту же ночь. А мы тоже одного душмана убили. Тяжело было, тем более ночью, целый день не отдыхали, шли, нервы, и всё это на психику действовало.

Вы в качестве кого в боевых действиях участвовали?

Я снайпером был, пулемётчиком был в роте.

Каковы был уровень взаимодействия, степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск? Насколько частыми были совместные операции и какая роль в них отводилась афганским союзникам?

Ну, наша рота, третий взвод постоянно надевали афганскую форму, с афганцами вместе ходили взвод, «прочёсы» были, кишлаки прочёсывали. Ну, помогли нашей роте афганцы. А в основном азиаты одевались в афганскую форму. Естественно, капитаны тоже были азиаты младшей команды. В этой операции я получил награду. Получил, после того как уволился, потом, через год. Ну, сейчас общаемся с командирами. Командир роты сейчас работает в Белоруссии – Чемоданов, мы общаемся так, по Интернету. По телефону – с заместителем командира взвода Лужанским Евгением. С нашими казахстанскими хорошо общаемся – с Актюбинска, кустанайские ребята тоже есть, служили с нами.

Как Вы оцениваете моральный дух и уровень подготовки афганских моджахедов? Среди каких слоёв местного населения, какой поддержкой они пользовались? Каким было их отношение к пленным военнослужащим?

Они жёстко относились, жёстко. В то время, когда вот боевые действия начались. Они жёстко относились. Они наших резали – что хотели, то и делали. Это невозможно говорить, страшно вообще. Ну, в основном эти душманы, они среди местного населения были, местные. Их готовили в Пакистане и направляли сюда, в Афганистан. Их учили против нервных.

Были ли факты неуставных отношений среди советских военнослужащих? Как относились ко вновь прибывшим солдатам «старые» военнослужащие? Оказывали ли они поддержку молодым солдатам? Делились ли боевым опытом или профессиональными навыками? Чётко ли придерживались в боевых частях требований устава?

Да, уставной у нас был, у нас с младшими солдатами, с младшим призывом мы... хорошие отношения были. Знали своё, всё по уставу было. Например, эти отношения лучше были, и учили их же воевать после нас. Они же нас меняли, и никакого плохого отношения не было вообще.

Учитывалась ли национальная или религиозная принадлежность советских военнослужащих при направлении в боевые части? В каких частях наиболее широко были представлены выходцы из республик Средней Азии и из Казахстана и почему?

Люди, например, в основном, я же говорил, были в моей) роте и туркмены, и узбеки, и казахи... Мы на национальность не смотрели. И русские, и хохлы... Не знаю. Большинство при Советском Союзе были же в стройбате среднеазиатские и кавказцы. У нас такого не было, я бы не сказал.

А отношения между солдатами срочной службы и офицерами Ограниченного контингента советских войск в Афганистане? Степень доверия между ними какая была?

Ну, как сказать, старослужащие-старослужащие... Ну вот, например, мы должны воевать, в рейд ходить, и привыкали друг к другу. Если у нас плохие отношения были бы, боевые действия бы начались. Мы иногда с командиром разговаривали и как участники боевых действий полностью доверяли. Отличались ребята те, кто не хочет служить. Те, кто не хочет служить, на кухне ходили, убирались где-то, видно было сразу. Кто дневальным оставался, кто, например, там у него болячки. Таких людей, конечно же, хватает, их в Союз отправляли.

А вот отношения между населением Афганистана и советскими военнослужащими? Как часто происходили конфликты между советскими военнослужащими и местным населением Афганистана? Какие могли быть причины?

Ну, у нас конфликтов с афганцами не было, относились хорошо. Иногда, в рейд когда едем по дороге, стоят и нас всегда приветствовали. Они говорили по-афгански: «Бача!» «Бача» – это по-афгански «брат». Бахшиш – это когда дарили подарки. Вот так мы с афганцами и общались. И были казахи – в сторону Казахстана и Ирана, в тех краях вот семьи казахов встречал. Дети не смогли, конечно, – старики разговаривали на казахском. Разговаривали там. Они уже привыкшие к их религии, традициям, они, как афганцы, одевались. Никогда они на казахском не говорили, женщины тоже носили паранджу.

Были ли факты гибели мирного населения в ходе проведения советскими частями войсковых операций? Каковы были причины этого? Степень ответственности советских военнослужащих за гибель мирных жителей?

Ну, бывает, конечно. Первую обработку делали, например. Кишлак перед «прочёсом» нужно обязательно просмотреть. Если там душманы начали стрелять, то там обработка. Гранаты стреляли, и с артиллерии, из миномёта. Потом сверху, с самолёта, с истребителя там и вертолёт-

ми. Без жертв не бывает. Наверное, бывали, но я не видел. Погибали там мирные жители из ста, может быть, один-два.

А какой была помощь Советского Союза в развитии инфраструктуры в Афганистане? Участие в строительстве различных объектов народнохозяйственного назначения? Роль и участие советских военнослужащих в реализации данного проекта?

Там наш Советский Союз помогал дизельным топливом, ГСМ наш. В Советском Союзе тогда копейки было это дизельное топливо. Сейчас же оно дорогое. В те времена оно копейки было по талонам у нас, например. По какой цене продавали? Копейки помощь были, наверное. Потом по строительным материалам, например, пищевые продукты возили туда – муку, сахар. От нас это всё. И их военных учили-обучали у нас – то в Ташкенте в командном училище, или в Алма-Ате, или в Москве, или в академии учились их военные. И их медицинские сёстры, медицинские братья, медики наши в Советском Союзе учились. Сейчас я думаю, в Астане, наверное, есть.

Каким было отношение местного населения к военным, солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии? Оценка их роли в военной кампании в Афганистане? Как выражалась симпатия в отношении афганских военнослужащих?

Ну, в те времена, например, у нас религии не было. Вот сейчас говорим – мусульмане, а тогда же мы не говорили, при Советском Союзе. Относились нормально, они не говорили, что мы там неверные.

Какими были методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций, были ли специальные программы психологической реабилитации военных? Если да, то кто их проводил и в каких случаях?

Никаких этих не было. Проводили только политические занятия – проводил заместитель командира роты по политической части Нуркенов. Он всегда говорил (там ничего психологического не говорили), что кто-то у нас получил ранения, кто-то получит ранения – чтобы мы привыкали к этому. А так – никто после операции, никто ничего не проводил. Отдыхаем, приезжаем, день отдохнём – два. Подшивка, помывка там, стирка, кино посмотрим, пообщаемся, поговорим, потом готовимся к следующим боевым действиям – ещё и ещё... В летнее время мы постоянно в боевых действиях находились, в зимнее время мы постоянно ходили в горную местность. Дожди обильные пройдут в зимнее время,

а так плюсовая температура. Ночью где-то минус два-три, а так всегда плюсовая температура.

А какова была доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространённости употребления наркотиков среди военнослужащих? Меры, предпринимавшиеся командованием по пресечению данных негативных фактов?

Бывало, наверное. Я, например, сам не увлекался. Вообще я не хотел. Бывало, наверное, но в нашей роте не сказал бы, что курили там. Баловались, наверное, там ребята. Никто этим не занимался.

Решались ли советскими войсками вопросы борьбы с производством и трафиком наркотиков с территории Афганистана? Какие масштабные контрнаркотические операции в Афганистане Вам известны?

Мы же южнее были, в Кандагаре же служили. Где-то в северных частях, к Северу Афганистана, между границами Таджикистана и Узбекистана это были такие в приграничных районах – мы нападали на пограничников, проходили через Амударью. Там пересекали границы, вывозили наркотики. Мы слышали, но у нас не было такого. Ну, они... У нас только проходило оружие, через наш Кандагар, через наши провинции с Пакистаном.

Меры по обеспечению социальной защиты участников войны и их семей после войны в Афганистане – считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную помощь от государства как бывший воин-интернационалист?

У нас в Актюбинске, в области льготы. Например, свет мы 50 процентов платим, вода – это бесплатно, коммунальные услуги, например, это отопление бесплатное, и в сельской местности. Например, я вот уголь получаю где-то около пяти тонн бесплатно, 50 процентов вода – бесплатно, проезд тоже бесплатный. Квартиры ребята некоторые уже получают в городах, в городе Актюбинске. У нас своё общество «афганцев» в Актюбинске – Областное общественное объединение «афганцев». У нас председателем является Балкасымов Аслан, и у нас в своём нефтехимическом районе филиал, Актюбинский филиал – Айтекебийский филиал Актюбинского областного общественного объединения. Я являюсь председателем Айтекебийского филиала. Вроде нормально, и ребята, кто инвалиды, ездят то в Астану, то в Алма-Ату в реабилитационные центры.

Существует ли необходимость принятия комплексной программы реабилитации инвалидов войны в Афганистане и людей, получивших ранения?

Надо это комплексное – должны принимать! У нас сейчас комплексного нет, но мы там в Дом ветеранов записываемся. Большинство в Астану или в Алма-Ату. При Советском Союзе вон ездили на Чёрное море, а сейчас закрыли это всё. Азовское море, по-моему, Украина, – кажется, туда наши ребята в советское время ездили. Сейчас у нас свои надо открывать санатории, например «Боровое» для «афганцев», или так пусть ребята отдыхают, которые инвалиды у нас.

Считаете ли Вы целесообразными следующие инициативы: Чтобы эта война была признана как боевые действия в защиту Отечества (СССР), как вооружённая схватка с международными силами терроризма? Чтобы все 500 тысяч человек, прошедшие через Афганистан, получили официально статус защитников Отечества, приравненный к статусу участников Великой Отечественной войны? И чтобы льготы участникам боевых действий в Афганистане были приравнены к льготам ветеранам Великой Отечественной?

Конечно, думаю, чтобы приравнены были и статус давали нам тоже как бы участникам боевых действий. Ребята воевали. Должны, думаю, оказать нам помощь, «афганцам», в Республике Казахстан.

Какие изменения до и после 1991 года Вы можете отметить в вопросах о предоставлении льгот участникам войны в Афганистане? Что именно изменилось и в какой степени?

По-моему, никакого изменения нет – как было, так и осталось. Изменений никаких нет, указ же вышел в 1991 году, при Н.А. Назарбаеве, так и осталось.

Как часто Вы ностальгируете по периоду службы в Афганистане? Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан? Если да, то в качестве кого?

В качестве туриста я бы съездил в Афганистан. Я, например, служил под Кандагаром. Я хочу туда, где прочёсывали кишлаки под Кандагаром и в их регионе, в этой провинции. И я бы хотел съездить посмотреть, с людьми пообщаться, с которыми мы прошли боевые действия в этих местах. Я не против.

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама или

перехода в данную религию? Повлияла ли служба в Афганистане на степень религиозности солдат из советских в то время республик, считающихся преимущественно мусульманскими? Таких, как республики Центральной Азии, Северного Кавказа и Закавказья?

Наши ребята, я слышал, вот попадали в плен – и украинцы, и русские. И они принимали ислам и до сих пор живут в Афганистане. Вот где-то в 1990-х годах показывали: двое вернулись и обратно уехали туда, в Афганистан. Ну, они адаптировались, женились, и у них дети есть, семья. Они не хотели в Советском Союзе.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане, факт присутствия войск НАТО? С учётом Вашего опыта можете ли Вы указать различия или сходства в действиях войск НАТО и СССР в Афганистане? Какие ошибки допускают иностранные военные в Афганистане и как это влияет на память советско-афганской войны?

Без ошибок не бывает. Только недавно я смотрел телевизор: по центральному телевидению показывали, «Хабар», и по российскому, что один военнослужащий с Кандагара убил шестнадцать мирных жителей. Этого я не пойму – либо он большой, либо с головой не в порядке. Такого не должно быть в другой стране, у нас такого не было. Но бывало, наверное, после нас. Но когда мы были – такого не было. Мы мирно жили с афганцами, мы к ним относились нормально, в нормальных отношениях. Мы мирных жителей не трогали, не убивали их, по ним не стреляли. Наверное, американцы тоже правы, потому что там международный терроризм завоевал же, Талибан, они начали там людей резать, что хотели, то и делали там. И даже запретили смотреть телевизор! Даже о таком я смотрел, и слышал, и читал об этом – вообще я без понятия. Поэтому, наверное, из-за этого вызвали американцев, чтобы проводили порядок в этой стране, в этом образовании. Я думаю, это правильно, они правы. Наши ребята вот ездили в Афганистан по проектам.

Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации, объединяющей бывших воинов-«афганцев» и представляющей их интересы? Как называется данное объединение и когда оно было создано? Оказывает ли данная организация материальную помощь своим членам или просто проводит встречи ветеранов?

Ну вот я же говорил, в 2009 году создали Актюбинское областное общественное объединение. Сейчас у нас филиал открыли при Актюбинском областном общественном объединении – Айтекебийский филиал. Я

являюсь его председателем, но его члены все – «афганцы» этого общественного объединения. Тысяча сто – тысяча сто двадцать восемь, по-моему, человек по Актюбинской области. Сейчас «Боевое братство», разные есть общественные объединения.

Оказывает ли Ваша общественная организация какую-то материальную помощь?

Ну конечно. И нам помогают, например, и наши комсомольские, и директора, и главы крестьянских хозяйств. Вот двадцать лет было высадки в 2009 году – нам помогли, чтобы мы провели какие-то мероприятия. Например, там крестьянское хозяйство «Булак», должно быть крестьянское хозяйство ТОО «Енбек Агро» (Валерий Михайлович) и ТОО «Айке» (директор Айткулов), и Вольнец ТОО «Комсомол» и Белоусов Сергей («Кала»), «Даулет кала» (Беккеров Аскар). Глава крестьянского хозяйства «Азамат» Орысбай. Эти ребята помогали нам, чтобы мы какие-то мероприятия проводили, как-то инвалидам помогли. Я думаю, в дальнейшем эти ребята нам помогут, и мы этими деньгами помогаем инвалидам. Какие-то турниры проводим. Например, я каждый год... Наш район проводит турнир по казахской борьбе в честь памяти «афганца» Есентимирова Жаксыбая, который погиб в 1984 году в Афганистане. Каждый год проводим и вот в прошлом году проводили, уже пятнадцать турниров провели. Думаю, это патриотическое воспитание молодёжи. Думаю, и дети наши, и внуки знали, что мы воевали, наши воины-интернационалисты, про нас с вами.

Считаете ли Вы себя жертвой советской политики в Афганистане или политики современного государства?

Я не говорю, что себя считаю жертвой. Это приказ мы выполняли. Я думаю, мы выполнили честно, выполнили свой интернациональный долг. Я не говорю, что жертва. Это судьба. Мы прошли, это для нас урок. Я жертвой себя не считаю (смеётся) в наше время.

Как Вы оцениваете решение Казахстана о направлении воинского контингента в Афганистан? Отвечает ли данный шаг национальным интересам Казахстана? Повысит ли это международный авторитет страны или, наоборот, спровоцирует агрессию со стороны радикальных исламских организаций?

Это помощь. Это наши казахстанские войска заходили, по-моему, сапёры заходили. Они разминировали минное поле и в Кабуле, и под Кандагаром. Там же заминированных много расположено было мин, а они разминировали, потому что завтра мирные жители будут страдать. Это

помощь, это помощь, я думаю. Этих ребят, которые разминировали, их нужно награждать, их нужно поддерживать. Это тоже долг, это помощь от нашего правительства.

Фамилия Имя Отчество	Хасенов Амангельды Абдыкаликович
Национальность	Казах
Год рождения	1943
Годы службы	1980-1981
Место службы	Провинция Газни
Занимаемая должность во время службы	Снайпер спецназа «Каскад»

В 1979 году наши войска Советского Союза вошли в Афганистан. В 1979-м, в декабре, в начале 80-х годов положение было очень тяжёлое в Афганистане. Там местное население душманами их называло, тех, которые противостояли своей власти, и вот нужны были наши советские войска. Туда зашли советские войска, 40-я армия. Она вошла туда, в Афганистан, но – тяжёлый случай – там не подготовили их. Они зашли, сами обустроились, и пошли сразу операции – подавлять те силы, которые против власти. Мы зашли не как 40-я армия Вооруженных сил СССР. Мы зашли как «андроповские» – сейчас называется КНБ, а раньше называлось КГБ. Значит, помощь 40-й армии, потому что душманов много, поток большой был, они с Пакистана шли. Местные наши ребята, которые воевали в 40-й армии, тяжело им было. Был полк в каждой провинции, я был в провинции Газни, спецназ «Каскад». Первый спецназ Советского Союза тогда вот «Каскад». Это отряд с сотней человек, высоко подготовленные воины.

Я срочную службу служил в 1963-1966 годах, три года служил я тогда. Значит, нас забрали на срочную службу. Мы – дети войны, 1943 года рождения. Этих детей было мало, закрыли все военные кафедры в институте. Я в сельскохозяйственном институте тогда учился, там закрыли. И нас в армию забрали, нас всех – 1945-й, 1946-й, 1947-й, 1948-й, вот эти года все. Три года отслужили, вернулись сюда. Когда пришли, опять военную кафедру открыли. Нам снова подготовка была военная. Кончили институт, получили диплом. Я инженер-энергетик. Проработал очень много – 52 года непрерывного стажа у меня. Как вам ещё сказать?

Да, после окончания института многих не трогали, а я попал в число, в список, это, видимо, когда я служил в противовоздушной обороне. Это, видать, войска, которые пограничные войска, воздушно-десантные вой-

ска, эти войска относились к Комитету государственной безопасности. Я сбор прошёл во 2-3-4-й воздушно-десантных дивизиях Советского Союза, и прошли подготовку воздушную, прыгали с самолёта. Мы как разведчики должны были сделать четыре прыжка. Нас в любое время суток, дня, ночи готовили переслать в другие государства. Готовые люди были, всесторонне подготовлены. Значит, я альпинизмом хорошо занимался, с самолёта прыгал. Много, много было, которые по специальной подготовке пришли. Ночные подготовки проходили в воздушно-десантных дивизиях в Тульской, в Правдинской областях. Ночью подготовка – особенно это... в то время это было очень модно. Китайская армия (у них сильная армия) умела воевать ночью. Соответственно, и нас готовили к этому.

Нас готовили и нас забрали с Казахстана – примерно 700 человек, таких как мы. Собрали в Алматы, это помимо Советской армии. С нами 50 человек наших резервистов, офицеры запаса, как мы, прошедшие службу, 50 процентов кадровых офицеров, старший лейтенант, капитан, майор, подполковник, эти ребята служили в КГБ. Мы с ними отряд «Каскад» сгруппировали и попали в Афганистан. Значит, приехали в Фергану, там я был на сборах в Ферганской воздушно-десантной дивизии. Там подготовили огнестрельное оружие, патроны, палатки, начиная от иголок и всё-всё. Оружие, всё мы там взяли, и самолётом (четыре самолёта) в Кабул бросили.

В Кабуле нас встретили, старались нас не показывать нигде. У нас военная форма была не советская спецназ (я на всякий случай захватил). Мы зашли в афганской военной форме, значит, пепельного такого, цвета песка форма. Сперва нашу форму надевали, советскую, потом переодели, потом опять, потом опять ходили в погонах советских. И там боевое крещение прошли полностью. Были среди нас и погибшие, естественно. Тогда Целиноград был. С Целинограда нас было двое. Четверых-пятерых обратно вернули. Отобрала государственная комиссия, присутствовали из Москвы. Тогда политбюро было, ВЦСПС, комсомолы. В Алма-Ате такая же комиссия была. В Алма-Ате мы прошли весь отбор. И нас туда – в Афганистан. Выполняли долг, нам давали задания. С честью мы выполнили задание и вернулись. Этот товарищ, который со мной был, немножко младше меня был. Он пожил год-два, потом все льготы отменили. Раньше у нас были льготы Великой Отечественной войны – одинаково. Тут наши правители отменили все льготы. Этот мой друг, Джаманшин Сашка, уехал, всё бросил. У него мать была русская, отец – казах. Пограничник, полковник. Он уехал, там получил квартиру, в Москве. Купил машину, всё-всё, устроился на работу. Он инженер,

строительный институт окончил. Нас двое было, и двое с высшим образованием. Уехал. Сюда приезжал, мне звонил, приехал отца хоронить. По-моему, в позапрошлом году – мать хоронить. И он уехал. Здесь братья были, не знаю, я с ними не общаюсь.

В ходе подготовки к службе в ИРА доводилась ли до советских военнослужащих информация об этой стране, её населении, традициях и культуре проживающих в Афганистане народов?

Бегло. Была информация, потому что люди, туда едущие выполнять задание, должны быть в курсе, что за государство, какой язык, какая вера. Это должны были знать мы. Это как аграрное, очень слабое государство – Афганистан. Никакой индустрии, стройки у них особой нет, учебных заведений нет. Наши страны социалистического лагеря обучали афганскую молодёжь, девчонок, ребят учили. Потом они сами приезжали туда. Наши, советские – я имею в виду, чехословацкие, польские, Германия, – они помогали Демократической Республике, помогали их учить. Приезжали – их свои же убивали. Они говорят: против веры нельзя идти. Особенно медицинских работников, даже врачи были. Ну, помогало наше государство. Это как Демократическая Республика Афганистан. Эти все страны социалистического содружества помогали. Вот такие дела.

При отборе в состав Ограниченного контингента войск в Афганистане военнослужащим каких национальностей отдавалось предпочтение? Был ли специальный отбор среди военных по национальному, языковому или антропологическому признаку?

Нет. Ну, видишь, язык мы не знали афганский. Были ребята-таджики. С Таджикистана вся интеллигенция почти там была, у них – один к одному, даже акцента нет. Язык афганский – ну те же самые таджики. Мы в основном формировали здесь – Среднеазиатский военный округ наш. В основном мы казахи были там, татары, мало русских было в 1979 году. Так что мы затруднения языка брали, потому что у нас таджики были. В каждой группе три-четыре человека было туркменом. Гайдар таджик был, Нуриддин, Фарид – три таджика. Они полностью владели языком. У таджиков фарси. Мы-то тюрки. Мы, казахи, можем говорить с узбеками, туркменами, татарами, кыргызами. Происхождение тюркское, мы можем говорить. С таджиками мы не могли говорить. Некоторые слова совпадают. «Дуканчик», допустим, называют на казахском продавца. Самый цивилизованный, самый грамотный человек – дуканчик.

Расценивали ли Вы предстоящую службу в Афганистане как позитивный шаг в Вашем будущем карьерном росте, возможность получения в перспективе определённых социальных льгот, улучшения своего материального благосостояния?

Нет-нет, об этом даже умалчивали и об этом ничего не говорили. Мы зашли тайно, так что нас... Уже тридцать лет прошло – можно говорить, а в то время мы очень много документов подписывали, что мы не имеем права разглашать. Никаких не обещали. Когда мы оттуда пришли, через пять лет только получили удостоверение. У меня там есть военный билет, там просто было написано – мы выполняли интернациональный долг и всё, Аллах акбар. Как выполняли? Вот это удостоверение – через ребят, которые кадровые были у нас, благодаря им, а вот у меня военный билет. И все ноль внимания на нас, что мы были, жили, умерли. Никаких этих... Вот единственная запись была, вот: «В период 1980-1981 годов находился в Демократической Республике Афганистан с целью оказания интернациональной помощи». Вот и всё. Вот три-четыре строчки, как мы попали, – всё. Сам наш... Сейчас называют «департамент», было Министерство обороны, а раньше – военный комиссариат. Они сами не знали, нас куда нас повезли, зачем повезли. Не знали. Это были выходные дни. Нас собрали, в военкомат привезли, документы оформили, старшим меня назначили, нас было пять-шесть человек. «Давай, ага, бери ребят!» – и в Алма-Ату самолётом. Приехали туда, офицеры назад вернулись, мы там остались комиссию проходить. Три-четыре дня проходили комиссию и тью-тью – улетели.

Расскажите об условиях службы в Афганистане. Соответствовал ли уровень полученной военной подготовки реальным условиям службы в Афганистане? Какие основные недостатки и просчёты были Вами отмечены в подготовке? Как проходила адаптация вновь прибывших военнослужащих к новым условиям службы и климату? Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

Всё соответствовало, наше государство умело воевать – наше государство, СССР. Выпускало очень хорошее оружие. Наши автоматы АК-74 очень ценятся. Я там был как спецназовский – член отряда «Каскад». У офицеров были пистолет, автомат, и я как специалист был снайпером. У меня у одного три вида оружия было. Мы всё своё туда повезли, мы ничего не просили ни в армии афганской, ни у государства ничего не просили. У нас от иголки до палатки, кровати... Ну, питание у нас хорошее было – это воздушно-десантный паёк. Обижаться не стоит. Вот

мы выполняли свой долг, прямая связь у нас была с Москвой, своя радиостанция. Вот они давали нам указания, владели обстановкой полностью в Афганистане. Там около десяти – пятнадцати провинций, как у нас, допустим, областей. Четырнадцать областей, допустим, в Казахстане. Там в то время где-то пятнадцать – шестнадцать провинций насчитывалось. Провинция как районный центр – сказать тяжело, ну, крупный поселок ещё. Даже свет тоже не везде был. Очень бедное государство. Только жили за счёт вот этих – анашу, всё это продавали. Наше государство помогало полностью оружием, боеприпасами – полностью.

Скажите, пожалуйста, в каких боевых действиях Вы участвовали? В каких операциях и в качестве кого? Имеете ли Вы боевые награды? Если да, то какие?

Как сказать, участвовали во всех операциях, в боевых операциях. Где ночью выходили на засаду, потому что команда поступила – где-то в таком-то районе дорогу минуют. Так заминуют асфальт (ну, там асфальта мало, плохого качества), ну, едут на машине или бэтээре, подрываются, колеса летят, и мы засаду устраивали. Всё нормально было.

Вы ранены не были?

Нет, я не был ранен. Награды... Я лично сам эти документы не читал, но ребята, там которые занимались отправкой телефонограмм, сказали: мы представлены в Москву. Ордена Красного Знамени, медали «За боевые заслуги» нам не дали – сказали: «Вы приедете в Советский Союз, тогда вам вручат». Никто ничего не давал, Казахстан нам почти ничего не давал. Вот эти все награды (я ещё служил три года в армии) – «20 лет Победы», «За отличную службу» мне дали, потом она пошла – «20 лет», «30 лет», «40 лет Победы», «50 лет», «60 лет». Эти все награды в основном российские, афганские. Казахстан нас забыл. Мы Казахстану не нужны. Когда мы нужны были, нас забрали туда, отправили, а сейчас мы не нужны ни президенту, ни правительству мы не нужны. Мне 69 лет, у меня 52 года непрерывного трудового стажа – мы не нужны. Я после пенсии ушёл. Был на пенсии, шесть лет проработал. На работе просили: «Останьтесь, помогите!» У нас, энергетиков, много подготовки молодёжи, готовить специалистов. Остался – и вот в прошлом году: «Ага, «спасибо вам, идите отдыхайте. Всех денег не заработать, и я пошёл отдыхать. Вот такие дела. Эти награды остались в Москве. И никто – ни военный комиссариат, ни Министерство обороны, ни департамент – никто даже нам несчастные звания не дал. В других областях – Алматы, Семипалатинске, Усть-Каменогорске, там разные ребята были, у них воин-

ские звания до майоров дошли. Люди с высшим образованием. У меня высшее политическое образование, я окончил институт технический и высшее – политический, в смысле я окончил Университет марксизма и ленинизма. Мы кадровых офицеров ничем не хуже, может быть, и лучше. У нас всесторонне развитые были ребята-офицеры.

Расскажите, пленных брали?

Было всякое.

Вы не знаете, какова была их дальнейшая судьба?

Этих людей?

Да.

У них тоже система была, как у нас КГБ. У них этого мало было, очень слабые, неподготовленные. Наши ребята кадровые, мы помогали восстановлению КГБ для их государства. Вот они им помогали, организационные вопросы решали все-все-все, оружием помогали. Они начали, какие-то пленные, мы им помогали, а потом их отправляли в Кабул. Мы в провинции были. Газни провинция, где-то от Кабула 150 километров, где-то так. Так что там прямая связь. В этом районе все должны были захватить «языка» и информацию иметь, сколько там душманов, в каком количестве, чем они вооружены. Вот это всё-всё-всё из «языка» мы добывали. Отправляли. Их в Кабуле допрашивали, а мы выполняли черную работу такую.

Как Вы оцениваете моральный дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов? Среди каких слоёв местного населения и какой поддержкой они пользовались? Каким было их отношение к пленным советским военнослужащим?

Мы видели, как, когда в самом начале вошли, в 1979-1980-м, с нами воевали душманы – те же самые таджики, те же самые афганцы, всех их «душманы» называли. В основном, основная масса у них неграмотные, но они воевать умели. Хорошо стрелять умели редко кто, но поколение этих людей – внуки, правнуки охотников – умели воевать, стрелять. Ну, остальные как во всех государствах – не очень, и эти ребята, конечно, своё государство защищали, свой порядок защищали. Ну а мы что? Мы пришли помогать. Они подписали соглашение с Брежневым, что мы должны помочь. Ненужный шаг мы совершили. И говорят – уже сколько лет прошло! Не нужна была эта война в Афганистане для советских людей, для нас. Сейчас эти льготы поднимаем, депутатов, созыв партий собираем, мы их выбираем, и они всё время обещают: «Вот как вы нас

изберёте депутатами, мы вам обещаем вернуть статус ветерана войны». Мы не имеем статуса ветеранов войны. Когда-то нам Горбачёв, нам все условия создал, как участникам Великой Отечественной войны. Мы такими же правами пользуемся, как и они. Воевали люди. Наши воевали за свою родину, а мы виноваты что ли? Мы вошли в Афганистан воевать за афганский народ. Там некоторые «умные» товарищи говорят: «Мы туда не посылали вас!» Наши ребята погибали семейные, с детьми. Дети остались без отца, жёны молодые остались без мужей. Эти же ребята не виноваты!

Как часто происходили конфликты между советскими военнослужащими и местным населением Афганистана? Если были конфликты, то расскажите об их причинах.

Особо, я вам скажу, что местное население на советских людей не обижалось. Афганистан когда был колонией Англии (он колониальное государство), то они чувствовали это, а наши советские люди – это нормальные люди, никогда детей не обижали, местных не убивали, не стреляли. У нас своё задание было. Мы выполняли свои задания. С местным населением у нас не было никакого конфликта. Не было конфликта. У нас был кишлак, мы как патриоты, как комсомольцы, местных – человек 10-15 остались. Они своё село защищали от душманов. Когда не справляются (много приходит душманов), они нам сигнал дают ракетой. Мы им дарили ракетницу, ракеты, чтобы они... Вечером, ночью спускаются к ним с Пакистана, и они – нам. А мы сами отдельно охраняли себя, БТР завели и поехали. Приехали – они вовремя убираются, потому что у наших сильные мобильные группы были. Они с нами тягаться не смогут – оружие у нас хорошее, патронов у нас много. Они уезжали. Молодое пополнение забрали, 15-20 лет, и питание. Мы приходили, если успевали, то помогали.

Во время боевых операций умирало местное население?

Я много видел детей. Игруют маленькие дети – у кого руки нет, у кого ноги нет. Это те, которым привозят игрушки, которые наши европейские друзья или китайские специалисты изготавливают. Дети есть дети. Что-нибудь блестящее – они играют. Делают так, чтобы взорвалось, – без пальцев, без рук оставались. Со стороны наших – нет, таких не было.

Была ли какая-нибудь степень ответственности военнослужащих за гибель мирных жителей?

Как сказать? Я бы сказал так – наши советские люди никогда не старались ни убивать, ни уничтожать, какие препоны ставить – нет. Они

сами, инструктора приезжают, опускаются с гор и их учат, как готовить взрывчатки. Они мгновенно изготавливают взрывчатку и отдают местным. Наши войска обеспечивали полностью боеприпасами афганские войска. Афганский полк был такой «кадрированный». Естественно, их было мало, но бэтээры – наши, всё это огнестрельное оружие – наше. Его недостаточно было, личного состава у них мало было, потому что всех угоняли в Пакистан на переподготовку. Там подготовку проводили – и опять в Афганистан привозили.

А какова была помощь Советского Союза в развитии инфраструктуры в Афганистане? Участие в строительстве различных объектов народнохозяйственного назначения?

Эти вопросы были и до войны в Афганистане, и после войны – межгосударственное соглашение, строительство. У нас было водохранилище там – это наш советский гидростроительный завод делал. Их солдаты, их войска когда не справлялись, наши помогали, даже наш спецназ помогал, чтобы эти душманы не проникли туда, не подорвали плотину, ещё что-то там. Наши помогали, конечно. Это межгосударственное соглашение – как было, так оно и шло. Там война идёт, а государство само регулирует.

Каково было отношение местного населения к советским солдатам? Особенно к выходцам из Средней Азии?

Как тебе сказать, плохого отношения к советским, неприязни к войскам не было. Мы доброжелательные люди, мы помогали во всём, подсказывали. Они это чувствовали. Мы никогда не обижали, никогда не били детей или там этих пленных. Мы этого не делали. У нас задание было, там такая-то группа была, где-то сделали большую разведку – те же самые наши ребята делали разведку. Там-то в провинциях разведка – группа из 100 человек, из 300 человек, или из 30 человек, или 5000 человек – крупная. Вот информацию такую давали, и, соответственно, мы им помогали готовить операцию. Там наши вертолёты, наши самолёты, там наши танки – всё-всё такое. Оружия всегда достаточно было.

До этого Вы говорили, что у них в магазинах продавали наркотические вещества.

Я не знаю, как в магазинах. Может, они и продавали, мы тогда не были в курсе. У них – в порядке вещей. У них в государстве никто не запрещает распространять наркотические вещества, у них такого закона нет. Так что это у них для того, чтобы содержать армию, душманов, чтобы купить продукты, оружие, всё-всё вот, – наркотические вещества.

Какова была степень распространения наркотических веществ среди советских военнослужащих?

Ой, может, и было, но мало. Втихаря наши солдаты... Наверное, втихаря подкуривали. Я сам не курю, поэтому для меня не интересны были эти наркотические вещества. Ну, кто брал, пробовал. Чтобы зависимость у нас была – не было такого. Они посылали эти наркотические вещества высшего качества. Всеми дорогами зарабатывали деньги.

Советским командованием предпринимались какие-то меры по пресечению данных фактов?

Конечно, у нас был закон советский кому угодно – и нашим солдатам, и местным людям, которые курят. И вообще, в Азии такого, как у нас в Европе, такого нет, чтобы раз – человек научился курить. Там народ в пять лет курит, в три года курит. Я там видел такие женские сигареты, длинные такие, тоненькие-тоненькие. И американские, и французские, и итальянские – все-все сигареты. Ну, они не считали, что это вред. Дети бегают...

Фамилия Имя Отчество	Арсланбаев Марат Джумамуратович
Национальность	Казах
Год рождения	1955
Годы службы	1980-1981
Место службы	Посёлок Джебель-Уссарадж
Занимаемая должность во время службы	Командир танкового взвода

Каким был срок Вашей службы в Афганистане?

С января 1980-го по декабрь 1981-го.

А вы проходили первичную военную подготовку

Я офицер. Я заканчивал военное училище, проходил службу. Учился я в Ташкентском танковом командном училище. После окончания проходил службу в Белорусском военном округе. А уже с Белорусского округа я был направлен в Афганистан.

Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан?

Да, со мной проводили беседу перед отправкой. И конкретно было сказано, что я еду туда.

Те. военным командованием Ваше желание не учитывалось?

Ну, там вопрос стоял не так, я ехал вместо офицера, который отказался.

Он отказался по какой причине?

Не захотел он.

Многие ли из Ваших сослуживцев и ровесников желали проходить службу в Афганистане?

Ну, это было начало самой Афганской войны. Поэтому таких желающих особо не было, потому что события, происходящие в Афганистане, не были распространены. То есть мало кто знал.

Вы свою подготовку к службе считали ли достаточной по прибытию в Афганистан на войну?

Нет. Нас готовили в основном для ведения боевых действий в Европе, очень мало внимания уделялось вопросам ведения боевых действий в горах.

Что считалось наиболее приоритетным и необходимым – горная подготовка или стрелковая подготовка?

Для нас это, честно, значения не имело. Мы должны были что там, что в танковом – одинаково. Разница всего лишь в тактике ведения боя и всё.

Скажите, пожалуйста, были ли Вы или Ваши сослуживцы, другие военнослужащие информированы о причинах присутствия советских войск в Афганистане?

Ну, причины в общих словах. Было информировано, что надо оказывать помощь.

Были ли дискуссии, споры между солдатами об оправдании войны (за или против)?

Нет, мы были в числе первых, и поэтому как-то обсуждать это у нас не было практически времени.

В ходе подготовки к службе доводилась ли до советских военнослужащих информация об этой стране, её населении, традициях и культуре?

Нет.

Скажите, пожалуйста, соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

Ну, в принципе оно соответствовало. Для меня оно соответствовало, для нас, для моего окружения, для моих подчинённых вполне подходило. Потому что мы... Ну, у нас всё это было – и питание, и одежда.

А нехватка чего-либо была? Воды, к примеру?

Ну, вода у нас привозная была, своего источника не было, пока не открыли источник воды. А так вода была привозная.

Умалчивалось ли в советских СМИ данные о потерях среди военнослужащих Советской армии?

В то время – да. В то время всё практически умалчивалось.

А сейчас сможете примерно назвать количество потерь?

Я точно не могу сказать.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, и в качестве кого?

Приходилось. Ну, операции – они разные: по сопровождению груза, совместные операции с правительственными войсками, совместные операции с нашими разведывательными частями. Мы, танкисты, шли чисто как поддержка для пехотинцев.

Ранения получали?

Нет.

Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций?

Потери были, не без этого. Потери всегда есть. Но точное количество сказать не могу. Видеть ту смерть – оно неприятно.

Как Вы оцениваете моральный дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

Ну, в то время было хорошим. Они же местные люди. Будем считать, что у них была козырная карта – знание очень хорошее местности и ориентирование на ней. Вот этим преимуществом они и пользовались.

Среди каких слоёв местного населения и какой поддержкой они пользовались?

Я не знаю.

А каким было их отношение к пленным советским военнослужащим?

Ну, в то время, по всем сводкам, я могу сказать, что жестокое, можно сказать, и не жестокое. Везде по-разному. Потому что люди разные – кто-то обращался хорошо, кто-то плохо.

Можете рассказать о взаимоотношениях советских солдат с афганским населением?

В целом, неконфликтная. Мы особо с ними не контактировали.

Какими были методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций? Проводились ли какие-либо программы?

Программ никаких не было в то время. В то время даже понятия «психологическая служба» или «психологический стресс» не было. Поэтому каждый солдат, наверное, снимал свой стресс по-разному. Кто в себе замыкался, кто разговаривал, кто беседовал, кто – в спорт. Кто на что горазд.

Какова была доступность наркотических веществ в Афганистане?

Ну, я не знаю, что местное население, афганцы курили там. Было, мне кажется, доступным. И многие это употребляли.

А среди солдат такие случаи были?

Были.

А степень распространённости употребления наркотиков среди военнослужащих?

Не знаю точно. Не все же были курящими.

А меры какие-нибудь предпринимались командованием по пресечению данных негативных фактов?

Конечно, говорили, что это на здоровье влияет, чтобы не курили. Наказывали тех, кого ловили. Больше ничего не могли сделать.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную государственную помощь как бывший воин-интернационалист?

Если считать, если сравнить то, что было, и то, что есть, этого недостаточно.

А можете сказать, что было и как оно сейчас?

Ну, я могу сказать то, что, например, я помню, коммунальные услуги мы оплачивали – 50 процентов. Этого сейчас нет. За телефон – это тоже нет. Ну, потом мы могли брать займы без процентов в банках. Этого тоже сейчас нет. Многие льготы, которые были в советское время, отменены.

Сейчас есть какие-либо льготы?

Ну, сейчас бесплатный проезд в автобусе, в общественном транспорте. Бывает, санатории предоставляют отдых, лечение.

Как часто Вы ностальгируете по периоду службы в Афганистане? Часто ли его вспоминаете? Хотели бы Вы вернуться в Афганистан? Если да, то в качестве кого?

Вернуться туда хотел бы в качестве туриста. Но воспоминания, конечно, воспоминания – они есть. Они – постоянно.

А среди местного населения знакомых или друзей завели?

Нет.

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама или перехода в данную религию? Или же они принимали ислам только тогда, когда их брали в плен?

Когда в плен. Ну, я имею в виду национальность мусульман. А так, когда они находились у нас, такого не было.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане и влияние на неё присутствия войск НАТО?

Как говорится, мне кажется, то, что там присутствие войск НАТО – это, с одной стороны, их желание навести там порядок, а на самом деле они лоббируют наркотрафик. Лоббируют в высших кругах, чтобы это было.

Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации, объединяющей бывших воинов-«афганцев» и представляющей их интересы?

Только в Союзе ветеранов.

Скажите, считаете ли Вы себя жертвой советской политики в Афганистане или политики современного государства?

Нет.

А награды Вы имеете? Какие и за что?

Орден Красной Звезды за оказание интернациональной помощи афганскому народу.

Фамилия Имя Отчество	Тулєкпаєв Миранбек Уашевич
Национальность	Казах
Год рождения	1961
Годы службы	1980-1982
Место службы	Город Кабул
Занимаемая должность во время службы	Заместитель командира взвода

Скажите, пожалуйста, в какой период Вы проходили военную службу в Советской армии?

С 1980-го по 1982 год.

Имели ли Вы какое-нибудь образование или работу перед призывом?

Конечно, я работал.

Где работали?

В двух-трёх местах поработал. Ну, водителем работал, потом инспектором, должность так называется – инспектор по тарам, с лесом имели дело. Призвали весной 1980-го, я попал сразу в «учебку» в Забайкалье, в сержантскую школу. После этой школы должны были попасть в Брянский полк. Нас два месяца, в общем, обучали, два месяца и десять дней, что ли. И сразу в Афган забрали. Вот многие говорят, что не знали, куда попадут. Я знал! Разговоры уже пошли потихонечку – «в Афганистан, в Афганистан». Большинство нас набирали, всех нас – мусульман. Видно было уже, даже офицеры сами нет-нет многим, кто хотел с Москвы, с Ленинграда призваться, потому что у нас направление в Самарканд было, говорили: «Зачем тебе туда? Пусть вон чёрные идут! А ты белый – куда ты прёшь?» Было такое. В Самарканд попал, дня три нас там собирали, ускоренную подготовку провели для замены партизан.

Какие у Вас были представления о предстоящей службе?

Мы-то что – молодые, бесшабашные все. Интересно было всё, конечно, в «учебке» тоже, хотя и за полгода мало что можешь выучить, а нас за два месяца ускоренно подготовили и всё. Боевым искусствам, как говорится, мы научились там уже, в Афганистане. Я не скажу, что там страха не было – такого не бывает. Кто на войне был, все понимают чувство страха, потому что каждому жить охота, любому человеку.

Учитывалось ли военным командованием желание служить?

Да нет, любой из нас присягу принимал – обязан исполнять приказ.

А встречались ли такие, которые отказывались?

Нет, никто не может отказываться.

Что Вам и обществу было известно о ситуации в Афганистане и действиях советских войск? Откуда получали сведения?

Нет, когда мы уже в Афганистан попали, там нам каждый день практически зачитывали директивы разные – где бои происходят, сколько потерь. Нас же тоже готовили потихоньку. Есть же некоторые части, которые всегда в пути, в пути. А наша часть-то стояла в Кабуле, и у нас всегда проходили занятия. Мы же постоянно не можем на операциях находиться. В полку, можно сказать, психологическая подготовка шла. Всегда говорили – вот там в плен попали, там кому-то голову отрезали, уши. Никому же не охота умирать мучительно. Поэтому с собой всегда одну гранату носили, потому что страх сидит, чтобы не попасть в плен.

Были ли Вы или Ваши сослуживцы, другие военнослужащие информированы о причинах присутствия советских войск в Афганистане?

Нам лично зачитывали, что Советский Союз... точнее, правительство Афганистана, да, тринадцать раз просили оказать военную помощь в деле защиты Апрельской революции. По тем временам мы охраняли южные рубежи, как нам говорили. Если не мы, то американские ракеты там будут стоять. Хоть мы и стояли не на своей земле, мы знали, что защищаем свои южные рубежи. А сейчас уже вот сами думаем – это со временем, с возрастом, конечно, приходит, – может, и не нужно было нашим войскам там быть? А по тем временам, думаешь, надо было. Кто знал, что жизнь изменится и Союз развалится?

Были ли дискуссии, споры между солдатами об оправданности войны (за или против)?

Между собой мы разговаривать разговаривали, но никто же не может это командованию предъявить. Мы потому что солдаты, мы – последняя инстанция, которая выполняет приказ по-любому. Присягу принял – должен выполнить.

В ходе подготовки к службе доводилась ли до советских военнослужащих информация об этой стране, её населении, традициях и культуре?

Конечно, о местном населении. Всем выдавались всегда такие книжечки – «Памятка солдату». Вот там было написано количество населения, какие у них обычаи. Мы-то с мусульманских стран – знаем немного,

как надо относиться к женщинам, что нельзя общаться с женщинами в парандже. Это мы более или менее знали, а вот ребята с России, с Украины – они эти книжки читали, потому что им это надо было знать, что где можно нарушить, где – нельзя. По идее, у нас контакта с местным населением не скажу, что много было. Только когда в кишлак проходишь, на операцию идёшь, всё равно где-то же останавливаемся воды набрать, пополнить запас, как говорится, и с местным населением общались хорошо.

Был ли специальный отбор среди военных по национальному, языковому или антропологическому признаку?

Конечно, был. В самом начале, я же вам говорю, отбирали большинство мусульман. У нас самый первый «мусульманский» батальон ходил в военной форме, большинство там – узбеки, таджики. Потом второй «мусульманский» батальон был, им командовал майор. Русские тоже были, украинцы, но первоначально-то страна скрывала присутствие своих войск на их земле – типа мы их войска, чёрные, в их форме.

Расценивали ли Вы предстоящую службу в Афганистане как позитивный шаг в Вашем будущем карьерном росте?

Да нет, мы об этом никогда не думали. Просто исполняли свой воинский долг.

Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

Вооружение – конечно, разговора нет. А обмундирование – нет. Питание тоже – в полку есть, а вот когда на операции идёшь, сухого пайка где-то хватает – где-то не хватает. Потому что, на операцию когда идёшь, ты не знаешь, сколько там пробудешь – десять дней, двадцать дней? Вертолёт, если есть погода, сухой паёк привезёт. Нет – значит, на подножном корму: кто-то рыбу ловит, кто – у местного населения берёт, кто – ворует. Война есть война, всякие случаи были.

Как проходила адаптация вновь прибывших военнослужащих к новым условиям службы и климату?

Тяжело было, потому что всё-таки страна чужая, языка не знаешь и холодно... ну как – в Кабуле зима очень холодная, лето жаркое. Никуда не обратишься, в госпиталь пойдёшь – единственная мазь наша Вишневского от всех болезней. Ну, старались не болеть. Солдат есть солдат – всё должен перенести, наши стойко всё перенесли.

Замалчивались ли в советских СМИ данные о потерях среди военнослужащих Советской армии?

До сих пор разногласия идут – одни так говорят, другие – так. Больше 15 тысяч, а не уточнено до сих пор. Даже генерал Громов 15 февраля сказал: «Нет за моей спиной ни одного солдата». Он слукавил, не то чтобы слукавил – он соврал! Более 400 пленных там оставались.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях и в качестве кого?

Знаменитый Панджшер был, его все знают, где Ахмад Шах был. Туда я пять раз ходил на операцию. Потери большие были. Вообще я в 28 операциях участвовал. Где-то неделю был, где-то – десять дней, где-то – месяцами. Вот я там прослужил неполных два года, из них в полку в общем где-то два с половиной – три месяца был, остальное время – по операциям.

Имеете ли Вы боевые награды за участие в них?

Вначале, в 1979-1984 годах боевые награды в основном получали раненые. Представление писали о Красной Звезде три раза, доходило оно до полка иногда, иногда и до Москвы уходило. Но, как говорится, лимит на награды тоже был. Сейчас некоторые пишут, ищут свои награды по архивам. А я не ищу. Потому что когда-то, может, они и пригодились бы, а сейчас они зачем? Я не за медалью шёл, я честно выполнял свой долг. Принял присягу – выполнил свой долг.

А Вы сами были ранены?

Контузия, мелкие ранения, могли и там же оформить инвалидность. По молодости зачем она нам нужна была – все мы так думали. А сейчас иногда думаешь – надо было, хоть что-то от государства имели бы, так как государство ничем не помогает.

Каково было количество потерь афганских мятежников в ходе операций?

Многих мы уничтожили. Нам же всегда разведка доносила, что там-то там караван идёт с грузом, и мы не одним же полком шли – всегда нас несколько полков было. Как могли, бились мы, хотя они тоже сильно воюют. Вначале оружие у них было слабое, потом уже американцы начали оружие поставлять, Пакистан, Индия, много кто им оружие поставлял. Ну, с этим народом много кто воевал, начиная с Македонского, – никто не мог их взять. Если так брать, я их уважаю, они достойные противники. В боевых действиях им нет равных. Если

б у нас такая армия была бы, которая за каждый кусок земли так стояла бы... Сейчас они сравнивают нас с американцами, говорят, мы лучше были, человечнее. На самом деле мы же им помогали. В стройке помогали, дома у них рушились, трубы им тянули, дороги прокладывали. Много информации скрывали не только от нас – и от простого народа. Мы даже своим родителям не говорили, где мы служим. Наши письма читались, проверялись.

Каковы были уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск?

На операцию мы едем, к примеру, четыре полка. А их едет человек сто, возвращаются с боевых действий человек десять, остальные с оружием в горы убежали. У них такой призывной армии нет, можно сказать. Они по домам ходят и проверяют документы, подобные военному билету: если есть – значит, отслужил, если нет – насильно забирают. А кто захочет насильно служить?!

Я думаю, что наше государство сделало неправильно, что ввели туда свои войска, а вывели войска – сделали преступление. А почему? Потому что терроризм сейчас пошёл вовсю. Всё с Афганистана пошло. Даже терроризм. А всё началось с игр нашего политического командования.

Скажите, как Вы оцениваете моральный дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

Они, я бы сказал, за свою землю стояли, поэтому они и воевали. Ну, у них ещё вера же. Не сказать что фанатизм, но фанатизм тоже присутствует. Но всё же строже, чем у нас, мы по-коммунистически, по-социалистически жили где-то в своём мире, со своими понятиями. Каждая страна живёт же по своим правилам. Это для них приемлемо было. А мы пошли, разрушили. Если в данный момент к нам придёт враг, мы же тоже поднимемся за свою землю, понимаете? Вот так же и они поднялись. Я поэтому говорю, они достойные сыны своей земли. Страх нет у них, они всю жизнь воюют.

А каким было их отношение к пленным советским военнослужащим?

Когда я уже туда попал, нам с первых дней директивы читали. Там-то, там-то с поста забрали десять человек, пять человек. Кому – голову отрезали, кому – звезду «нарисовали». Я вначале думал всегда, что это враньё. Только в полк пришёл, 10-15 дней, на операции не был – что я? Молодой был и ничего не знаю. Вижу: все бегают, суетятся. В туалет идут три человека – один ходит, двое охраняют. После уже – начал на

операции ходить, потом своими глазами начал видеть, как уши отрезают, кое-что отрезают, рот зашивают, головы отрезали и в кол втыкают и вдоль дороги как раз и ставят, чтобы мы видели. А мы дороги охраняли, чтобы не заминировали, чтобы отход назад для нас был. Вот они их старались вырезать, чтобы полк потом взорвать. Это мы можем пожалеть кого-то, даже тяжелораненого мы никогда не добьём. Они не знают жалости. Они хотели устроить нас, чтобы мы боялись, чтобы ушли. Их, с одной стороны, понять можно – они на своей земле были. Мы были у них на земле, агрессорами. Первоначально, когда мы пришли, нам приказы давали оружие не применять. А там были ребята, которые на машинах ездили. Ну, колесо пробило, они отстали. Их лопатами даже забивали до смерти. А он не имел права стрелять. После этого наши тоже обозлённые становились – товарища убили, как я его в плен не возьму? Потому что у меня обида лежит за своего товарища, с которым вместе едим, вместе спим, живём вместе – это практически мой брат, а его убили. Война есть война, много чего бывает.

Как относились ко вновь прибывшим солдатам «старые» военнослужащие?

Не сказать, что дедовщины не было. Дедовщина в любое время есть, в старые и дореволюционные времена была дедовщина. И сейчас она есть и землячество. Кто-то кого-то обидит, но редко такое было.

Можете рассказать о взаимоотношениях советских солдат с афганским населением?

Ну, сталкивались, я же говорю, с людьми. Где, бывает, хорошо, где – плохо. Ну, всё равно они враждебно на нас смотрели. Помощь оказываешь – разговора нет, рады были, кое-где прибегали, товарообмен, всё было. Но косых взглядов всё равно больше было.

А конфликты были?

Нет, с первых дней в «Памятке» всё чисто прописано было. Были, конечно, конфликты – что тут скрывать, – единичные случаи. Кто-то у местных что-то сворует, кто-то ещё что-нибудь натворит. Они незначительные. Большинство у нас гражданского населения гибло на операциях, потому что, в бой когда идёшь, по-другому никак – или ты, или тебя.

Какова степень ответственности советских военнослужащих за гибель мирных жителей?

Ну откуда мы можем определить, кто из них мирный, а кто нет? Оружие бросают – каждый становится «дикхайн». В плен попадают –

каждый кричит: «Я дикхайн, меня заставили!» С оружием взял – уже ясно, это враг. Оружие своё побросают-побросают и плачутся. Ну, я с товарищем пару раз в плен брал, их на вертолёт в Кабул забирают, потом опять выпускают. Мы никогда не могли определить, кто из них враг, кто – мирный житель. Даже женщины под паранджой ходят – откуда мы знаем, что под паранджой? Дети даже с оружием ходят.

Какими были методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций?

Да не было ничего такого. Свои старались – где там концерт, где что. Первопроходцы, с 1979-го по 1983-й, никто не знал, что такое баня – там труба торчит, снизу везде дует, еле тёплая вода течёт. Кто в два месяца один раз моется, кто – в три месяца раз. Все, сто процентов, можно сказать, вшивые ходили. Многие этого недоговаривали, так оно и было. Ну, это... что естественно, то не безобразно. Армия есть армия. Выводили, как могли. Потом бани построили, начали мыться нормально. В наше время не было такого. Даже в самый центр Кабула артисты приезжали, Кобзон. Но я ни на одном концерте не присутствовал.

Какова была доступность наркотических веществ в Афганистане?

Да сто процентов она везде.

Степень распространённости употребления наркотиков среди военнослужащих?

Смешно становится, если сказать, что никто не пробовал. Да все, можно сказать, процентов 80 пробовали. Не скажу, что они стали наркоманами, но травку, как говорится, пробовали все.

А меры, предпринимавшиеся командованием по пресечению данных негативных фактов?

А как они будут пресекать? Они же не будут каждого солдата за руку водить. Там на каждом посту дети даже подбегают: «Бакшиш!» – кричат, значит «товарообмен». Мы колу даже впервые там попробовали – молодые же, всё хочется попробовать. Офицеры кричали, конечно, но и среди них пробовали. Так, чтобы на героин переходили и «подсаживались», такого не было.

Решались ли советскими войсками вопросы борьбы с производством и трафиком наркотиков с территории Афганистана?

Да нет, такой темы вообще не было.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную помощь от государства как бывший воин-интернационалист?

Сказать, что да, стыдно мне будет. При Союзе какая-то помощь была, а сейчас нет. Мы сами сейчас проводим военно-патриотическую подготовку с молодёжью. Иногда молодые вопросы задают: «А чем вам государство помогает?» Обидно становится, не знаешь, что и сказать. Да, есть-есть – говорим, что на квартиру в очереди стоим тридцать лет. Проездной у меня бесплатный. Наше же государство тоже хитрит. Каждое государство подписывало документ, что будут выполнять... обязательства брали – там чёрным по белому написано вот, как были мы приравнены к ветеранам ВОВ, – всё будут исполнять. А сейчас государство как делает? Дополнения, дополнения – как им лучше, так и дополняют. До такой степени дополняли, что мы сейчас никто. Сейчас к любому начальнику зайти – он скажет: «Я тебя туда не посылал». Я всегда говорю молодёжи: «Вы не служите ни царю, ни государю, а служите родине». Родина – это вот как любишь мать, так же. Правитель сегодня один, завтра другой, послезавтра третий. Я недавно читал в Интернете (но это уже маразм) – в России в присяге слова клятвы меняют, депутаты выдумывают: уже не будут клясться – вместо «клянусь» будут говорить «обещаю». А после этого какая присяга может быть? Это депутат может пообещать с три короба, ну и не исполнить. А если в армии вот так будут обещать – извините, вот я пообещал, но не получилось? К чему катится всё это?

Как часто Вы ностальгируете по периоду службы в Афганистане?

Да, почти каждый день. Я когда с Афганистана пришёл, я места не находил здесь. Обратно документы сдал. Но вместо меня потом другой пошёл. Хотя это не моя страна, но охота увидеть родные края. Потому что я там... почти два года жил там, был там. Все дороги, которые я объездил, все хорошо помню.

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама или случаи перехода в данную религию?

Ну, кто в плен попадал, чтобы выжить, конечно. Их нельзя осуждать. Понимаете, 18-19-летние дети, жить каждому охота. Сами подумайте, сейчас до сих пор там есть ребята, которые живут там. Как я их могу осудить, что он сдался сопернику? На его месте и я мог оказаться, мог другой оказаться. 600 тысяч нас человек, любой из нас мог оказать-

ся на их месте. Есть, были, которые добровольно уходили в ислам, боялись, что их убьют.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане и влияние на неё присутствия войск НАТО?

Это преступление, что они там стоят. Они ещё хуже сделали. Они уйдут – что там будет? Вот эти все наркотики к нам пойдут, в Россию. Понимаете, это уже необратимый процесс, и никто не остановит, никто не сможет. Разворошили осиное гнездо. А виноваты два великих государства – бывший СССР и Америка.

Считаете ли Вы, что государство и общество защищают бывших воинов-интернационалистов или, наоборот, забывают?

Государство о нас и не беспокоилось никогда. Что мы есть – что нет. Никто нас не заставлял, мы сами союз открывали, сами проводим патриотическую работу. Среди нас, «афганцев», тоже нет единства, много всяких сообществ. Нас с каждым годом всё меньше и меньше становится. Хотя в самой Астане нас 1200 человек. А как подумаешь, 1200 человек – это же много людей! Лет через пять посмотрим, человек 800, может, и останется, может – ещё меньше. Потихоньку-потихоньку... потому что не каждый первый, но каждый второй у нас больной. Что тут скрывать, инвалиды, можно сказать. У каждого свой горох в голове. Со здоровьем у всех проблемы. Раньше у нас и в Алма-Ате госпитали были, сейчас в Алма-Ате закрыли, теперь не знаю, мест тут никогда не бывает.

Считаете ли Вы себя жертвой советской политики в Афганистане или политики современного государства?

Нет, я не могу сказать, что я жертва. Такого понятия не должно быть. Потому что я сын своего народа на своей земле. Правительство, может, где-то палку перегнёт, где-то недоглядит. Обида в душе остаётся, конечно. Но что меня туда направили и... – я не могу сказать, что я жертва, потому что я солдат. Я присягу принимал – раз присягу принял, я её должен исполнить.

Фамилия Имя Отчество	Баяхметов Баглан Солтанович
Национальность	Казах
Год рождения	1962
Годы службы	1980-1982
Место службы	Поли-Хумри
Занимаемая должность во время службы	Водитель мотострелковой бригады

Скажите, пожалуйста, в какой период Вы проходили военную службу в ДРА?

С 1980-го по 1982 год. Из них с сентября 1980 года по июль 1982 года – в Афганистане.

Имели ли Вы какое-нибудь образование и работу перед призывом на военную службу?

Перед призывом не было у меня образования, после армии я поступил в Семипалатинский зооветеринарный институт в 1982 году и окончил в 1987 году.

Проходили ли Вы первичную военную подготовку?

Мы в Узбекистане изучали военную технику, также курс молодого бойца. Также как стрелять и остальное. Полтора месяца проходили.

Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан?

Нас когда призывали с Семипалатинска, уже по дороге нам сказали, что людей не хватает, мы типа специальный призыв и «попадёте в Афганистан». Мы уже знали это.

В дороге, да?

Да, в дороге. Потом нас через Термез... Сначала Узбекистан, в Самарканде курс молодого бойца прошли. И уже через Термез, через Амударью попали в сентябре 1982 года в Афганистан. Людей уже не хватало тогда. Многие болели желтухой.

Какие у Вас были представления о предстоящей службе?

Как сказать, мы же молодые были, патриотами были своей родины. Нам сказали, что мы помогаем революции Демократической Республики и защищаем их население. Также объясняли, что это будет как пятнадцатая советская социалистическая республика. Нам объясняли, как себя вести, как с ними контактировать. Мы только приказы выполняли.

То есть Вам предварительно говорили о традициях, культуре местного населения?

Обязательно, чтобы мы к ним не заходили, женщины в парандже ходят. Мы сами тоже мусульмане, но всё-таки у них вера, религия сильная. Как сказать... Дети не учатся, что мы видели там. Люди не сытые, там война. Видели, как тяжело для народа. Потому что они в огороде пшеницу сеяли, как раньше наши предки, говорили. Недоедали хлеба. Мы видели. А так – народ как народ. Они устали, наверное, от войны. Дети у них не учатся, шустрые такие. В то время, по сравнению с Советским Союзом, они продавали открыто джинсы, которых у нас не было. Уже столько лет прошло. Конечно, первое время было тяжело, потому что ночью проснёшься и как начнут стрелять. Глаза сразу не открываешь – проверяешь, нет ли где-нибудь на голове раны, потом только глаза открываешь. Сперва было страшно, потом мы привыкли.

Учитывалось ли военным командованием желание военнослужащих служить в Афганистане?

Можно сказать, почти нет. Не знаю даже, может, кто-нибудь отказывался. Я видел одного чеченца, когда переходили через Амударью. Он военный билет бросил в Амударью, и он туда не попал, потому что без военного билета.

Он сам выбросил?

Он выбросил. Не хотел, наверное.

Открыто никто не говорит. У нас были близнецы, один служил в Афганистане, другой – в Советском Союзе. Потом им письмо написали – оказывается, если близнецы, оказывается, могут вместе служить. Если ты захочешь, то можешь отказаться, обратно в Союз могли отправить. Он вроде не хотел, потому что всё-таки друзей, своих сослуживцев не хотел оставлять. Кому суждено, наверное, не судьба.

Многие ли из Ваших сослуживцев, ровесников желали проходить военную службу в Афганистане?

Так... не знаю. Я вообще сам был вроде готов, потому что не жалею, что служил в те времена. Сейчас молодёжь... я не знаю, они готовы или нет. Я даже, может, не уверен. В те времена октябрят прошли, потом комсомольцами были. Сейчас слышишь, что в армиях дезертируют, что дедовщина. Дедовщина, наверное, с тех времен. Там хорошего, может, мало, потому что единственный сын. Мы сами, я, например, с большой семьи, у нас одиннадцать детей. Я самый старший из них, потом, после армии сестрёнок и братишек поднимал на ноги. Всё-таки, я думаю, когда

мы служили, достойно служили, все были патриотами. Сейчас я думаю, они все были героями.

Что Вам и обществу было известно о ситуации в Афганистане? Откуда получали сведения – телевидение, СМИ, рассказы очевидцев, слухи?

Информации мало было в те времена, потому что 1979-м наши зашли. Информацию по всему Советскому Союзу в газетах писали. Телевидения у нас почти не было, поэтому информации мало было. Мы знали, что это республика мусульманская, немножко знали. По истории знали, что несколько войн было и, даже можно сказать, что она английской колонией была. Там были узбеки, местное население – общались, виделись. Например, меня звать Баглан. В Афганистане есть город Баглан, речка есть Баглан. Иной раз особысты говорят, наши каэнбэшники часто спрашивали меня: «Ты не хочешь туда? У тебя имя Баглан, ты казах, ты мусульманин». Вот такой вопрос задавали. Я говорю: «У меня дед-мулла, когда отец на матери женился, Коран открыл и узнал, что несколько внуков будет. Первых двух я вижу, первая девочка... а мальчика Багланом назову».

В 2000 году я с другом хотел в хадж, собирался в Мекку. Как раз я заболел, и не получилось. Он один уехал, я – через несколько лет, я только в 2009-м. Я с 2000 года намаз читаю, в 2009 году я в Мекке был.

Тогда вспоминал, когда в 2000 году не поехал, меня каэнбэшники вызывают, это в Семипалатинске. Прихожу, в кабинете спрашивают: «Почему вы не поехали в Афганистан?» Я говорю: «Как? Я не могу по здоровью», – и другие дела у меня были. Потом смотрю, у него такая папка – даже то, что я в Афганистане писал, кроме того, в школе писал, всё моё досье. Я, наверное, тогда на учёте стоял. Оказывается, тогда хотели в хадж самолёт – через Афганистан. Потом или не получилось, или что. Направление через Турцию, что ли, поменяли. Когда все через Афганистан летели, все, наверное, подумали, что я не хотел. Вот такой случай был. Меня два раза вызывали – я им объяснял, так и поверили они мне, наверное. Так ничего, слава Богу, в сорок лет мне контузия осложнение дала. Мне помог тогда намаз, наверное. Я сейчас работаю.

Скажите, пожалуйста, считаете ли Вы свою предварительную подготовку достаточной?

Сейчас по-другому, в те времена – очень мало. Нас физически мало подготовили. Как водители – проходили на камазе, на кразе, на бэтэраха. В Кундузе мало было, потому что там крутые горы. Там вообще перевал Саланг, зимой гололёд – что там творится! Ну, этой подготовки мало

было. В те времена, в Советском Союзе – полтора месяца, наверное. При военном режиме, наверное, мало.

Скажите, были ли Вы и другие военнослужащие информированы о причинах присутствия советских войск в Афганистане?

Причины... Нам объясняли, что Республика Афганистан, как в 17-м году их шаха свергли,... народ хочет править, им надо помочь, революцию надо защищать. Мы комсомольцами были. У них тоже повязки были, как у нас, по-моему. Они что-то хотели изменить, что будет как Советский Союз.

А в действительности Вы сами думали так же? Что причины были именно такими?

Мы тоже думали: там свергли этого шаха, поставили другого – это всё плохо. Как и советский человек. Там будет пятнадцатая, наверное, республика. После этого, мы знаем по Интернету, пишут, как будто мы как американцы, их войска, которые там находятся. Обученные, подготовленные. Афганцев сейчас спрашивают: «Как там было, когда были советские? Теперь как американские?» – «С теми было интереснее, общались они, а эти не общаются, только стреляют». Мы помогали в те времена. Столько горючего, дороги строили, дома строили, «советский» микрорайон, в Кабуле институт помогали строить. Даже этот дворец Амина, я там рядом, в 7-м секретном гарнизоне служил. 180-й полк стоял там. Я вот недавно видел фотографии: дворец Амина, там баранов пасут, от этого дворца ничего нет. Что за народ, что там творится? Военный институт куда делся? Там бассейны были, я сам видел. Там модули были, наши генералы жили рядом. Это вообще перед горами, край Кабула. Можно было сделать всё нормально, это же история. Я не знаю, я думал, что они вперёд уйдут. Религией, своей отсталостью, наверное, или что... – у них нет будущего. Там у них кланы, народ неграмотный. Вот некоторые жаловались, что детей двенадцати-тринадцати лет прячут – их забирают солдаты. Солдаты забирают, если не отдашь – тогда басмачи забирают. И потом начинается всё это, стрельба. Мы два года, например, лиц женщин не видели. Только в Кабуле у детей-девчат, у них форма, надевали коричневую форму, белые платки. Остальные все в парандже. Если увидят, что девушка стройная идёт, все сигналият. Если бабушка в галошах идёт, никто не сигналиит. Потому что мы постоянно им горючее возили, сопровождали. Я в Газни, во многих городах, Чарикар по всему Афганистану ездил.

Скажите, в целом взаимоотношения советских военнослужащих и местного населения какие были?

Язык уже почти хорошо знали, потому что часто общались. Продавали какую-то мелочь, а так – по-разному. Шибко нам с ними тоже не разрешали общаться, потому что там политика, наверное, была. Так как мусульмане, если они сидят кушают, говоришь им как мусульманин: «Ассалам алейкум!» Скажешь – они сразу: «Давай проходи!» Так много контактов было.

Конфликты были?

Конфликты? Конечно.

Причины какие?

Даже где горячие точки, которые в Пакистане подготовили, каждому народу, наверное, надо дать самому управлять. Мусульманские республики, им обидно, что они сами не управляют. Если мусульманин, народ, значит, слушается. В Коране написано – слушайся господина. Я иной раз задумываюсь, сейчас в Палестине что делается, что делается в Иране, такие мусульманские государства. Там, в Коране написано, что ты только никого не убивай, никому плохо не делай, не говори даже. Обидно вот как мусульманину, как воину-интернационалисту. Сейчас посмотришь, что в армии творится, в пограничных войсках что творится, – прямо больно.

Испытывали ли Вы гордость от предстоящей службы в Афганистане?

После службы в Афганистане нас как-то государство поддерживало. С армии приехал в 1986 году, по-моему, постановление было там, льготы. Мы когда служили, наша почта проверялась. Мы писали в военную полевую почту, ничего не разрешали домой писать, например.

Родители Ваши знали, что Вы служите в Афганистане?

Знали. Мы ничего такого не писали. Нормально служим. Письма проверялись, потому что, как сказать... Потом, после армии уже начали говорить, что случилось, что творилось.

Были ли дискуссии и споры между солдатами об оправданности войны (за или против)?

Сейчас или тогда?

Тогда.

Нет, наверное. Как я вспоминаю, в 1982 году нас собрали, хотели на третий год оставить. Людей не хватило, наверное. Потом собрались, министру обороны Соколову писали, что мы не хотим третий год. Тогда нас обратно отправили. Солдаты, которые увлекались, которые курили анашу. Я не курил. Можно сказать, не пил.

Что можете сказать о доступности наркотических веществ в Афганистане и о распространённости употребления наркотиков среди советских военнослужащих?

Там – доступно. Деньги найдёшь, что-нибудь продашь, там анаша как пластилин у них. Некоторые солдаты курили. Оказывается, население, чтобы отдохнуть, вот эту анашу курило. Несколько случаев было, когда передозировка была. Сперва они кушают, потом начинают хохотать, потом плачут. Это всё на психику действует. И так все изнутри ранены. Что за война? Этот вопрос всегда был. Такие случаи были. Потом, у них водки нет. «Киш-миш» называется их самогонка. Они тоже её продавали, прямо два-три целлофана. Пили тоже, наверное. Это от командира зависит. Командир если хороший, прикрытие с воздуха есть, потерь мало было. Например, у нас первый командир был, воинственный такой, смелый такой, – потерь мало было. Через год, в 1983 году, что ли, письмо прислали, что нашу роту окружили, половины солдат нет, её потом расформировали.

Расценивали ли Вы предстоящую службу в Афганистане как позитивный шаг в Вашем будущем карьерном росте?

Когда служили, наверное, как-то не так. После армии уже начали подерживать.

Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

Первое время тяжело было, потому что там тоже дедовщина. Старослужащий впереди встанет, там котелок такой солдатский, и в очередь встанешь за ним. Они такие здоровые, они себе полную наложат, бывало, что хлеба не доставалось. Там жара же, а так там дизентерия. Наутро дают, берёшь сухой паёк постоянно в сопровождение. Солдатские консервы томатные... Ой, они испорченные были! Вызывают этот... понос. Потом кто не болел в детстве желтухой, все переболели. Хорошо, что я в детстве переболел. Некоторые умирали от этого. Потом как-то самому приходилось что-нибудь продать-купить. Потом более или менее. Машины, камазы, сухой груз они колоннами сожгли. Двадцать – тридцать машин. Так – склад, хлебозавод – всё обеспечение.

Скажите, пожалуйста, о потерях – замалчивались ли в советских СМИ данные о потерях среди военнослужащих?

В наше время мало писали. Где вот горячие точки, где самолет с Кабула груз возит – потом. А так информации мало было. Вообще в газетах мало писали. Потом, уже после нас – начали. В 1986 году, как постановление было, потом уже начали – перестройка.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях и в качестве кого?

Мы в основном горячее возили. Вот Кабул – Газни. Один раз, когда с Кабула ехали, есть там деревня Амин, не доезжая до Баграма, там обстреляли. Там уже не успевали смотреть, кто в сопровождении был, несколько потерь было.

Другой раз тоже, окружили нас, двоих-троих ранили.

Вы были ранены?

Да, они там, где асфальт заканчивается, туда поставили мину. Меня – в сторону. Где-то через полчаса очнулись, кровь, он лежит. Оказывается, после сотрясения – контузия, надо лежать, и людей не хватало. Через два-три часа этот шум-гам, мы поехали. После армии, когда поступил в институт, начались у меня головные боли. Иной раз я не хотел идти в больницу – меня с деканата за ручку брали и вели, лечили. Ухудшение памяти весной, осенью. В сорок лет, я же говорил, когда намаз начал читать, у меня тоже ухудшение было психологически. А так – ничего сейчас.

Как Вы оцениваете моральный дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

Такого морального духа, наверное, мы не видели. Может, где-то в горячих точках, где-то ближе к Пакистану, где готовят американцы. Они же мусульмане, у них была женская мусульманская половина. Им объясняли так: вот Советский Союз – одно общежитие, моё-твоеё – нет, моей жены, твоей жены – нет, живёшь и всё. Вот этого они боялись сильно. Потому что вот так будет. А так – с их солдатами общались, они тоже так быстро не хотели воевать. Бывали случаи, поймали их, били их, не убивали. Война есть война. Слезы заканчиваются, человек становится как зверь. Постепенно надо отходить. После армии у меня три-четыре месяца слёз не было, становишься как камень.

Брали ли они пленных и какова их дальнейшая судьба?

Мы не сталкивались, что в плен брали, вот слышали. Вот в прошлом году сюда доставили его, мать его столько лет ждала.

Зуев?

Да, Зуев. Мы слышали, что он не хотел веру принимать и его расстреляли. Так это тяжело. В те времена не рассуждали. Для солдата приказ есть – и всё.

Учитывались ли национальность и религиозная принадлежность военнослужащих при направлении на срочную службу?

Не знаю, было, наверное. В Советском Союзе все разговаривали на русском языке. Я с украинцами служил первое время, не знал, что язык украинский.

Какими были отношения между солдатами срочной службы и офицерами Ограниченного контингента? Степень доверия между ними?

Там же всё-таки война, поэтому офицеры были, но отношения – братские, можно сказать.

Каковы были методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций и были ли какие-нибудь программы?

Такого ничего не было. Если попадётся водка, вот в те времена можно было поплакаться.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную помощь от государства как бывший воин-интернационалист?

Если сравнивать с другими государствами, как говорят же сейчас ветераны войны, наверное, нам надо такой статус, что мы проходили, что служили. Как-то помочь с пенсией, устроить, наверное, на работу. Государство заботится сейчас. Нас, участников, мало стало, в санатории отправляют, постоянно в госпиталь. Сейчас чувствуется, что своё государство. Казахстан поднимается, думает уже. Если есть здоровье, то и помощи государственной не надо. Человек привыкнет – потом и работать не будет. Когда нам такое давали (показывает свидетельство) в 1986 году, первый раз пошли в кино, а там, в кино очередь, билеты достать не так просто (в Семипалатинске есть кинотеатр «Октябрь»). Зять мой стоит рядом, шутить любит – «Ты что, ведь ты «афганец»! Иди встань без очереди, билеты сейчас заканчиваются!» Я первый раз пошёл, стыдно, показываю билет. Раз – мне три-четыре билета дали. Как это началось – я, студент, везде без очереди. Молодой, что там стесняться? Смотрю, через год, что ли, там четыре человека за капустой в очереди встали, я стою и хотел без очереди. Там бабушка говорит: «Сынок, ты посмотри, сколько человек в очереди стоит. Зачем тебе это? Ты и так успеешь!» Вот види-

те, вот так привык я. Потом уже думаешь, вот я такой, я служил, если он водку пьёт, он герой. Обида поднимается иногда. Если здоровье есть, работу надо найти, помочь. Если здоровья нет, то пенсией надо помогать, наверное. Я смотрю, наших «афганцев» тридцати процентов уже нет, наверное. Тридцать процентов, если Бог меня простит, уже в алкашах. Последние тридцать процентов остались, им уже за пятьдесят. У нас есть ребята, работают, молодцы вообще – всем помогают, поддерживают. И государство заботится. Всё же хорошо сейчас у нас.

Скажите, как часто Вы ностальгируете по периоду службы в Афганистане?

Вот уже тридцать лет... Я вот смотрю фильм, как «Девятая рота», – у меня слёзы. После фильма всю ночь сны вижу – видишь, как ты молодой. До сих пор не можешь забыть, я вот удивляюсь. Вот Великая Отечественная война – знали, что везде идёт война. Там окоп, за ним враг. Я дома лежу, и тут шорох – я уже возле двери. Это всё психологически не так просто.

Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан? Если да, то в качестве кого?

Не знаю даже. Посмотрел в Интернете, как там американские войска, дворец Амина... Даже не хочется смотреть – будущего никакого. Обидно просто. Может быть, у каждого народа должно быть свое «Я». Я не вижу будущего.

Как солдат мог бы вернуться, если подготовиться.

В период нахождения советских войск в Афганистане были ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама?

В те времена не было. Я сам начал в 2000 году. Даже мои друзья удивлялись, когда я в сорок лет начал читать намаз. Никакой я не ваххабит – обычный человек. Иной раз в мечеть ходишь – многие думают как особисты. Я просто для себя, воспитываю себя, как-то, может, успокаиваюсь.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане? Влияние присутствия войск НАТО?

По информации я думаю, что американцы хотят, наверное, помочь, сделать Демократическую Республику. Если не вмешаться, столько лет они не могли до этого, вперёд надо идти, развиваться, наверное. Если Бог дал жизнь, надо прожить её достойно. Взять в руки оружие и стрелять – это любой дурак может. Там кого защищать и от кого, я не знаю. Вот если бы они как мусульмане что-то сделали, что-то совершили бы.

О боевых наградах что можете сказать?

В те времена нам не говорили даже. После успешных операций, после успешного сопровождения, мы вовремя горячее доставляли, наши данные отправляли в Москву. Может быть, некоторым пришли, некоторые ждут. А так – у всех есть такие юбилейные, благодарность от афганского народа. Может, кто позже, в 1987-м, – им уже открыто говорили.

Считаете ли Вы себя жертвой советской политики в Афганистане или современного государства?

Я не знаю, я как патриот, наверное, как патриот родины. Мужчина должен служить и защищать свою родину. Ну, отправили, политика такая была, государство отправило, ты за неё стоишь душой. Все милиционеры, все госслужащие, все должны быть патриотами.

Фамилия Имя Отчество	Бейсекеев Галы Ибряшевич
Национальность	Казах
Год рождения	1962
Годы службы	1981-1982
Место службы	Кабул
Занимаемая должность во время службы	Воздушно-десантный полк, сапёрное дело

Призвался я в Советскую армию в 1981 году. Раньше, при Советском Союзе в городе Целинограде (тогда ещё был) – здесь в Комсомольском посёлке специально готовили воздушно-десантные войска – и проходил подготовку. Здесь подготавливали, производили прыжки. Сделал в Целинограде ещё на «гражданке» шесть прыжков. Потом в 1981 году в апреле месяце был призван в армию, попал в Тульскую дивизию, Костромской полк, воздушно-десантный полк. С 1981 года первые полгода служил в городе Костроме, гвардейский полк проходил, был участником парада – раньше, при Советском Союзе проходил парад на 7 ноября в Москве. Участвовал в параде, после этого где-то 28 ноября был направлен в Демократическую Республику Афганистан, где проходил далее службу. В Афганистане попал в 350-й полк, в 350-м полку был в 3-м батальоне сапёром, где и проходил дальнейшую свою службу. Постоянного места дислокации наш батальон не имел. Почему? Потому что в основном нас перемещали по всей территории Афганистана, в основном во всех регионах Афганистана был.

Скажите, пожалуйста, до того, как попали в Афганистан, Вы слышали об этом государстве, об их культуре, традициях, о языке?

Да. Ну, вот на... в 1979-м году первый раз услышали. Уже мы были призывного возраста, и я учился в техникуме, уже заканчивал. И полу-

чается, старше нас кто попадали, когда пошёл Афганистан, уже начали приходить письма и напутствия. Ну, и так судьба повернулась, что я пришёл оттуда живой-невредимый.

Такого национального – у нас в полку по крайней мере не было. Там отбирать больше некого было. Из национальностей, получается, два казаха нас было.

Считали ли Вы службу в Афганистане оправданной и необходимой, испытывали ли Вы гордость, проходя службу в Афганистане?

Да. Ну, вот как я и говорил в предыдущем, здесь военно-патриотическое воспитание. Каждый солдат, который призывался в Советскую армию... (вот в то время, получается, командиры частей) на имя командира части рапорт не один раз писал каждый солдат. Личные рапорты писал, чтобы отправили его в Афганистан. Это говорит о том, что каждый советский солдат в тот момент был своим патриотом – своей родины. И все как-то стремились попасть в Афганистан. И получается, может, по воле судьбы получилось так, что я попал туда, в Афганистан.

Вы перед службой, получаете, учились, да?

Перед службой в Афганистане? Ну, я здесь, в Союзе, попал в кадровые войска. Ну как... Костромской полк Тульской дивизии. Но потом уже оттуда отбор шёл. С дивизии, с полка.

А какие навыки и знания прививались при подготовке к военной службе? Сапёрное дело, горная подготовка?

Да, мы... В основном, может, горная подготовка повлияла и то, что я был с Казахстана. И как-то тот регион, наш северный регион, – он более приспособлен к тем условиям, которые есть в Афганистане. Горподготовка, плюс на спортивные данные смотрели. Поэтому в основном у нас (во всяком случае, у нас в полку) отбирали тех, которые сдавали нормативы, в то время которые были, – нормативы на отлично кто проходил. И я неоднократно участвовал в соревнованиях дивизиона и неоднократно привозил в часть «первые места». Ну, в то время это закрытые соревнования были, и вот я был чемпионом полка по каратэ, нашего полка.

Расскажите об условиях службы в Афганистане. Как проходила адаптация вновь прибывших?

К природе адаптации такой у меня лично не было. Если взять наши регионы Уральск, Атырау, Актау, вот они подходят, и ландшафт сам подходит. Наши Атырау, Актау если взять, то они одинаковы с Шиндандом, Фарахом, Гератом. Единственное, что в Герате ближе там, – бананы и

гранаты. В то время, действительно, я, попав в Афганистан, первый раз увидел то, что в Казахстане я никогда не видел. То, что в Казахстане я никогда не видел, в Афганистане увидел. И адаптация... Ну конечно, тяжело тогда, когда, получается, теряешь друзей своих, вот это тяжело. А так – в службе, наоборот, каждый из нас стремился попасть туда, где тяжелее, туда, где требовались нашего рода войска. В основном приходишь с рейда и сразу же на засаду. Ну, в основном постоянно у нас производились то засады... перекрывали дороги на Пакистан, Иран, пресечение оружия, на наркотрафик закидывали нас, на захват. В основном вот это.

Расскажите, пожалуйста, в каких боевых действиях, операциях Вы участвовали? Имеете ли Вы за них награды?

Ну, так если взять, вы знаете, много. Ну, я говорил вот, допустим, постоянного места дислокации не было. Приходит если радиограмма, то нас закидывают, забрасывают в ту или иную точку, где или колонну обстреляли, или в каком-то кишлаке зажали наши колонны. В основном... Или где-то план «перехват» – допустим, приходит радиограмма: через Пакистан идёт груз, естественно с оружием, – его перехват. Ну, так если сказать, именно такие запоминающиеся чтобы, когда постоянно в этом задействован, оно как-то проходит. Единственное я хорошо запомнил: получается, колонна шла в Фарахрут. Автоколонна шла, и тут раз – на рацию вышли. У нас в батальоне срочная тревога, нас загрузили, забросили в этот кишлак. Забросили в кишлак, потому что зажали колонну. Получается, первую машину подбили и в конце заднюю, которая сопровождающая, подбили. И тут, получается, в дороге, в кишлаке начинается обстрел. И тут, нас забросили туда, сброс сделали. И я вот именно спрыгиваю с вертолётa, бегу метров тридцать-сорок к дороге, чтобы сориентироваться... И тут выходит с Кызылорды парень. Единственное – я с ним познакомился, два слова: «Откуда?» – он: «Кызылорда». Познакомились. Бегу к нему... и на моих глазах ему попадают в лоб. Ну, получается, в мозг, осколки черепа вылетают и вот это. Вот такие ситуации. Он был водителем.

На пятый день после того, как попали в Афганистан, нас забросили сразу же от Кабула в направлении Джалал-Абада. Тоже образовалась банда, и надо было ликвидировать эту банду. И вот мы, получается, сразу из Союза в бой попали. И когда первый раз убиваешь человека, тяжело, тяжело. Всё равно любой тот, кто говорит, что воевать – это не страшно... Это страшно. Те, кто испытал это... Это очень страшно, когда над головой пули свистят или когда убивают твоего товарища рядом. Это вообще жутко. Поэтому я сам никогда не поверю, если кто-то говорит, что уби-

вать или стрелять в человека – это не страшно. Страшно, но по долгу службы там было такое, что если не ты – то тебя. Поэтому так приходилось.

Каковы были потери военнослужащих Советского Союза? Реальные цифры совпадали с теми данными, которые сообщались в СМИ?

Нет. Ну, СМИ которые сообщали, не совпадали. СМИ всегда... Ну, на тот момент, в советское время, конечно, СМИ правду не говорили, потому что СМИ работали от государства.

Оно умалчивало, да?

Да. Больше умалчивало.

А были совместные операции с афганскими правительственными войсками?

Да, были. Это в апреле месяце у нас была совместная операция с царандойцами – получается, с войсками Афганистана. Получается, наш батальон и они должны были пройти по ущелью Панджшер и ликвидировать бандформирования. И порядок был: сперва должны были – царандойцы, а за ними – мы, прикрывать их отступление. И тут, когда завязалась стрельба, перестрелка, оказалось, что наши советские солдаты спереди оказались, царандойцы – за нами. И в основном вот такие часто были нюансы, когда, получается, они должны были первые проходить, но получалось, проходили советские солдаты.

Каков был уровень взаимодействия между советскими военнослужащими и афганскими?

Уровень, на тот момент, знаете...

Степень доверия?

Вот степени доверия, конечно, не было. По себе мы знаем, потому что попадалось так, что он днём ходит в форме военнослужащего Республики Афганистан, а потом через неделю попадает этот же человек уже в чалме. На другой операции, допустим, попадает, и смотришь на него и думаешь – или он царандоец, или же он в какой-то группировке, бандформировании. Ну, на тот момент, чтобы свою жизнь доверить царандойцам Афганистана, мало было доверия. Поэтому в основном работали солдаты сами.

А как Вы оцениваете моральный дух и боевую подготовленность афганских моджахедов?

Ну, боевая... Поймите, они на протяжении всей жизни... Вот родился в Афганистане ребёнок, ему пять-шесть лет, начинается уже формирова-

ние головного мозга. Уже с шести лет человек будет запоминать то, что он постоянно видит. И с детства он видит автомат, он видит бои, боевые действия, у него в руках всегда автомат. И у них подготовленность к боевым действиям, конечно же, очень большая. Они умеют владеть оружием очень высококачественно.

А среди каких слоёв населения они пользовались доверием и поддержкой?

В основном талибы. В основном на стороне государства это узбеки и таджики были. Они есть среди них, а так талибы, ну, хазарийцы у них есть, пуштуны, таджики, узбеки. Уже в 1983 году я встретил человека, он из Казахстана беженец, получается, в то время, когда его дедушка убежал из Казахстана в Афганистан. А они сами уроженцы. На тот момент дед был старый, говорил – его отец с Семипалатинска, это их земли были.

В период голодомора?

Да, они эмигрировали в Афганистан. И остались в Афганистане. Это в 1983 году я встретил деда, и вот он рассказывал про Казахстан.

Расскажите, как обращались с советскими военнослужащими, которые попадали в плен? Как с ними обращались, какова была их судьба в дальнейшем?

Ну, в основном, кто попадал в плен, их не удаётся отбить или вовремя. Ну, в плен попадали соотечественники, солдаты Советской армии, в основном, знаете из-за своей халатности, из-за своей свободности и доверия. Вот, свободно мы могли пойти, два-три человека, в кишлак, чтобы купить ту или иную вещь или взять те же фрукты, например, овощи, что-то взять, и могли спокойно уйти в кишлак и на этом самом попали. И поэтому в данный момент почему говорим – у нас на постсоветском пространстве 306 человек, пропавших без вести. Это официальные данные. В основном все старались отбить советских солдат, которые попадали в плен. У нас, например, забыл фамилию, – он уже попал в горах Хакисафет, при отступе каким-то образом по окончании патронов его взяли в плен. Сумерки наступили, и мы из виду потеряли, куда он ушёл. И на утро, второй день, когда уже начали прочёсывать этот район, мы его уже нашли – неживой, забитый такой, прострелены руки-ноги, но, получается, кое-как отбили его. И когда отбивали, получается, русло воды – сверху текла вода. И притом, когда отбивали, получается, не погибли, а ранило ещё двоих. Когда его отбили, взяли – мёртвый уже был на тот момент. И вот, чем нести мёртвого, раненого намного тяжелее вытаскивать, нести, спускать с гор. И на высоте, там горная лоза была.

И спускать раненых, двух раненых было пришлось. Я вот сапёром был, пришлось мне прятать своего служака. Получается, мы с ним служили, и он погиб, его мы отбили, и потом спрятал в русле воды. Выйома же есть, с гор вода течёт, и образуются как ванны. Связал камни, и вниз, получается, потому что летнее время – он мог быстро испортиться. Пока мы спустились, отнесли... Нас всего взвод был, во взводе у нас двенадцать человек, тут, получается, неполный взвод был – где-то человек восемь нас было, из них вот он уже на дембель должен был уходить, ну, осталось там полгода до дома, а его убили и двоих ранило. И пришлось нам вытаскивать раненых в первую очередь. В первую очередь раненых чтобы сдать. Потом шли, и командир роты говорит: кто помнит то место? Ну, если я прятал, я обязан был помнить, и пришлось вернуться на место. И вот по руслу идём, а воды-то пить охота, в основном налегке пошли, вверх. И тут идём – попали на засады. Мы подымались, а те знали уже, наверное, что придут. И, видать, труп не нашли они, куда спрятан. Ну не догадались, что прямо в русло. Мы идём, и я старшему офицеру... был старший лейтенант Лямцев, и он говорит: «Сапёр, куда спрятал?» – и воду пьём, русло идёт. Воду пьёшь, и запах трупа – из-под него мы воду пьём. Я говорю: «Кажется, он выше лежит». Туда подымаемся, метров пять-шесть выше, и точно – там нашли. И когда дальше ходили, говорили – ерунда, мы уже из-под своих воду пили. Ну, бывает, как-то болеет человек, когда самовнушение себе делает, и болеет, начинается рвота это... А вот те солдаты, с которыми вместе мы были, – ни у кого такого не было. Это, получается, отвлечение к тому человеку, которого мы положили там? Ну, получается, попили все воду и как положено! Вот эти вот нюансы запоминаются. Те пацаны, которые попадались живьём... – оттуда живьём мало кто уходит. В основном остаются те, кто идёт на сотрудничество с душманами. Многие попадают, их ломают. По жизни ломают на сотрудничество. Есть, конечно, на данный момент у нас, есть кто сотрудничал, получается, с душманами.

Как предатели?

Да, как предатели. Которые участвовали в расстреле своих же, советских солдат, в расстрелах, нападениях на колонны. Ну, в основном на колонны нападали те, которые возили грузы. Вот некоторые сейчас, в данный момент говорят, что вот, получается, батальон обеспечения – он не считается боевым, он считается обеспечения. Но это именно та колонна, которая постоянно попадает под обстрелы. Вот взять если водителей, каждый водитель под страхом ездил, потому что горные серпантины и

плюс нападения душманов на эти автоколонны. Затаятся... Считается по-советски, что батальон обеспечения – он не боевой батальон. Многие попадали, кто в батальоне обеспечения. Даже ездили по тем или иным частям, бригадам, тоже развозили снаряды, боеприпасы. Чтобы не попался и чтобы не доставлены были боеприпасы вовремя, конечно, на них нападали душманы. И в первую очередь старались истреблять вот эти колонны. Так в основном... многие у нас есть «афганцы», те, которые попадали в плен, сами себя которые убивали. По разведывательным данным, есть которые убивали себя.

Расскажите об отношениях между населением Афганистана и солдатами, военнослужащими Советской армии? Конфликты были? Если были, то по каким причинам?

Таких, чтоб были... Например, если взять... Наш батальон только прибыл к Фараху – провинция Фарах. Там возле кишлака встали к вечеру, к часам шести, может, – в это время. И обстрел пошёл батальона. И он сразу начинает окапываться, начинает расставлять палатки. И получается, не только у нас, а во всех частях, которые вновь прибывают на новое место, – всех обстреливают. И днём-то любой, если ходит солдат по кишлаку с автоматом, он может... А там без автомата, естественно, не походишь, а с автоматом – любой гражданский человек будет на тебя смотреть с опаской. Ну, дети они везде... дети – это дети. Они все – дай повязку, дай значок, дай то, дай это. Поэтому к детям отношение другое. А взять если взрослое население, то, конечно, от взрослого населения можно было ожидать всего. Если попадись один человек, то они бы с ним... его бы украли и продали, потому что там за каждого солдата, советского солдата платили. И любой местный, если он местный... если попадётся один солдат, допустим, – по-любому его возьмут и продадут. Продают душманам.

А какова доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень их распространённости? Уровень употребления среди военнослужащих Советской армии?

Ну, степень доступности – свободно. Ну, там любой маленький афганец, лет семи-восьми, – он уже имеет доступ к наркотикам. Вот поймите сейчас, на тот момент я первый раз – мне тогда девятнадцать было, – я первый раз в Афганистане увидел, что такое «купнар», вот я – первый раз в Афганистане. А ему там пять-шесть, до десяти лет ребёнку, бегает и предлагает: «Чарс дорис, чарс дорис!» это свободно. В Афганистане наркотические вещества – свободно. Его без желания даже можно приоб-

рести в любом месте, в любом кишлаке, потому что свободно это. А так-то, пока служили там, мне кажется, в нашем батальоне чуть-чуть придерживались солдаты.

Принимались меры командованием по пресечению?

Ну, командованием, конечно, принимались меры, но когда это свободно... И за каждым солдатом ни один офицер не уследит.

Разрешалась ли советским военнослужащим борьба с трафиком? С наркотрафиком из Афганистана?

Вот из Афганистана уже,... на Кушке... Да, там пограничники стояли, почему советские солдаты и попали в Афганистан – непосредственно перекрыть дорогу наркотрафика и ввоза на территорию Советского Союза. Потому что через Афганистан и оружие заходило, и до сих пор... В первую очередь, главный поставщик наркоты.

Расскажите об основных способах снятия психологического стресса у военнослужащих. После боевых операций принимались какие-то меры? Были специальные программы по психологической реабилитации военнослужащих?

Нет. У нас, во всяком случае, не было.

Считаете ли Вы на данный момент достаточной ту социальную помощь, которую государство даёт ветеранам Афганской войны как бывшим воинам-интернационалистам?

На государство тоже обижаться не надо. Просто, может, правительство дало какое-то социальное обеспечение, но на местах есть каждый чиновник, который это не выполняет. Основная задача – невыполнение того или иного социального или государственного пакета. Ну, допустим, туда идут проблемы по жилью, жилищные проблемы. Взять любой город, любую страну, и проблема это жильё. Сейчас у нас в Астане 1473 где-то человека, состоящих в Союзе ветеранов на учёте. Отовсюду едут в Астану. Если сравнить с другими регионами, с 2009 года мы получаем квартиры. У нас акимы города меняются, и при нынешнем акимате мы получали квартиры, при Тасмагамбетове получаем в порядке очереди – те квартиры, которые подходят. Но и единственное в чём проблема – в том, что, допустим, надо смотреть, если ветеран пользуется льготами, к тому времени приравненными к статусу ветерана Великой Отечественной. Он не использовал свой один социальный пакет – ему надо дать использовать. А есть люди, которые уже по второму кругу становятся. А есть человек – он всю жизнь работал... Поймите, вот я сам, например,

– в 1983 году вернулся, уже 29 лет прошло, как вернулся, как отслужил, и за 28 лет я не использовал ни разу своё право. Опять же тут мы поднимаем вопрос о жилье) – с 1984 года я стою на жильё в очереди. В 1984 году первый раз написали, потом в 1986 году в очередь встал, потом в 1993 году – и так каждый раз. Получается, за социальный пакет государства, который они сейчас вносят, мы должны, «афганцы» должны бичевать чтобы получить квартиру. Вот если я купил себе квартиру, то я... на обеспечение государственного жилья мы не имеем права. Сейчас, опять же, каждый год выходит закон, который говорит о том, что человек должен опуститься ниже плинтуса. Не говоря уже об «афганцах», любой человек, чтоб встать в очередь, надо чтобы зарплата у тебя была три с половиной МРП. Если ты получаешь 5 тысяч тенге, одно МРП – 1620 тенге, так? Сейчас, получается, по законодательству, которое буквально на днях вышло, имеет право встать тот гражданин, который получает 3,5 МРП на члена семьи. Если превышает 3,5 МРП, то его уже на арендное жильё не будут ставить. Значит, получается, если ты на каждого члена семьи получаешь 10 тысяч тенге, то это ты уже богатый. Иди на базар, в «Самрук-Казына» и покупай у них квартиру. А метр у них там 1200 или сколько долларов. На сегодняшний момент мы уже по социальному пакету, который может встать в очередь на получение жилья арендного, уже не попадаем. Потому что мы уже получаем больше 13 тысяч тенге. Получается, государство двойко. Ну, во всяком случае, у нас в Астане с квартирами – в 2007 году решением акимата выделена земля в посёлке Ильинка, там получили 328 участков «афганцы», чисто «афганцы». И на данный момент, в пределах где-то с 2009 года по нынешнее время где-то, получили 83 квартиры, это включая госслужащих.

Как часто Вы ностальгируете по службе в Афганистане? Испытываете ли Вы желание попасть туда? Если да, то в качестве кого?

Мне удалось уже побывать, после того как я срочную службу прошёл. В 2008 году у нас была экспедиция, поездка в Афганистан именно на Панджшер, я был в 2008 году в Афганистане. Болат Муханов, Кайрат Елубаев и я были в Афганистане по поиску военнопленных и чтобы привезти кости, захоронить наших советских солдат. Мы привезли кости нашего советского солдата одного, отправили кости в Москву на ДНК, но ответа до сих пор нет от них. А так – встречались с нашими бывшими советскими солдатами, которые сейчас находятся на территории Афганистана. Это Цикма Геннадий и Левенец. Вот с ними встречались, и они граждане Украины – оба украинцы. Мы встречались, разговаривали. У них уже свои семьи, имеют детей. У Геннадия три дочери, а Левенец, у

него один сын и дочки – у одного четверо детей, у второго трое. Они там живут, и вот самое интересное, за эти годы... У нас один из них переводчиком ходил. Вопросы мы задаём, начинаем говорить на русском языке – тут же сбивается и начинает на фарси. Потом мы его тормозим, говорим: «Стоп, стоп, ты не туда!» Это говорит о том, что он забыл уже свой родной украинский язык.

Они там остались как пленные сначала, да?

Да, в 1982 году, одного в 1981-м взяли в плен. И они там остались. Кто пленил их, им жён купили, и в 2008 году, когда был я в Афганистане, он до сих пор отработывал долг за жену, за жильё, в котором живёт, калым отработывал. Он работал у того, кто пленил его, у него работал на камазе. И, по его рассказу, если перевести на тенге, он получал 5 тысяч тенге. И у него четверо детей. А так фактически у нас была цель встретиться с Фёдоровым. Он с Акмолинской области, Астраханского района. Там Фёдоров, наш соотечественник, до этого мы с ним выходили на связь, разговаривали. И, когда прибыли в Афганистан, первый день на связь выходил, потом он после этого перестал на связь выходить. После того как мы приехали уже сюда, в Казахстан и поднимали этот вопрос, э-э-э, уже сестра его звонила и говорит – зачем это нужно, трогать его. С родственниками он созванивался, чтобы попросили, чтобы мы эту тему не поднимали больше.

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли отдельные случаи принятия военными ислама?

Ну, добровольно, наверное, нет. Это единственное, принимали ислам, я же говорю, украинцы – они приняли ислам после того, когда их пленили. Они остались там, и они приняли ислам. Один из них работает имамом. Посёлок маленький в районе, там имамом в мечети работает.

Расскажите о Вашей организации.

Наша организация перешла в столичный город с 2000 года. Наша основная задача – работа союза, первоочередная – это помогать, у нас есть матушки, которые потеряли сыновей в Афганистане, и плюс наши есть инвалиды, которые получили инвалидность по Афганистану. И вот в основном инвалиды первой-второй группы, первой группы на данный момент у нас остался один человек, второй группы у нас в союзе состоит 68 человек. Основная задача, как я говорил, – решать проблемы, возникающие у наших «афганцев» по проблемам жилья, проживания, трудоустройства. В основном каждому из нас уже за сорок пять, когда в таком возрасте идёт устраиваться на работу, в первую очередь смотрят на

возраст. Основное – это заниматься общественной работой, проблемами наших «афганцев».

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане, присутствие войск НАТО?

Можно сказать, что каждая армия, которая с другой стороны, присутствует в другом государстве не по их желанию, естественно, это получают захватчики. Хотя маленький клочок земли, но они захватывают их территорию. В каждой стране свои нюансы. Но в Афганистане идёт поочерёдность. Допустим, у нас было: Советская армия стояла, а тут Америка зашла. Конечно, если бы им создать в Афганистане свою армию такую мощную и держать, то таких военных конфликтов было бы намного меньше. А так как чужая армия зашла... То государство и то воспитание, которое имеют душманы... – у них другое мировоззрение. Вот он если пришёл, он захватил его землю, это его клочок земли, это его родное, где он родился и растёт. Он, естественно, будет против того, чтобы советский или американский солдат находился там и диктовал свои условия.

Считаете ли Вы, что наше государство защищает бывших воинов-интернационалистов или, наоборот, забывает их?

Государство в какой-то мере старается что-то делать, но закон выходит и не исполняется. В 1995 году закон вышел, он не исполняется. Хотя б 70-80 процентов исполнялось если бы, было бы хорошо. При Советском Союзе действительно, если был воин-интернационалист и закон, советские солдаты, мы, допустим, приходили с Афганистана и как-то были более взяты заботой государства. Сейчас система рынка, но, сейчас если взять, наше государство очень богато – есть деньги, ресурсы, есть всё. Просто-напросто нас, «афганцев», осталось в Казахстане 17 тысяч, из них каждый день уходят из жизни. Средняя статистика Астаны – это в год девять человек уходит. Бывает, в месяц три человека уходит, вот в этом месяце марте мы похоронили двоих. Потихоньку выбывают из жизни наши друзья, однополчане.

Считаете ли Вы себя жертвой советской политики в Афганистане или современной политики?

Ну, я себя жертвой не считаю, потому что, может, благодаря тому действию сейчас мирное время в Казахстане, России. Не будь на тот момент советский солдат в Афганистане, те же наркотики, далеко ходить не надо, так же свободно ходили бы в Казахстане. Вот у нас подрастающая молодёжь, допустим, зависимость к наркотикам идёт по крови, и где такая гарантия... не будь советских войск в Афганистане, сюда б камазами за-

езжала наркота. Взять 2008 год – мы за столом переговоров сидели с полевым командиром, у него 1500 человек. Он задаёт такой вопрос: «Я у вас в Казахстане видел – земля очень хорошая, травы хорошие. Давай 2 тысячи баранов перегоним через горы, у вас будем пасти, в Казахстане?» Это говорит о том, что у него образования нет. Стреляет очень хорошо, стратегические планы хорошо составляет, но для того чтобы перегнать 2 тысячи баранов и пасти на территории Казахстана... он не задумывается о том, с чем он столкнётся, какие нужны бумаги – это говорит о том, что у него образования нет. И так если взять, не было б тогда советских солдат в Афганистане, так же влёгкую через горы переходили бы и оружие, и наркота, потому что это свободный переход. Если каждый полевой командир сможет перегонять баранов и то, что ему захочется, конечно, наркотики тут будут в свободном доступе.

Ещё добавьте что-нибудь от себя?

От себя – что мы всегда готовы поддержать вас.

Фамилия Имя Отчество	Хаджиев Юрий Борисович
Национальность	Чеченец
Год рождения	1962
Годы службы	1981-1982
Место службы	Шинданд, провинция Герат
Занимаемая должность во время службы	Медицинский брат медицинского санитарного батальона

В какой период Вы проходили военную службу в Афганистане?

В 1981 году, в апреле месяце я был уже призван, а в мае я уже был в Афганистане. Здесь прошли горную подготовку, здесь, под Семипалатинском, два месяца проходили подготовку, и через месяц нас отправили уже туда на самолёте. Сначала не говорили, а потом всё-таки сказали. Потом прилетели в Шинданд, нас там разделили, и непосредственно моя часть была в Шинданде. Приписан я был к Шинданду, и командир дивизии был у нас Борис Громов, со мной вместе ещё полковником начинал служить. А дальше, потом мы уже на месте не сидели – ездили уже на боевые операции, ездили уже в Кандагар, и дивизионные рейды были уже везде. На месте там я не сидел, приписан я был к медицинскому санитарному батальону, но мы выезжали постоянно. У нас отдельный батальон был из медиков, два хирурга и несколько солдат. Наша задача заключалась в основном – раненых и погибших вытаскивать и собирать, потом уже отправляли в госпиталь. У нас

и самолёт свой был, и в рейды с Кандагарской дивизией выезжали, с нашей разведывательной ротой постоянно на выезде – в части я не сидел. Пробыл я там два года и два месяца, вся жизнь пролетела там за два года. Вот говорят, «афганцы» – вспоминаете, а что вспоминать? Я за два года прожил всю свою жизнь.

Скажите, пожалуйста, когда Вас отправляли в Афганистан, Вам говорили, что это за страна, о культуре, обычаях этого народа, о языке этого народа?

Нет. Единственное – когда мы стали проходить горную подготовку, нас уже тогда предупредили. Не сказали, что в Афганистан, но сказали, что поедем, скорее всего. Сказать простым языком, «закосить» можно было, остаться – у кого там мать больная и так далее. Но там были все мои друзья, и поэтому стыдно было выйти и остаться. Я, так же как и все мои друзья... вместе поехали туда. Там нас инструктировали примерно в течение двух-трёх недель. Специально с Афганистана приезжал какой-то советник, и вот он нам объяснял, куда едем, для чего едем, обычаи. Более предупреждали, куда лезь – куда не лезь. И мы там полтора месяца проходили горную подготовку – стреляли, бегали и всё. На месте, конечно, пришлось всё... осваивать всё по-другому.

Перед тем как Вас отправить на военную службу, учитывалось ли Ваше желание, мнение?

Когда я призывался, ещё был Брежнев Леонид Ильич, а раньше коммунисты, никто ничего не спрашивал. Пришёл генерал, сказал: «Все вы проходите подготовку и поедете все в Афганистан. Там вас кормить хлебом с маслом не будут, будут боевые действия, поэтому пройдёте подготовку. У кого есть уважительные причины, можете остаться». У кого их нет, даже не спрашивали, хочешь или не хочешь.

Как Вы оцениваете подготовленность наших военных в то время?

Обмундирование. Мы когда в 1981 году туда приехали, никаких складов тогда ещё, ничего такого не было, ни воды, ни скважин не было. Со временем, в 1982-м и 1983-м уже появились скважины. А в 1981 году не было ни воды, ни одежды. Сейчас-то можно уже говорить правду, в принципе уже в другом веке живём, никак раньше нельзя было об этом говорить, что одежды не было. У меня тогда были дырявые штаны, маскхалат был протёрт, обувь кирзовые сапоги были разорванные. Давали, конечно, часто, но всё равно оно изнашивалось быстро. А по поводу подготовки мы уже были готовы к этому, но основным навыкам пришлось научиться там, на месте. Потому что, как бы ни учили здесь, в жизни оно гораздо по-другому. И я на четве-

реньках бежал быстрее, чем на ногах, когда там жизнь заставила, а здесь бы меня никто не заставил. Старались, конечно, но никто не думал, что там сложнее будет. Люди там более взрослые были, а нам по 18 либо 19 лет, а там уже такие взрослые мужики, там люди, которые всю жизнь свою воюют. Но пацанята были не хуже. Но зато наши все дружные, все друг за друга горой. На бумаге одно, а в жизни другое совсем.

Скажите, пожалуйста, каким был уровень взаимодействия советских военнослужащих и военных правительственных афганских войск, были ли совместные операции?

В разведку мы ездили только со своими советскими войсками. Ну, брали переводчиков пару человек. А в рейды дивизии – брали. В Герате большой рейд был, командир у нас Громов был, там уже брали народную милицию. В Кандагаре я видел царандоевскую армию, но в те времена сказать, что они были никакие. А в Герате, там войска прислали специально с Кабула – они специально делали так, чтоб своих там не посылать, они там живут, родственники, они так не воюют, стараются где-то отсидеться, спрятаться. Они брали с Кабула, они вот воевали, они никого не знают там. Но они всё равно слабовато воевали, они знают свой народ, а нам как-то по-другому было. Все они старались не лезть. Неоднократно были совместные операции.

Расскажите, пожалуйста, про свои боевые награды.

У нас многие ребята, которые там служили, им ничего там не дали. Вот тем обидно, которые прошли в два раза больше, чем я, и заслужили больше, чем я. В 1981 году редко кому давали медали – почти никому не давали. Потом, уже когда вывод, когда вернулись, медали, которые там не успели получить, получили уже здесь, в военкомате. Из боевых наград это орден Красной Звезды мне дали за ущелье под Фарахом. Там очень много было погибших, раненых, и я лично за свою работу, за свою жизнь получил. Мы там вытаскивали раненых, таскали, там все мы рисковали своей жизнью. Там было примерно 3 тысячи погибших и раненых, почти две недели стояли, не ели, не спали, потому что не успевали. Я уже, когда грузили раненых в вертолёт, я уже там спал. Приехали когда, наши выгрузили... У нас в санитарном батальоне был свой морг, туда всех свозили, раненых – в госпиталь, тяжелораненых – в медицинский санитарный батальон (быстро их подлечат, перемотают и потом тоже в госпиталь).

Расскажите о потерях советских солдат. Вот то, что говорилось в СМИ, оно отражало правду или нет?

Нет, конечно. Многие, даже кто там служил, не все... Это просто моя служба была – непосредственно... Можно сказать, я больше всех знаю,

сколько раненых и погибших. На самом деле погибших и раненых – мы их столько перенесли! Но я даже не могу сказать. Но цифры, конечно, не те, которые оглашают. Очень много погибло. И в Кандагаре очень много без вести пропали. Я сначала, когда первое время в рейд ездили, я считал, ради интереса с ребятами считали, сколько погибших, сколько вытащили, а потом, месяца через три уже сбился – счёт потерялся. А за два года я вообще не смогу сказать, сколько вытащили – бывало за операцию столько людей положили, бывало как-то поменьше. Много так погибали, много на минах, «бензовиках». Я как-то видел, они перед въездом в зелёную зону стоят, колонны, а мы медикаменты везли, как бы замыкающие. Мы остановились, в колонне стоим. Я говорю: «И что, мы сейчас поедем?» Мне сказали: «Сейчас, держись, сейчас поедем». Мне говорят: «Может, в бензовоз сядешь?» Я говорю: «Нет, спасибо, туда я не пойду». Колонна была вообще российская, во главе пушка стояла, они как будто и не воевали – у них не было никаких документов, никто им удостоверения даже не выдал, и льготы им ничего не дали. Я вот с ребятами говорил – они по документам служат в Союзе. Я с ними три дня был, и я хочу увидеть этих ребят, даже не знаю, живы они или нет. Они ночью кушать варили, фильтр с камаза сняли. Они официально служат в Союзе, но два года ездят постоянно в Кандагар. Туда и назад – туда выезжает человек шестьдесят, а назад приезжает человек тридцать. Так эти ребята и уехали, ничего им не досталось, никто не дал им ни медалей, ни заслуг, а сколько ребят там погибло! Я видел – когда эти бензовозы, бочки продырявят, если не загорелся – как этот керосин либо бензин льётся! Они выбегают (у них болты специальные готовые) – под пули! И сразу втыкают в дыры, и дальше поехал – на это они даже внимания не обращали. Первый раз страшно было, но... честно сказать, всегда было страшно. Страшно, когда стреляли – ты бежал, бежал, живой остался, а потом сел кушать – и руки и ноги тряслись ещё минут пятнадцать. Смеются надо мной: «Что ты трясешься?» А я говорю: «Я уже не боюсь». Руки тряслись до такой степени, что я даже ничего взять не мог. В горячке бегаешь, конечно, не думаешь об этом, а потом, когда вылезешь оттуда – страшно, одним словом, всегда страшно.

Как Вы оцениваете моральную подготовленность самих моджахедов? Среди каких слоёв населения они пользовались поддержкой? И как относились к военнопленным советским солдатам?

Очень плохо относились, вообще зверски относились, можно так сказать. Я сам это видел своими глазами. Кто погиб – тот ладно, а кто в охроне стоит... У нас же многие пошли там бензин или солярку продать,

покушать, потому что кушать нечего. Первый год один сухпаёк, столовых не было. Это хорошо, если ел. Я могу сказать, сухпаёк выдавали на трое суток, а мы ели по пять суток или ничего не ели – до сих пор эти консервы видеть не могу. А как они издевались над нашими пленными – я даже не могу вам рассказать, это страшно. У нас были один офицер в Герате и двое солдат – что с ними сделали! Потом в рейде БТР отстал, там пять человек, там тоже с этими ребятами что сделали – словами нельзя выразить. Я всегда боялся в плен попасть. Ещё когда Брежнев у нас был, у нас замполит хорошо лекции такие проводил как политинформацию, что мы все были такие коммунисты – всем умереть, только в плен не сдаваться. Ещё он говорил: «Вот, Юра, в плен попадешь, а твоему отцу бумага придёт, и скажут, что ты изменник родины». «Я домой приду – меня сам отец убьёт, это же позор, – думаю, – нет, никогда не сдамся!» Я постоянно с собой гранату носил – так многие делали. Думаю: «Сам взорву себя!» Я видел просто, что с пленными делают. Там страшно смотреть, но привыкаешь, конечно. Самое страшное на войне – страдают женщины и дети.

Как часто происходили конфликты между местным населением и военнослужащими?

Конфликтов-то не было почти. Мы стояли в кишлаках, мы с ними жили дружно. Я даже сейчас могу смело туда поехать, и мне не перед кем будет, так сказать, глаза прятать. Ну, а когда душманы приходили, они их колотили, заставляли. Пацанчик вечером прибегает: «Вас вечером будут обстреливать в 10 часов!» – и убежал. Душманы пришли, отлупили, гранатомёты поставили и никого не выпускают. Приготовятся, а потом в 9-10 часов начинают обстрел. Местное население где-то помогали нам. У нас тогда воды не было, они сначала не давали, а потом видят, что с рейда везут столько погибших, и я им говорю, что «сколько людей гибнут на вашей родине за вас!» – и с тех пор они стали давать воду. Там людей тоже было много хороших. Но и среди наших были такие, которые среди местных натворят, но мы их судили по военному времени – военный трибунал, и срок был там такой! Один пацан украл там колесо – ему шесть лет тюрьмы дали за колесо. Там был особый отдел, который нас тоже постоянно проверял – если сунешь свой нос не туда в кишлаке или кто-то пожалуется из местного населения, даже разбираться не будут – сразу по шапке. Была такая процедура: кто-то в кишлаке что-то отберёт у кого-то, а к нам приедет особист, всех построит и прямо ходит с этим человеком, и тот смотрит прямо в глаза. И, может, я ему не понравлюсь – возьмёт пальцем покажет и всё. А там даже разбираться не станут – сразу тюрьма.

Скажите, были ли такие случаи, когда наши солдаты принимали ислам во время службы? Или это было, только когда попадали в плен и их заставляли принимать ислам?

Нет, это только попав в плен. У нас много было мусульман, я тоже мусульманин. У нас много национальностей было, и только когда в плен они попадали, их там заставляли.

Расскажите, пожалуйста, о доступности наркотических веществ в Афганистане.

Тогда не было таких наркотиков сложных, как вот сейчас, героин, опиум. Тогда все курили травку – ну, у нас, скажем, 90 процентов курили, но не каждый день курили, её ведь нельзя было купить в магазине. А некоторые части совсем стоят отдельно – там только наши, и нигде не возьмёшь, это сложно. Это в рейде, на операциях, где-то в кишлаке, где-то по дороге меняли. Я тогда совсем сигареты не курил, и поэтому я и анашу не курил, она мне была без надобности. У нас в большинстве были все спортсмены и мало кто курил. А доступность – в любой кишлак зайдёшь, поймашь любого афганца, он траву тебе эту принесёт, как вот в Чу конопля, так и там. А таких сложных наркотиков не было (когда мы стали уезжать, стали появляться в Кандагаре, видел уже у ребят, они где-то там выменивали). У нас и замполит проверял, чтобы никто не накуривался. Да и не накуришься там особо – некогда было. Может, кто в охранении были, те, может, и позволяли себе – они сутками стоят, рядом кишлак, может, и поменяли на банку тушёнки. Потом, говорят, кто попозже там служил, говорят, много там было, начинали «травить», но я точно не знаю. В кишлаке есть, но в первое время мы ещё боялись – туда пойдёшь, а назад не придёшь. Нас в 1982 году в кишлаках молотили вовсю. У нас как-то пошёл из пацанов что-то поменять... Там афганцы своруют и душманам продадут. У нас все боялись – в кишлаке особо не походишь, чтоб что-то взять, урвать. У нас посложнее было, а потом попроще было.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане и само присутствие войск НАТО на территории Афганистана?

Я оцениваю, что их нужно выгнать оттуда, они не дают людям там жить нормально. Я слышу вот сейчас, они не «нарадуются» и говорят – лучше бы советские назад вернулись. Там сейчас бардак. Наши приехали, водокачки построили, больницы, школы построили, мука, хлеб – всё у них появилось. Мы помогали нищим тогда, муку отдавали, хлеб, – они за нас там горой были. Им хорошо там было – у нас санитарный батальон был, мы ездили в агитрейды, уже не помню название, там просто меди-

каменты раздавали – так им объясняешь, что это, на ломаном языке. Хирурги были ребята – людям надо было по пять орденов Красной Звезды дать, людям, которые сутками работали, безвозмездно. Просто пришли с кишлака люди – женщина какая-то мальчика привела, нога у него опухла, где-то он подорвался, гнить начала. Там же делали операции, тут же разрезал, всё промыл. У нас вообще в медицинском санитарном батальоне были такие хирурги, что рейд идёт – раненых везут и везут. Я... Майор Комаров... у него такие очки были, как линзы, он по двое – по трое суток вообще даже спать не ложился. Потом выйдет, как в кино показывали, выйдет и возле стенки палатки спит – операции делали в палатках. Палатку натянули, наверх бак поставили, шланг протянули, он там моет – вот такие условия. Столько работал, у него времени на отдых совсем не было. Им, я думаю, очень много людей благодарны, в том состоянии, может, и не помнил, кто ему что делал, но у нас там специалисты были высшего класса. Там они навыки такие получили, там я сам... у меня нет медицинского образования, но я сам могу перемотать кого хотите лучше любого врача. Я что хотите могу сделать, я там операции делал без проблем, потому что целыми днями с ними – научился. Отдать должное врачам надо. Особенно у нас офицеры много пользы принесли, которая им мало что дала – ни орденов, ничего. А люди сутками – ни спать, ни есть, операции, выезды, рейды, многие жизни отдали. Воевать, наверное, проще – взял автомат и вперёд, сам за себя отвечаешь, а здесь отвечаешь за всех. Там надо было думать головой и друг друга подстраховывать. Были люди с Прибалтики – тот вообще своей жизнью рисковал, вытаскивал людей из таких коллизий. И бак пробит, и бензин течёт, а он всё равно собирал людей и вывозил – повезло, не загорелся. Я тогда с ним был. Я когда выехал, увидел дырки такие, бензин льётся! И не загорелись. Обычно сразу загорается, а мы ещё собрали, да ещё и выехали – врачам надо отдать должное.

Как часто Вы ностальгировали по периоду службы в Афганистане? Хотели бы Вы туда вернуться? Если да, то в качестве кого?

Я б хоть сегодня уехал. Я иногда смотрю по телевизору, показывают про Афганистан, я смотрю – родные места, меня туда тянет. Я бы, конечно, сейчас был бы в другом состоянии, я б сейчас, наоборот, афганцам помогал, чтоб НАТО выгнали оттуда, чтоб им нормально жить там, чтоб поднять им производство, электроэнергию, станции. Там очень много у них алмазов, у них есть что там развивать, и больницы надо ставить, а они воюют – им не дают ничего строить. Я посмотрел, у нас аэродром был там, Гугл (Google) открыл и посмотрел – там от аэродрома почти

ничего не осталось. Американцы хитрые – вот они себе сделали то, что им надо: вот полоса, вот мы живём, а остальное – трава не расти. Наши были, порядок там построили, и ангары, и какой медицинский санитарный батальон построили, и воду им сделали, у них воды там никогда не было. Конечно, ностальгировал. Я бы хоть завтра поехал, но только в качестве... помогал бы что-нибудь строить, делать, потому что там всех знаешь, что нужно делать и кому. Но не в Кандагар, конечно, там немного жутковато... но и там люди живут. Американцы кишлаки обстреливают – если б наши так воевали, то у нас вообще б потерь не было. Как посмотришь по телевизору – побежали, бомбу одну бросили, уравнили весь кишлак, а там ведь и женщины, и дети. А им всё без разницы, они своих людей берегут, более хитрые. Поэтому я против, они между собой сами уже разберутся. Единственный, который был человек, – это Ахмад Шах Масуд, я его лично видел, там были переговоры какие-то, и он там был. Он очень грамотный, образованный человек, поэтому его и убрали сразу. Он там не нужен был, тем более что он был шахских кровей, и он был такой человек, который мог бы быть президентом Афганистана. Он бы сразу выгнал американцев оттуда, поэтому его сразу и убили. Надо их выгонять, пусть афганцы живут сами, и сами они всего добьются.

У меня знакомый живёт рядом с границей Афганистана и поехал туда – просто переехал границу. Он поехал в деревню, так там сейчас так построили! И арабские страны помогают, и Иран. Вот те помогают – нефть им дают, транспорт. Он говорит – такой город, такие коттеджи, как у нас Красная деревня наподобие. А сейчас потихоньку развиваются – им бы сейчас кто-нибудь помогал, а не воевать, чтоб перестали люди воевать и бояться. Уже все хотят пожить. Я даже не представляю, уже сколько лет воюют, уже сколько веков – им всем надоело. Даже когда мы были, желающих воевать практически не было. Некоторых заставляли идти: не пойдёшь – их родственников в плен возьмут. Вот они и шли в банды. У меня даже знакомый есть – натуральный афганец, сбежал в Алматы, живёт, женился, теперь у него зять, который воевал в Афгане, который воевал против. Он всегда говорит: «Вот, я его в плен взял, домой привёз!» (смеётся). Мне интересно было у него спросить – мы-то с одной стороны воевали, а он – с другой. Его заставили, молодой парень. Был, пока сам не убежал. Он рассказывал, что сбежать практически невозможно было. Он заработал воспаление лёгких и мог бы умереть в горах, как обычно умирали, зима ведь всё-таки была. «Я бы помер, но меня один мужик спас. Он сказал – когда там-то будем, беги, а иначе тут умрёшь». Дед помог ему, и он убежал в Кабул. С Кабула в Алма-Ату уехал, отучился. В Алма-Ате женился и живёт там.

Считаете ли Вы себя жертвой советской политики или, напротив, современного государства?

Я даже не знаю, как это назвать. Я не считаю себя... Мы туда попали молодые, воевали за родину, исполняли свой долг – это было нормальное явление. Мы не думали, что потом нас бросят, что мы станем никому не нужны. Нас немного – что нас тут осталось? Хорошо, я могу двигаться сам, а ведь много людей, которые не могут себе ничего позволить. Вот я и бегаю – стараюсь чем-то помочь, чтоб ребятам-инвалидам выплатили какие-то деньги. Хоть немножко, но я стараюсь помочь. Люди говорят: вот «афганцы» люди такие – психуют, кому-то в глаз дали и так далее. Я отвечаю: кто там побывал, уже можно каждому дать льготы, потому что человек там служил, а не на курорте был. Там совсем другая атмосфера, все нервнобольные. У меня тоже бывают срывы нервные, себя не контролирую, а всё это сказывается не от хорошей жизни. Я сейчас бы хотел, чтоб наш Казахстан... Россия сама своим «афганцам» помогает. Мы нефтедобывающая страна. Что, неужели горстке каких-то ребят и ветеранам войны... У нас остались старики, бабушки, посмотришь на них – стоят за пенсией, за копейки. Стыдно. В таком богатом государстве и чтоб старики нищенскую пенсию получали! Раньше, в 1984 году, когда после армии пришли, были льготы, за свет 50 процентов скидка, была очень большая помощь и проблем никаких не было. Не знаю, что дальше будет, но сейчас у нас совсем льгот никаких нет. Хотя б ветеранам дали б – их по пальцам можно пересчитать, пусть хоть старость доживут нормально. Мы чуть-чуть побыли, это ерунда, а не война, – я представляю, люди, которые в Отечественную войну воевали... Мы в рейде сидели в ущелье, и танковый полк туда заезжает и пехота. Вот я говорю – представляешь, в войну на Курской дуге с той стороны полторы тысячи танков и с этой – полторы тысячи танков, а здесь десять едет – земля трясётся, стоять невозможно. А если стрельнет, то ни рот не откроешь, ни чего, потому что потом полный рот пыли целый день. Я бы хотел, чтобы государство хотя бы своим «афганцам» помогало – не так много людей, и не так много мы просим. Хотя бы сделали медицинское обеспечение бесплатным, потому что многие люди без работы. Мы в Парламент ходили как-то год назад, когда собирались все «афганцы» по Республике. В Парламенте сказали, что «мы примем закон, что приравниваем вас к ветеранам войны, но принесите нам бумагу с Министерства обороны, что оно вас посылало, что вы воевали». Как наше Министерство обороны даст бумагу, ведь Казахстан никогда ни с кем не воевал – такого никто не напишет. У нас ведь бумажка главнее, чем человек! (Возмущён)

Что бы Вы хотели добавить от себя?

Нет, ничего. Я бы хотел, чтобы никто не воевал. А всем своим братьям-«афганцам» (я считаю, кто там воевал, своими братьями, у нас все ребята порядочные люди) – пожелать здоровья, чтобы поменьше болели, хотя бы немножко радости им в этой жизни, счастья, а то, что было, пусть останется в памяти, чтобы никто не воевал никогда. Потому что в первую очередь страдают женщины и дети от войны. Может, наше государство раздобрытся и купит кому-нибудь инвалидную коляску, люди, у которых нет особо денег, всё равно несут помощь.

Фамилия Имя Отчество	Марденов Марат Жуkenович
Национальность	Казах
Год рождения	1958
Годы службы	1981-1983
Место службы	Провинция Тулукан
Занимаемая должность во время службы	Командир противотанкового взвода мотоманёвренной группы 48-го Таджикского Пянджского погранотряда

Я в Афганистан попал в 1981 году, в конце года, в провинцию Тулукан. Служил я в пограничных войсках, потому что в 1982 году началась операция «Долина-82» – это по вводу четырнадцати пограничных войск для закрытия южных границ СССР. Я был в должности командира противотанкового взвода, хотя окончил Алма-Атинское пограничное училище не по специальности артиллериста, а стал вынужденно. Из 500 человек, которые были, я был казах по национальности один, а с Казахстана нас несколько человек служило там. Поэтому попал. Был в составе Пянджского ордена Ленина Таджикского пограничного отряда в Тулукане, самый первый. Что мне повезло – я самым первым попал. И оттуда началась моя военная, именно чисто военная... военные для войны предназначены, поэтому оттуда и началась служба.

Расскажите, пожалуйста, про операции.

Ну, знаете, если под операцией... У операции понятия разные, есть выходы боевые. Самая большая операция – это «Долина-82», на которой шёл ввод войск пограничных вдоль северных границ Афганистана, а прикрывали южные границы СССР, это самая крупная. Во всех исторических документах ввод в Тулукан считается самым тяжёлым, потому что это 1982 год, самая дальняя точка, 120 километров по прямой границе в горных условиях. Мы вот туда входили, а потом уже остальное – встреча войск, встречи колонн, обеспечение танковых продвижений, доставка грузов афганцам. Я,

например, хорошо помню, что доставлялись калоши – писали «советские калоши». Афганцы их хорошо разбирали. Афганистан встречал, они дружелюбный, хороший народ. Это потом, когда мы начали по просьбе правительства, партии очищать, приводить, как говорится, к нормам власти, вот мы тогда уже почувствовали силу народа.

Каково было отношение местного населения к советским военнослужащим?

Первое время (потому что я был в первый период), первое время отношение было доброжелательным, потому что афганцы – очень трудолюбивый народ, они жили по своему укладу. Они не думали, что мы начнём какие-то боевые действия или что-то выполнять. Почему началась война? Если бы не США... В действительности в истории... Я вам скажу по истории. Было так, что Уильям Кейси – директор ЦРУ принял решение, уговорил Рейгана, который в это время пришёл к власти, что ввод советских войск позволяет США развалить Советский Союз. Он предлагал: «Давайте на центрально-азиатские республики и среднеазиатские (Узбекистан, Таджикистан, Туркмения) перебросим бандформирования, – ну, это мы говорим о вооружённом формировании, – чтобы начать гражданскую войну для развала». А для этого требовалась помощь именно афганцев, поэтому не стали афганцев спонсировать деньгами, поднимать их национальное сознание, что этот ввод произошёл по такой-то причине – что захват территории. Поэтому начались боевые действия, и, запомните, самыми тяжёлыми годами считаются 1984-1986 годы, но по потерям – 1982 год. Потому что мы ещё не ожидали, что будем вести боевые действия, и у нас не было опыта. Не было опыта, не было участников Великой войны опытных, кто мог подсказать, как в этих условиях гор воевать. Техника была не предназначена тогда, но у нас был патриотизм, у нас было желание выполнить долг, мы молоды были. Черчилль сказал: «Война – это дело молодых», поэтому мы молоды были, мы шли туда. Мне было 23 года, а солдаты у меня служили 19-21-летние.

Скажите, пожалуйста, перед тем как отправить советских военнослужащих в Афганистан, учитывалось ли их мнение и желание воевать там или нет?

Вы знаете, если в открытую сказать, то в Советском Союзе была такая организация, как коммунистическая партия Советского Союза, комсомол. Они учитывали всё. Вот человек, находясь в воинском коллективе, он не мог отказаться, потому что у нас и в присяге было написано: «...пусть постигнет кара советского народа». Очень сильную роль играло обществен-

ное мнение. Если узнают, что чей-то сын не поехал, а другой сын погиб, то человеку очень тяжело, у которого сын не поехал. Тогда очень тяжело, кто мог. Я вот, например, знаю хорошую историю у нас офицер плакал. У него брат погиб в Афганистане, но его председатель Комитета государственной безопасности Юрий Владимирович Андропов сказал не отправлять. Он остался единственным сыном у матери. Но знаете, какая причина в действительности? Председатель боялся, что он будет мстить. Представляете, какой уровень государственного мышления. Он за брата мог мстить – правильно, мог, но его не послали. Человек шёл мстить – его не послали, учли, что мы выполняем интернациональный долг.

Скажите, пожалуйста, перед тем как попасть в Афганистан, Вам говорили об этой стране, о культуре, обычаях, традициях?

Вот знаете, у меня по сей день есть книжка «Нравы и обычаи Афганистана». Нам давали разъяснения, что нельзя входить на женскую половину, что надо уважать то, то, что это такая-то страна, но нам не нагнетали обстановку. Потому что мы застали ещё в 1980 году... у нас были люди ещё участники войны, которые нам разъясняли, что такое народ и что это. Не учли ошибки 29-го года, когда в этих краях было басмачество в краю, мы не учли – не учились. Понадеялись, что афганский народ нас поддержит, всё будет хорошо, но всё-таки, видите, это борьба систем. США, если поддерживали их, – они все делали для них. А мы, как говорится, выполняли свой воинский долг, интернациональный долг.

Скажите, пожалуйста, как Вы оцениваете моральный дух, уровень военной подготовки самих моджахедов?

Знаете, у них, как и у советских солдат, граждан, чувство товарищества очень было сильное. Во-первых, они находились на своей территории. Если исторически... Вот сейчас хорошо обсуждать, если взять такой момент. Они были север Афганистана – это таджики, узбеки, хазарейцы. Юг – это пуштуны. Они как бы... федерация была разделена, но их в определённый момент сплотили. Даже возьмите, у них семь руководителей различных движений по спасению Афганистана. Нам надо благодарить Всевышнего, что эти семь объединений не объединились в одну точку – нам бы тяжело пришлось. Вот вам на этот вопрос они тоже были разобщены, они по-своему, каждый за свою территорию воевал. Узбеки, например, не воевали в Кандагаре, они воевали в Тулукане против советских войск. Пуштуны не воевали, скажем... в северных районах Афганистана не воевали, поэтому вот такое у них было отношение. Их не успели объединить в одну точку, и сейчас даже они не объединены.

Скажите, как они относились к пленным?

Знаете, что... Первое по пленным, первое время были жестокости со стороны советских солдат. Если пленный попадал, то к нему относились жестоко. Афганцы прекратили относиться к пленным жестоко где-то после 1987 года. Всё-таки скажем, в апреле будут похороны Зуева Алексея Алексеевича, он сам родом с Борового. Он 1 февраля 1983 года попал в плен, он отказался принять религию – мусульманство. Его за это расстреляли, но сейчас тело вернули. Представьте, Советский Союз бомбил, авиацию использовал, артиллерию, гибли дети. Как бы человек пошёл... вот, скажут, он пришёл на мою землю, разрушил мой быт, нравы, семью мою обстрелял, уничтожил, сжёт – что же я должен солдата жалеть что ли? К солдатам по-разному надо относиться, подумать надо, 18 лет, 19 лет... Солдат в основном призывали с сельских местностей, которые, может, ещё не знали, что в Советском Союзе есть ещё Прибалтика, цивилизованная Прибалтика. Поэтому по-разному, где их оставляли. Около 60 человек из 370 согласились добровольно воевать против советских войск. Ну, это надо по каждому индивидуально разбираться – надо попасть в такую ситуацию. И, во-первых, по Конституции 1977 года они не считаются изменниками родины, их нельзя было расстреливать – мы не объявляли войну Афганистану, мы выполняли интернациональный долг, вот поэтому.

Скажите, пожалуйста, были ли факты, чтобы отдельные военнослужащие принимали ислам?

Да.

Или только те, которые попадали в плен?

Вот, знаете, человек со временем начинает осознавать... Где-то в плену принимали ислам, потому что ислам – это благородная религия, у неё помыслы хорошие, но мы их по-разному можем толковать. Возьмите течения в исламе: шииты, сунниты, алавиты, всякие там талибы и всякие течения, разные течения, но религия сама – благородная. Она говорит, что надо как делать. Всевышний не зовёт нас туда – придите сразу в рай, он говорит – живите благородно на земле, выполняйте то, то, то. Потом некоторые возвращались, смотрели на нравы, обычаи афганского народа, и уже после этого они начали принимать ислам. Некоторые есть, кто от ислама отказывался, переходил в христианство, в другие религии. Это человеческая душа, мозг. Подумайте, сердцем человек не думает. Сердце – это мотор, который качает кровь, а думает мозг.

Скажите, когда военнослужащих отправляли в Афганистан, были ли специальный отбор по этническим, религиозным признакам или даже антропологическим?

Вот я был командиром противотанкового взвода. Я сразу скажу не было. Просто работали сотрудники военного комитета, что человек не имел намерения прийти туда и перейти на сторону моджахеда. Такое редкость, это редкость. В основном переходили во время боя, когда ранения получали, издевательства. Чтобы идти туда и перейти к ним, то таких не было. Может, были единицы, но я не знаю, например.

Скажите, пожалуйста, какие были отношения между солдатами Советского Союза и Афганистана?

Знаете, какое будет к вам отношение, если вы дома находитесь, к вам приходит сосед, постоянно день и ночь кушает, первый день побыл, второй, третий, – через десять дней вы... Правильно, вам тоже хочется по-своему походить по дому, правильно. Да, были отношения хорошие, налаживались, но они чувствовали, что они дома.

Совместные операции с ними были?

Да, совместные операции с ними были, но они нигде так мужество не проявляли. Я уважаю их как воинов, но они знали, что против брата воюют, против сестры, против дальнего родственника. Они жили родоплеменными отношениями, поймите, у них привязанность, они друг друга знают. Уважать надо этот гордый народ.

Скажите, пожалуйста, какова была доступность наркотических веществ в Афганистане?

Ну, я скажу, я был в таком подразделении, которое было постоянно воюющим. Наркотические средства находили, многие находили. Но я чисто скажу так – мы не знали, что такое героин. Потому что у нас не было как... пропаганды марихуаны, героина, потому что у нас не было, как сейчас, пропаганды – это там научились потихоньку. Солдаты пользуются где-то боль заглушать, ранения заглушать. В Советском Союзе, запомните, никогда никто не говорил, что есть героиновая зависимость. У нас лечили от алкоголизма, ЛТП создавали. Вот если где-то вести – не трепаться языком: ой, героин ловим! Если его забудут, народ забудет действительно, то он не будет им пользоваться. А так... просто создавали организации – бороться будем с героинем. Ну, пусть покажут тонны героина. Где эти тонны? Пусть выставят на площади в Алматы, в Кызылорде. Пусть эти тонны под стеклом лежат – народ увидит, потом сожгут. Зачем нам лишние структуры? У нас и так население – всего 16 миллио-

нов, из них один миллион силового блока бегаёт – друг за дружкой гоняемся.

Оттуда джинсы хорошие привозили, оттуда начали и про героин говорить, поняли. Очки, джинсы, шарфы, Sony...

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане? Присутствие войск НАТО на данный момент в Афганистане?

Я вам скажу так. Беспомощные утки летают стаей. Поэтому американцы, чтобы не гиб их народ, они натаскали и французов, и поляков, и грузин всех. Но они не борются. Действительно, они, с одной стороны, правы – не ведут боевых действий, но они если ведут, то они сколько населения ведут! Сейчас Афганистану тяжело – страна разобщена, как Советский Союз Гражданской войной был разобщён. Там полевой руководитель. Им после нас всех ещё пятьдесят лет понадобится, чтобы новое поколение вышло, чтобы они поняли, что надо объединиться. Мы должны просто попросить у них извинения все. Их надо оставить, пусть сами разберутся, а не лезть им в душу и денег не давать. Говорит: денег дадим, эту программу... Не надо никаких программ – они сами разберутся, они умные. Вот представьте, тридцать лет война идёт, два поколения прошли с автоматами. Женщины рожают под выстрелы артиллерийские. Что за ребёнок будет? Ну, они умные, они сильный народ, они выживут, это их уклад жизни. Это уклад. Не надо туда лезть! Мы были одни, ни одно государство мира не было с нами там. Все боролись против нас, поэтому думать надо, думать надо.

Вы себя считаете жертвой советской политики или, наоборот, современного государства?

Нет. Я, между прочим, честно как командир скажу – к Советскому Союзу очень хорошо отношусь. Советский Союз – одно из умнейших государств, которое было создано, которое давало образование, медицинское обслуживание. Мы сейчас о чём говорим – коррупция, коррупция... Стыдно же! Мы опять стали делиться на родоплеменные отношения, как когда в XV-XVI веках. Абылай-хан – один возглавлял, Кабанбай-батыр – другой возглавлял. Я себя не считаю, потому что я знаю, что такое... я учился при Советском Союзе – знаю, какие нам возможности давали. Никто нигде не ограничивался ни в чём. Не было такого, что бы ни говорили... Потому что я учился в школе, которую закончила Маншук Маметова – Герой Советского Союза. Я её маму живой видел. Я видел отношение к ней. У нас учителя-фронтовики преподавали, которые были ранены. Гаврилова, она была ранена в ногу под Ленинградом. Вот пред-

ставьте, я после этого скажу: я жертва. Я никогда не скажу! Я горжусь, что я жил при Советском Союзе.

Скажите, пожалуйста, на сегодня общество и государство защищают бывших воинов-интернационалистов или, наоборот, забывают о них?

Если реально взять, государство выпустило постановление (это глава государства, спасибо президенту – он дальновидный, очень сильный человек), но оно как пошло? Оно вышло, были определённые льготы, но льготы не давали «афганцам», скажем, работать. Они должны были, так сказать, налоги снизить, то, то, то, но многие не стали. В 1995-м тяжёлое положение было, потом монетизация льгот произошла, начали деньги выплачивать. Некоторые «афганцы» стали пользоваться – что я был в Афгане, мне должны, государство должно. Акимы идут навстречу, помогают, особенно аким города Астаны очень сильно помогает. «Афганцам» надо помогать в том случае, когда они приносят пользу государству. Да, они могут где-то работать, проводят патриотические мероприятия. Надо в КазМунайГазе, в Казахтелекоме, в других организациях создать отделы по патриотическому воспитанию. Я вот вам рекомендую обратиться с этим, куда взять «афганцев», взять матерей, у кого дети погибли, матерей многодетных, чтобы они проводили, ездили... проводили патриотическую работу. А не так говорили: о, золотой мальчик – в КазМунайГазе работает, ездит отдыхать туда... Да, это надо идти. Война любого могла убить, любого, но боль проходит, запомните. Человек привыкает ко всему, запомните, кроме холода.

Я что вот хочу сказать. Знаете, всё-таки сейчас 70 лет – мы должны отмечать 70 лет Победы, 70 лет Сталинградской битве. Казахстанские дивизии воевали, наши деды воевали – они славой покрыли казахов. Казахстан должен в мировой политике в вопросе истории войны занять такое же место, как Франция, Польша, Чехия, финны. Мы тоже должны сказать: мы были против Гитлера, воевали в составе антигитлеровской коалиции. Мы должны сказать... словами Шолохова я хочу вам сказать. Шолохов в конце книги своей написал: «Родина не забудет ваших подвигов и страданий». Солдат всегда страдает. Я вот ходил на операцию – если бы я в бою вспомнил, что у меня есть мать, отец, братья, сёстры, я бы погиб. Об этом надо забывать. Я был командиром – я всех своих солдат сохранил, всех вернул матерям, до одного. Я горжусь этим – что я вернул. Я могу на любом углу сказать: да, я их вернул. Я созваниваюсь с ними. Есть мать одного солдата с соседнего подразделения, он погиб. Я видел, как умирали молодые, 18-летние пацаны, представляете? Представляете – 18 лет? Он умирал пе-

редо мной – я стоял смотрел. А я бы ничего не мог сделать. Единственный сын, его мать писала: «Приедь, будь сыном мне, замени его». Все сказали – вот, Марденов видел. Да, я видел, но ему ничем помочь мы не могли. Мы только что промедол сделали, чтобы мучений меньше было. Вот, вот такая жизнь. А так – сейчас афганцам 50 лет, их должны активно привлекать, активные должны быть люди. Запомните – они практики. Это люди-практики, видевшие жизнь. Советский Союз выиграл Гражданскую войну, строил социализм, имея практиков.

Как Марк Бернес пел учили не по учебникам, а практически.

Фамилия Имя Отчество	Майканов Куаныш Куралович
Национальность	Казах
Год рождения	1963
Годы службы	1981-1983
Место службы	Город Кабул
Занимаемая должность во время службы	Водитель 180-го мотострелкового полка

В какой период Вы проходили военную службу в СА?

В 1981 году я был призван в ряды Вооружённых сил СССР по исполнению 18 лет и проходил трёхмесячные курсы в городе Усть-Каменогорске. И оттуда был направлен в Демократическую Республику Афганистан, город Кабул. С 1981-го по 1983 год я находился в 180-м мотострелковом полку, 108-я дивизия.

А Вы проходили первичную военную подготовку?

Первичную подготовку... Мы проходили трёхмесячные курсы молодого бойца до приказа с апреля 1981 года по июнь 1981 года в городе Усть-Каменогорске.

Знали ли Вы о предстоящем направлении Вас в Афганистан?

Да, когда мы туда прибывали. В военкомате нам не говорили, что мы будем направлены в Афганистан. Уже когда мы попали на «учебку», то там нам уже сказали, что нас именно готовят для службы в Республике Афганистан.

Какие у Вас были представления о предстоящей службе, после того как Вам объявили об отъезде на войну?

Ну, так как мы только были в самом начале... Считайте, только в декабре 1978 года официально вошли наши войска. В 1979-1980 годы и с 1981-го по 1983 год это было засекречено в Советском Союзе, это не раз-

глашалось – что наши войска находятся на территории Афганистана и что там идут боевые действия. Поэтому мы так, просто мельком слышали, что действительно там идёт война. Как-то такого представления то, что действительно... Только то, что мы в фильмах видели войну. Честно говоря, мы не думали, что там действительно проходят такие вот боевые действия.

Учитывалось ли Ваше желание служить в Афганистане?

Естественно, у нас были ребята, которые нам говорили, что, до того пока мы не примем присягу, мы ещё могли где-то отказаться. Ну, у нас были там некоторые ребята, которые отказались, например, туда ехать. А так мы уже приняли присягу, и мы просто были обязаны выполнять её.

Считаете ли Вы свою подготовку к службе в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане достаточной?

Нет, конечно, это было начало. Естественно, не готовили так сильно. Мы только бегали по сопкам просто на выносливость, а там, скажем, стрелять с оружия... там у нас не было такой сильной подготовки.

Что считалось наиболее приоритетным и необходимым – горная или стрелковая подготовка?

Естественно, стрелковая подготовка (она необходима) и горная подготовка, тем более там большинство ребят были именно в подразделениях, у которых боевые операции проводились в горах. Поэтому, естественно... Если заранее к этому подготовиться... Я сам с города Семипалатинска, у нас там степи, мы как-то гор этих не видели – сложно. Горная подготовка просто необходима была.

Скажите, пожалуйста, были ли Вы или Ваши сослуживцы, другие военнослужащие информированы о причинах присутствия советских войск в Афганистане?

Скажем так, что в советское время каждый гражданин обязан был пройти армию, военную службу. Это был долг перед Отечеством. Поэтому мы по исполнению 18 лет... нас призвали, мы приняли присягу, и мы были этой присяге верны до конца.

Были ли дискуссии и споры между солдатами об оправданности войны (за или против)?

Нет, потому что там сама идеология... Мы были там – исполняли интернациональный долг по защите южных рубежей нашего Отечества. В то время Советский Союз и мы оказывали помощь Апрельской революции в Демократической Республике Афганистан.

В ходе подготовки к службе доводилась ли до советских военнослужащих информация об этой стране, её населении, традициях и культуре?

Поверхностно нам рассказывали об этом на политинформациях – что вот нас направят в такую страну. Это, естественно, просто как бы на словах... Пока мы сами это не увидели своими глазами, пока этого не почувствовали... то, естественно, это две разные вещи.

А примеры из военной жизни можете привести?

Ну, я служил два года в 180-м мотострелковом полку. Все ребята, которые служили там, все приняли присягу. И свой воинский долг и присягу они выполнили до конца. В 1982 году в нашем полку два человека получили высшие награды – это звание Героя Советского Союза. У нас были командир полка Евгений Высоцкий и командир батальона Аушев Руслан Султанович – сейчас всем известный, он сейчас в Москве находится. Подразделение, в котором я находился... мы стояли в охране. Вообще наш полк осуществлял охрану двух дорог – это от города Кабула в сторону Джалал-Абада и от города Кабула в сторону Баграма. Вот эти дороги – у нас два подразделения было, 1-й и 2-й батальоны, – мы и охраняли.

Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

Как сказать? Мы принимали присягу, а там сказано – все тяготы службы мы должны переносить. Питание в то время соответствовало, наверное, этому. Обмундирование было полевое, не такое, как, например, в армии. У нас не было погон – были знаки различия, они были просто на петлицах. В каких-то местах этого всего не хватало. Те же бушлаты – всё это выдавалось раз, как там положено, в год или на два. У ребят они за два месяца превращались в тряпье, у тех, кто особенно находился в горах.

Замалчивались ли в советских СМИ данные о потерях среди военнослужащих СА?

До сих пор же ещё, как говорится, эта цифра не окончательная. Потому что озвучивают сейчас, как говорят, 15 тысяч, в других есть другая информация. Я говорю, что до 1984 года всё было засекречено. Естественно, говорить о том, что где-то там идёт война, запрещалось. О погибших ребятах, о потерях замалчивалось.

Участвовали ли Вы в боевых действиях? В каких операциях, в качестве кого?

Мы в основном находились в охране. А так – наш полк всегда был в боевом настрое, постоянно выходил в рейды. Наше подразделение вышло на перевал Саланг. Была одна операция, скажем, одна из последних.

Скажите, пожалуйста, были ли Вы ранены?

Нет, ничего такого.

Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций?

Были же разные, я не могу сейчас точно сказать.

Как Вы оцениваете моральный дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

Ну, они, с одной стороны, как сказать... находились на своей земле. Они защищали свою территорию, свою землю. Естественно, они полностью отдавались этому. Ну, а с другой стороны, в то время была холодная война между СССР и Америкой. Естественно, со стороны Америки им оказывалась помощь. Руками, скажем, этих же моджахедов велась эта война.

Их отношение к пленным советским военнослужащим?

Я не могу ответить.

Сможете рассказать о взаимоотношениях советских солдат с афганским населением?

Мирное население. С нашей стороны, естественно, оказывалась им помощь, местному мирному населению. Там и продовольствием помогали, и ещё какими-то действиями. Естественно, с мирным населением дружеские были отношения.

А конфликты происходили с населением?

Да как бы сказать? Нет, наверное. Скорее, таких конфликтов не было.

Каковы были методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций? Проводились ли какие-либо программы?

Нет, конечно, не проводились.

А доступность наркотических веществ в Афганистане? Какова степень их распространённости?

Ну, это всем известно, что там наркотические средства у них кругом. У мирного населения, даже у маленького ребёнка, возьми, – у каждого

они имеются. В то время, если взять те годы, 80-е, у нас в СССР это не было так распространено. Об этом как-то мало кто знал. Поэтому скажем так, что наши ребята к этому не тянулись.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную помощь от государства как бывший воин-интернационалист?

Об этом все уже говорят, нет смысла мне говорить. Конечно, нет.

Как часто Вы ностальгируете по периоду службы в Афганистане? Часто ли вспоминаете?

Естественно, это, как можно сказать, самые лучшие периоды были в жизни. Потому что, когда нам было 18 лет, мы только формировались как личности – оно и осталось так в памяти сильно.

Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан? Если да, то в качестве кого?

Да, конечно. Съездить просто, посмотреть, за эти тридцать с чем-то лет что там изменилось. Просто только из-за этого.

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама или перехода в данную религию? Или же они принимали ислам только тогда, когда их брали в плен?

Да, в большинстве случаев они принимали ислам, когда, скажем, попадали в плен. Потому что их заставляли. А так мы все были атеисты. В советское время мы все были атеистами. Поэтому религия у нас не сильно была развита.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане и влияние на неё присутствия войск НАТО?

Скажем так, что это интерес, наверное, отдельных личностей, отдельных стран к этому государству. Как известно всем, это интерес к наркотикам, которые там произрастают. Сейчас это интерес Америки, которая там находится. Девять с лишним лет, которые провели там советские войска... Я не скажу, что мы победили – советские войска. Но мы там ничего не проиграли как военные. Тогда действительно мы защищали свои южные рубежи. Естественно, была борьба с этими наркотиками, наркотрафиком. А сейчас у американцев другой интерес.

Скажите, считаете ли Вы себя жертвой советской политики в Афганистане или политики современного государства?

Сказать, что я стал жертвой того, что там было, – нет. А того, что именно сейчас творится, – можно сказать, да.

Фамилия Имя Отчество	Акматов Дайырбек Апсаратович
Национальность	Кыргыз
Год рождения	1964
Годы службы	1982-1984
Место службы	Провинция Джалал-Абад
Занимаемая должность во время службы	Командир отделения группы пограничных войск КГБ СССР

Я, Акматов Дайырбек Апсаратович, в 1982 году я попал в пограничные войска КГБ СССР на службу. Пройдя «учебку» в Казахстане, я попал на таджикостанский Памир, Мургаб, то есть войсковая часть, пограничный отряд. Там была сформирована 15 марта 1982 года десантная штурмовая манёвренная группа, и в числе этой группы попал в Афганистан. Там отслужил в провинции Джалал-Абад, точка Гульхана, Бандар-пост, в трёх точках. Попал туда... Конечно, было сперва романтично это всё. Но увидев первые бои, операции были... Конечно, страшно, жутко всё это. Но приказ есть приказ. Сначала правительство, в то время был Советский Союз... приказы не обсуждались. Участвовал в нескольких крупных операциях. В ущелье Роба участвовали, сидели в засаде – с пакистанской границы проходили моджахеды, то есть бандгруппы. Взяли там в плен девять человек, это первая моя операция. После, в декабре в 1983 году была операция. Было взято в плен взводом одним десантно-штурмовым во главе с капитаном, нашим командиром взвода Фадыковым, было взято 220 человек в плен. И эти 220 человек одним взводом были сопровождены 18 километров до точки. Без потерь, без единого ранения мы взяли в плен. С их стороны было где-то 56 убитых. За это был представлен к высшей награде КГБ СССР пограничных войск – «За отличие в охране госграницы СССР». Помогали вблизи находящимся кишлакам, социально, продовольствием помогали. Но пограничные войска... Когда в 1979 году ввели пограничные войска туда, это было всё засекречено. Сейчас Советского Союза нет – я могу открыто говорить, что давали подписку о неразглашении. Но сейчас все говорят, и я думаю, для того говорим, чтобы не повторилась та ошибка. Сейчас обсуждают, выполняли ли мы тогда интернациональный долг или помогали власти – чтобы осталась та власть, которая была выгодна Советскому Союзу. Но этого нам не понять, приказ есть приказ. Мы служили и честно выполняли свой интернациональный долг. Но я хотел бы, чтобы наши дети, внуки наши не видели войны, не знали, что такое война, хотелось бы этого. Сейчас вот РФ воюет в Чечне – не хотелось бы, такого чтоб у нас, в нашем суверенном государстве. Недавние события в Жанаозене, когда мятежники бунтовали... был для меня это силь-

ный удар, после Афгана, что в нашем мирном суверенном государстве такое делается. Лица тех людей, которые негативно смотрят на нашу власть... Я думаю, наш уважаемый президент, Нурсултан Абишевич, всё отрегулировал, и в дальнейшем будет мир, согласие в нашем суверенном государстве, то есть в Казахстане.

Когда Вас призвали в Афганистан, Вы вообще, до службы в Афганистане, слышали об этом государстве, об их культуре, традициях, о языке?

Конечно, я знал. Афганистан – это соседняя республика нашего Союза была в то время. Конечно. Я учёбу закончил почти на отлично, четыре четвёрки в аттестате. Географию мира изучал хорошо, знал культуру, знал, что у них религия – ислам, как и наша. Знал, что мои братья там служат, выполняют интернациональный долг, но, попав на службу, я, естественно, знал, куда шёл. Естественно, туда в основном добровольно писали заявления и служили добровольно, я так сказал бы.

Учитывалось ли командованием Советской армии тогда желание военнослужащих служить в Афганистане? Многие ли Ваши сослуживцы-ровесники желали проходить службу в Афганистане?

Многие. Вначале я сказал, как романтика была – попасть за рубеж, служить за рубежом. Брат мой служил в Германии, я хотел попасть в Германию, но получилось – в Афганистан. Выбор был в Афганистан – я поехал в Афганистан. Но ребята, которые отказывались, их оставляли служить в Союзе. Отправляли в войска в Союз. У нас случай был такой. Приехал тоже после «учебки», попал туда молодой солдат. Увидев всё это, он испугался, тем более в семье он один был, командование поднял, и его переправили служить в Союз, обратно.

Скажите, а вот обществу и Вам, перед тем как Вы попали в Афганистан, было ли известно о ситуации в этой стране? О действиях советских войск откуда Вы получали сведения? Телевидение, СМИ, рассказы очевидцев, слухи какие-то?

Я вам рассказываю, у меня на год старше учился парень в школе, его звали Сатах, фамилию не помню сейчас. Он приехал оттуда, с Афганистана, служил в 80-х годах, получил ранение, лежал в госпитале в Ташкенте, и в госпитале по ранению его демобилизовали. Я, естественно, с ним до армии встречался, до службы, он рассказывал нам. Хотелось попасть туда. Судьба так распорядилась, что именно с нашего населения начали выбирать в Афганистан, я попросился и попал туда.

Расценивали ли Вы службу в Афганистане как позитивный шаг в карьерном росте?

Нет, у меня такого карьерного роста не было, я после школы сразу поехал. После, приехав, уже демобилизовавшийся, я поступил в университет, окончил бухгалтерский учёт и аудит, проработал девять лет в системе нефтяной отрасли, в Кыргызстане работал, в производственном объединении «Казнефтегаз», работал главным бухгалтером. Когда Союз распался, стали работать на государство, но мы были в Кыргызстане. После, оформив через супругу оралманство, переехали мы в 2003 году в Астану. Получили гражданство. Так как в Кыргызстане постоянно проходила борьба за власть, за Акаева... У меня были там очень хорошие перспективы карьерного роста... – я не хотел, чтоб мои дети видели войну, эти грабежи, революции, как их называют, тюльпановые, называются в Кыргызстане. Мне хотелось, чтоб мои дети не видели. Я, естественно, выбрал между карьерой и этим – я уехал, переехал в Казахстан. У меня сейчас дети здесь, слава Богу, учатся, работают. Стараюсь им не рассказывать о войне – стараюсь только о хорошем, о светлом, вместе с супругой. С мыслями правильными чтобы... к мирной жизни чтоб были готовы. Естественно, там... как сказать, старший сын у меня отслужил здесь в аэромобильных войсках, отслужил – пришёл нормальный вроде.

Соответствовал ли уровень военной подготовки реальным условиям службы в Афганистане? Как проходила адаптация военнослужащих?

Уровень подготовки, конечно... Готовили нас полгода в «учебке». На «учебке» очень хорошие армейские навыки получали. После того как 18 недель я проходил полную подготовку в Мургабе, автономной области Таджикистана, после этого я уже попал... естественно, это всё мне помогло. Пользоваться оружием, как пользоваться гранатой, естественно, как в коллективе два года, два года службы, мужественно я окреп. Сейчас наши... когда в стране у нас год для военнослужащих, я думаю, это мало. Человек, например, полгода изучает, он должен всё равно в практике служить, столько государство тратит, а уже через полгода его демобилизуют. А полную-то отдачу, навыки, которые он получил, – не отдаёт государству. 18-19-летние пацаны. Год служить и в 19 лет уйти на демобилизацию – это, я думаю, неправильно. Человек должен служить два года или три, так уже в 20 лет, 21 он уже мужественный, он уже себя чувствует. Естественно, я когда попал туда, то ли, я не знаю, воспитание у нас такое патриотическое, что ли, было, комсомол, партия... Я думаю, хорошо было бы пересмотреть нашим

уважаемым депутатам сроки службы, это по практике видно. Мы вот приехали 18-летние, в Афганистан попали – с одной стороны, страх, с другой стороны, естественно, 15 тысяч человек погибло там, а сколько человек попало в плен! Это всё отражается в возрасте, многие боятся. Я вот рассказал, что с нашей части одного обратно в Союз отправили. Естественно, он боялся, поэтому его убрали.

А как Вы оцениваете моральный дух, военную подготовку моджахедов?

Если честно говоря, у моджахедов, у них были базы в Пакистане, в которых инструктировали, обучали военной подготовке американцы. Это не секрет, это везде говорится сейчас. То, что я говорил, что 220 человек мы взяли в плен из них двое были американцы. Были переданы уже нашим. Эти пленные обучались у американцев, и тем более 200 лет они воюют. Честно говоря, десятилетний пацан-афганец у него в руках автомат уже. Они, естественно, уже с рождения видят оружие, воюют. Естественно, у них подготовка очень сильная была. Я не знаю, мы победили или мы проиграли эту войну, я не знаю. Но мы выполнили долг свой на службе, я так думаю.

А как они, вот эти моджахеды, относились к пленным советским военнослужащим?

Я сам в плену не был. Не дай Бог, конечно... Попадали в плен... Я уже демобилизовавшийся был, начал слышать, что там в плен попадают, что там пытки над ними были, особенно христианской веры заставляли принять веру ислам. Если ислам не принимали, то убивали их. Это понаслышке – сам не видел, ничего не могу сказать.

Вы говорите, что пленные принимали ислам, а среди советских военнослужащих?

Я хотя родился в Советском Союзе, где нас обучали атеизму что Бога нет, но в душе всё равно я в Аллаха верю, в душе я был мусульманином. Естественно, на операциях встречались с местным населением. Я всегда, когда с ними беседовал, говорил, что я мусульманин. Мои предки были мусульманами, и я мусульманин, и мои дети мусульмане – в Аллаха я верю. Я думаю, то, что верю в Аллаха, и я думаю, одна из причин, что удалось выжить в этой искусственной войне, живым и невредимым приехать домой.

А учитывалась ли национальная, религиозная принадлежность советских солдат при распределении в военные части?

Нет, не учитывалась. Я думаю, не учитывалась. Естественно, мы все были дети социализма, коммунизма, мы все комсомольцами были. Есте-

ственно, принародно мы говорили, что Бога нет, чему нас учили. Я сам по себе знаю. Дедушка мой читал намаз. Когда какой-то активный приходил в наш дом, если мы увидим – мы прибегали к дедушке, говорили. Он оставив свой намаз и уходил. Естественно было... Сами знаете, наши мусульмане на похоронах когда – читают Коран. Отдельные люди стояли в стороне и даже бата не делали поэтому. У нас воспитание было такое.

Расскажите об отношениях населения Афганистана с военнослужащими. Как часто происходили конфликты между ними и по какой причине?

Где я служил, конфликтов в основном не было. Почему? Потому что мы вблизи находящимся кишлакам помогали продуктами, построить школы, помогали одеждой, но всё равно командиры наши говорили – днём они друзья, а ночью могут быть врагами. Наша точка через день почти обстреливалась бандгруппами в ночное время, днём проходили «прочёску» и не могли найти. Естественно, это были жители кишлака, нашим же оружием, которое давали, по нам стреляли, это было очевидно. Иногда была оперативная информация разведки – в каком-то кишлаке бандгруппа засела. Проходили «прочёску», не находили – было очевидно, что местные жители прятали их. Там у них, хотя говорили, что – Демократическая, а взгляды феодальные. Если у них женская половина, в женскую половину вход запрещён, естественно. Под паранджой (там женщины паранджу носят) иногда те боевики прятались. Мы, чтобы не потерять те хорошие отношения, мы старались не заходить в гаремы их, старались не заходить... прочёсывали кишлаки, вот так было.

Расскажите о распространённости наркотических веществ в Афганистане. Было ли распространение и употребление наркотиков среди известных вам военнослужащих? Если было, то расскажите о действиях командования по пресечению этого факта.

Сейчас мы сами знаем, что один из самых крупных наркопоставщиков по всему миру – это Афганистан считается, там опий, мак сеют, как пшеницу, охраняют. Естественно, это такой труд, можно быстро разбогатеть, получить деньги за это, поэтому они разводят за деньги, наркотики сажают. Особенно опийные плантации распространены у них. Среди военнослужащих... Могу сказать о своих точках, где я служил. Я сам не курил – не буду говорить, что я курил. Были ребята – курили тайком. Но когда мы обсматривали караваны, досмотр делали, естественно, находили в очень большом количестве наркотические вещества – это всё изымалось, офицеры уничтожали. Кто употреблял, я не видел, не могу сказать.

Я думаю, те ребята, которые служили там, они не употребляли, никто. Я сам по себе знаю, я так думаю и надеюсь, что наши «афганцы» не наркоманы, не употребляли. Почему? Потому что среди офицеров такую воспитательную пропаганду вели, чтобы не употребляли, и я воспитывался в такой семье – не употреблял и не видел.

Расскажите о том, какие были потери среди советских военнослужащих. То, что публиковалось, соответствовало фактическим потерям?

Нет. Больше, наверное. Я знаю то, что реально там 15 тысяч с хвостиком. Но я думаю, больше этого, так как при Союзе это всё было, когда в СМИ это не публиковалось. Столько там операций, столько там военных действий ребята прошли. Сейчас потихоньку начало выходить. Точно там говорилось... Я думаю, там больше погибло. Почему? Потому что по всему Афганистану начались конфликты. Нет такой провинции, нет кишлака, где не было советских солдат. Честно говоря, я не люблю вспоминать те, где шли наши потери. Ведь ребята все в памяти, в наших сердцах они живы, погибшие ребята вечно остались на посту. Не хотелось бы об этом говорить – мне сразу плохо становится, честно говоря.

Расскажите, какие методы использовались для снятия психологических стрессов у советских военнослужащих, какие меры принимались после военных операций? Были ли специальные программы по реабилитации военных?

Нет, такого не было. Меня никто там после того не успокаивал, ничего не делал, потому что все они в этой войне участвовали. Сами мы, как могли, друг друга утешали, пели песни, анекдоты рассказывали друг другу. Когда успокоиться хотели, говорили, что при Великой Отечественной войне дедам нашим давали фронтовые граммы. У нас такого не было, чтобы давали сто грамм, такого не было. Я знаю, что в Великую Отечественную войну была линия фронта: здесь враги – здесь наши, за нами родина, тыл, надо брать эту сопку – брали эту сопку. А наша война – мы не знали... у нас не было линии фронта, мы не знали сзади стрельнут, спереди или сбоку. Со всех сторон надо было ожидать, поэтому мы всегда круговую оборону держали. Поэтому, нам если какую-то сопку надо было или какое-то ущелье взять, тогда мы знали, что там караван идёт или бандгруппа идёт – надо взять, освободить вот этот район. Идём освобождаем этот район. А так – всегда обстрел со всех сторон, на 360 градусов. Поэтому, я думаю, не было надобности, чтобы как-то взбодрить спиртным, здесь такого не было.

Вы себя считаете жертвой советской политики или суверенного государства?

Естественно, я считаю себя жертвой. После демобилизации при Союзе ещё было как-то более или менее. Когда страны стали, Союз рухнул и суверенным государством мы стали, уже больше демократии, свободы слова мы видели, каждый начал прославлять по-своему «бессмысленная» война... Я выполнял свой интернациональный долг, выполнял честно, в то время не обсуждались приказы командира вся вина лежит на тех людях, которые отдавали приказ, это не мои командиры погранотряда. Я думаю, командование это сами прекрасно понимают, это первое лицо при Союзе, это председатель ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев, я думаю. Команда поступала от него, наверное. Просто там по инстанции пошло. А с другой стороны, тоже рассуждения – если бы наша Советская армия туда не вошла, то вошли бы американцы. Мы же, Средняя Азия Советского Союза – Таджикистан, Узбекистан, Кыргызстан, Казахстан – были в опасности. Ну, в то время политика совсем другая была, советская держава была одним из лидеров в мире. Поэтому американцы против них вели. Сейчас тоже ведут – в Грузии помогают, в Украине помогают, в Кыргызстан вот ввели, у нас есть база американская – над территорией Казахстана летают истребители американские. Я думаю... вот это – всё то, что я думаю, – это было, наверное, смыслом введения туда наших войск. Поэтому сейчас рассуждают по-разному, поэтому я среди своих родственников, близких, товарищей никогда не слышал такого... всегда у них в почёте, все меня уважают.

Ну, конечно, когда я демобилизовался, выдали льготное удостоверение. В автобусах, троллейбусах я всегда платил, стеснялся – молодой, здоровый, без очереди везде, я всегда старался не показывать. Но сейчас уже возраст подошёл, поэтому ведём патриотическое воспитание нашей молодёжи, ходим по школам, в детское отделение Сары Назарбаевой, по Фонду Сороса которое было открыто, туда ездим с ребятами. Детям помогаем в воспитании, спортивные мероприятия проводим, в «Жас Улан» ходим, в 40-й Детский дом ходим, помогаем в воспитании, чтобы правильно росли, с теми нужными резервами были в нашем суверенном государстве, в нашем Казахстане.

Как часто Вы ностальгируете по периоду пребывания в Афганистане? Хотели бы Вы вернуться туда? Если да, то в качестве кого?

Ну, я бы, конечно, как турист хотел бы проехать по тем местам, где проходили бои, операции, хотелось бы пройтись, хотелось бы встретить-

ся с теми ребятами, с кем служил, посидеть, пообщаться, поговорить. Мы встречаемся, конечно, в Астане. Я знаю, трое нас здесь есть. В Петропавловске полковник, ушёл на пенсию с МВД. Сейчас генеральный директор КазРосГаза Болат Муханов – тоже однополчанин мой, пограничник. Вот мы встречается втроём, обсуждаем, разговариваем, вспоминаем ребят. Больше по воспоминаниям проходят встречи наши. Конечно, хотелось бы поехать, посмотреть, как те люди, население, которым мы помогали. Но если бы сейчас сказали – поедешь выполнять интернациональный долг, я бы отказался. У нас своих проблем хватает, в своей республике. У каждого человека хватает проблем в своей семье – детей поднять, выучить, женить, устроить их. Нужно решать эти проблемы в своём государстве, а вторгаться в какое-то государство я не хотел бы. Если вторгаться – ради гуманитарной помощи, в случае землетрясения, наводнения, для гуманитарной помощи, поехать помочь. А так чтоб воевать – нет. Внутри каждой республики она сама должна решить всё это. Почему? Потому что, если возьмутся, если власть возьмёт та, которая нам нужна, те, кто помогал, будут врагами. Всю жизнь будут врагами. Те дети, жёны, матери, которые потерявшие со стороны Афганистана, наверное, до сих пор считают врагами нас. Почему? Потому что они потеряли близких. Наши матери, отцы, дети наши потеряли своих братьев, сестёр, которые шли медсёстрами в госпиталях. Я думаю, каждое государство должно само решать.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане, присутствие войск НАТО?

Американцы – это такой народ (и это чисто моё мнение), такой народ... Наверное, они везде хотят свои правила игры делать. Доллар американский везде, по всему миру, только доллар, везде доллар, и у нас в Казахстане тоже доллар стоит – квартиру покупаешь, цена в долларах, машину покупаешь – тоже в долларах. И те, которые места, где можно иметь выгоду большую... американцы стараются залезть туда Иран, Ирак, Кувейт, всей нефтью хотят владеть. Сейчас Иран делают, что якобы там ядерные бомбы изготавливают, хотя у них только по-мирному делают, добывают, Россия помогает, это всё очевидно. И в Афганистане тоже – они хотели в 79-м году войти туда, а получилось так, что Советский Союз вошёл туда. И одна из тех причин, наверное. А то, что пишут там – Бен-Ладен номер один в мире террорист... Он же и помогал моджахедам воевать против советских солдат, которые выполняли интернациональный долг, против тех или иных людей, афганцев, а он был специа-

гентом ЦРУ. После ненужным стал – брата, отца украли. После того как узнал о том, что их украли, против них открыл войну. Джихад открыл.

Считаете ли Вы ту помощь, которую предоставляет государство бывшим воинам, достаточной?

Я думаю, это как бы... Если взять меня – слава Богу, у меня есть работа, я зарабатываю. Я думаю, тем матерям, жёнам, которые потеряли своих родных, хоть миллион дадут, помогать будут – этого недостаточно, не заменит тех ребят, которые погибли. Это недостаточно, потому что есть ребята-инвалиды. То, что даётся государством, – это мизер, копейки. Простому «афганцу» – 8 тысяч, «афганская» пенсия, как мы называем её, помощь по коммунальным услугам, потому что сколько там оплата? 3-4 тысячи, эта сумма – что можно взять? Естественно, там государство чем может, тем и помогает, спасибо. Я думаю, тем семьям, которые потеряли, – ничем не заменить, никакими льготами.

Фамилия Имя Отчество	Жумадилханов Аскар Анисович
Национальность	Казах
Год рождения	1959
Годы службы	1983-1984
Место службы	Город Кабул
Занимаемая должность во время службы	Начальник радиорелейной станции

Про Афганистан, если честно, с годами понимаешь. Тогда ещё не очень понимал, что это. Действительно, когда с годами, когда взрослеешь – понимаешь, что это страшная вещь была. А тогда – молодой... Как молодой – относительно.

В какие годы Вы призывались?

1983-1984 годы.

Это самое начало?

Это самый пик, самая крупная операция в Панджшере была – сорокатысячная армия Ахмад-Шахская была и двигалась на Кабул тогда.

Это в каком в 1984 году?

В 1984 году, февраль-май месяц.

Представьте, пожалуйста, вначале.

Так, Жумадилханов Аскар Анисович, 1959 года рождения. Родился в Жарминском районе, есть такой рудник Боко, золотоносные места там,

Акжал, рудник Боко. Вот там родился, потом в школу пошёл в селе Георгиевка Жарминского района. Потом окончил, поступил в институт, тогда он назывался – Институт физической культуры и спорта города Алма-Аты. Окончил в 1982 году, поехал по направлению работать в Семипалатинский технологический институт мясной и молочной промышленности (он не принадлежал Министерству образования, а он принадлежал Министерству мясной и молочной продукции, такой богатый был институт). Вот там работал преподавателем на кафедре, и в мае месяце меня призвали в армию, потому что военной кафедры не было тогда в Институте физкультуры и призвали. Вообще должен был сначала попасть в штаб округа тренером, но потом, так как я работал преподавателем, меня не смогли найти – мы жили тогда в учебном корпусе. Они не могли понять: переходят туда – там «учебный корпус» написано. А там в одном крыле жили молодые специалисты. И они искали-искали меня, повестку отдали в институт, в институте тоже как бы никто не обращал, как бы прошло время, чтобы был призыв, чтобы потом через отдел кадров вызвали меня. Интересно было... и значит, вызывают меня, вот так и так: «Штаб округа, мы вас хотели взять туда, но теперь туда – другого, вы, наверное, теперь поедете в Самарканд». Я говорю: «Ну в Самарканд. Господи, ну ради Бога, в Самарканд – в Самарканд». «Там, – говорит, – возможно, и спорт есть, и всё такое», – и туда. Баловаться не время. Нальсо не брили, я вот со своей причёской-шевелюрой. Значит, дают мне документы шести человек: «Вы преподаватель, пожалуйста, доведите их до Самарканда». Вот, пожалуйста, ребят собрал. Они не знали до Алма-Аты ехали, они не знали, что я в армию еду. Они думали, что я вот как бы человек, который отправляет их туда. Потом, в Алма-Ате уже спросили, разузнали, разговорились, смеялись долго. Приехал в Самарканд утром в шесть часов, подошли в штаб, и я зашёл туда. Они говорят: «Кто?» Я говорю: «Вот, приехали служить». Они удивились, говорят: «Иди в штаб». Не поняли тоже, что я – служить пришёл или привёл их служить? Зашёл, захожу в штаб, значит: «Жумадилханов!» – и так далее. Я говорю: «Вот документы, мы приехали служить». Одна женщина на меня посмотрела и говорит: «Первый раз вижу, чтобы человек пришёл сам, сказал, что он пришёл служить». Получается так, что мы сами приехали! Обычно сами же офицеры привозят. И вот так вот армейская жизнь началась.

Потом, значит, май, лето... и в октябре месяце, в середине октября, подняли по тревоге ночью. Дали полностью абсолютно новое обмундирование – всё с нуля как бы, всё новое: там ремень, носки, полотенце, там мыло – всё-всё-всё. Всё, необходимое солдату. Построили, сказали: «Ребя-

та, – значит, – не едете, а летите в пункт назначения». Посадили в самолёт. Интересно было – выходит стюардесса, говорит: «Уважаемые пассажиры, наш самолёт совершает рейс Самарканд – Кабул». Одни солдаты сидят уважаемые, ну офицеры там уважаемые, уже там в самолёте все переглянулись... Честно говоря, никакого такого страха, чтобы там – на войну едешь, не было. Почему не было, не знаю. Может быть, молодость, романтика... Вот это желание всё время острых ощущений тогда вот было, тем более спортсмены они как бы близки всегда к такому. Прилетаем... Ну, первое представление было, Кабул какой-то город. Приезжаем, буквально вот летишь, а летим сплошные горы, ни одной точки ровной. Вот сплошные горы, гора на горе. Прилетели, смотрим: Кабул одни мазанки, дома глиняные, военный аэродром... И вот «Девятая рота» помните? Начало фильма, если смотрели, как самолёт прилетает точно так: автоматы, пулемёты, самолёты, то есть война. Видно – все с оружием. Ну, как обычно это, те, кто прилетели, когда уже вышли, нас сразу окружили офицеры. Там уже «деды», кто-то в кедах, кто-то там в этом, то есть война уже идёт, всё это, автоматы... Они там показывают – всё, типа, вешайтесь, все молодые, там замена и так далее. Ну, это чисто солдатские такие отношения. Приехали, окружили палатку, и первое, что удивительно было, – сухпаёк нам раздали. Открываем картонную коробку, открываем – там полностью всё, весь набор – Семипалатинский мясокомбинат, «Завтрак туриста», тушёнка.

Там все и прилетели, там нас было четыре человека семипалатинских, и один из них – Болат Кауппаев, мы с ним на «учебке» были и в один этот попали батальон. Попали в батальон с ним, в горах под Кабулом место называлось «Тёплый стан», как в Москве. Москвичи там, видать, первые обосновались и «Тёплый стан» назвали. Стояли в горах – ничего нет. Значит, там стояло рота десантуры... и значит, где-то 400 человек батальон был полностью. Спецсвязь, радио. Чувствуешь, что уже обстановка другая, то есть палатка – как раз уже ноябрь, зима. Автоматы рядом всегда, спишь – не раздеваешься, потому что в палатке буржуйка стоит в центре, кто постарше – туда поближе, к буржуйке ближе кровати. В палатках зима. Ну, вообще, я потом вспоминаю... Все это говорят, что война – это самая тяжёлая работа. Надо там помыться – холодная вода. И здесь начинается проявление человеческих качеств. Такие знаешь качества, такие на выживание, то есть выживешь. Накормишь, защитишь, значит, ты что-то в этой жизни можешь, или как бы... или гены сильные, или... – в общем, на выживаемость, тем более когда стреляют. И вот, служба началась. Света нет, ничего нет в горах, одни скалы, сырость страшная, спишь в шинели, в шапке, и, чтоб не замерзнуть, одеяло, одеяло, и сверху ещё тех, кто идут на

дежурство, их ещё одеяло сверху закидываешь и лежишь. То есть страшный холод был. Самое главное, негде согреться – костёр не зажжёшь, буржуйка только. А служба идёт – рано утром подъём, потом там развод, потом там служба, охрана, выезды и так далее, и так далее там. В охране стоишь, как бы тоже боишься уснуть там – были случаи, там забирали прямо с поста, и обстреливали посты, и ранения были, и взрывы были. Вот так вот началась служба, служили.

И значит, первый такой самый тяжёлый случай был – выехали на бэ-тээре с охраной, поехали под Кабул, там ещё одна точка военная была. То есть через Кабул дальше ехали туда. Ну, естественно, когда едешь, даже в Кабуле, даже выезжаешь просто там, БТР-машина, все автоматы всегда, всё может быть то есть. И значит, у нас был, помню, с Ростова офицер, фамилию сейчас не помню, капитан. И ехали мы: я ехал, потом Вова был с Гомеля, потом был Нешто Сергей – до сих пор помню фамилию, молоденький, где-то 18 лет, ребёнок, ну прямо ребёнок ребёнком (а я-то после института попал) вот он и ещё... Один, два, три, офицер – да, вот, четверо. Сзади БТР тоже. Едем все, и вдруг капитан говорит: «Смотри!» Едем прямо в горы, и уже там дорога, как говорится, обычная между горами. Он говорит: «Смотри, – говорит, – по-моему, «духи» бегут издалека, по-моему, они что-то, – говорит, – тащат! Надо перехватить! Давай захват сделаем». Нас трое. Машина останавливается. «Там», – говорит. Так они, значит, мы видим, они перебегают. Ну вот, заходим спереди, заходим... А я как раз тогда ещё занимался, ещё и потянул ногу и хромал. Они, значит, выходят вперёд, а я, чтобы ещё... потому что хромаю ещё, вперёд зайду, когда хромаю... чтобы ещё вперёд зайти... И буквально: «Ты», – говорит. Смотрю, ну, высокая трава, густая, колючая и всё такое... И смотрю: то ли проволока, что ли, что-то такое лежит, и только переступил через неё – и тут взрыв такой! Они как будто только разошлись, они двое – чуть-чуть вперёд, и только отошёл я, ну буквально где-то четыре метра от них... И тут взрыв. Я не понял, ну оглушило... Земля, всё это, смотрю – этот Серёжа лежит без стопы. Оказывается, там была линия, значит, лежала заминированная линия, полоса. Кто заминировал – что-то потом так и не поняли. И он наступил на противопехотную вот эту мину – она сразу подрывает. Оторвало стопу, он в шоке! А один из них, Валера, он, представляете, пробежал. Он говорит: «Когда бежал, смотрю – какие-то точки, я машинально пробежал». Расстояние было, наверное, метров десять. Я сразу побежал и говорю: «Серёга, не вздумай двигаться, лежи». Он кричит там – ну истерика. А здесь услышали взрыв те афганцы-душманы – убежали. И откуда ни возьмись появились дети-афган-

цы. Вроде в горах ничего не было – дети прибежали, потом ещё кто-то прибежал, видать, увидели это все. Что делать? Как его оттуда вытаскивать? Он лежит. Давай по рации срочно... Хорошо, проезжала штабная машина, и к удаче там оказался полковник-медик. Подполковник, по-моему. И они по рации срочно вызвали кран. Когда он приехал, его оттуда краном вытащили, там его перевязали, всю ногу. Госпитализировали его и отправили в Союз. Это вот было первое столкновение.

А потом и обстрелы были, ранения были, убитые были. Вообще, в то время социальная структура Советского Союза была такой, что все были патриотами в наивысшей степени. Все были настолько пропитаны вот этим воспитанием, что честность, правда, справедливость, «ни шагу назад»... Все отечественные фильмы демонстрировали героизм, начиная с Бауыржана Момышулы, заканчивая Талгатом Бигельдиновым. Настолько пропитаны были все, поэтому большинство даже не задумывалось, то есть просились в Афганистан. Потом уже, с годами осознаёшь действительно, насколько это страшная потеря – остаться инвалидом и потерять сына, брата и так далее. А были же некоторые семьи, где мать воспитывала одного сына... Потом раз – и теряешь его. До сих пор я слышу. Я когда первый раз приехал, истерика была тяжёлая. Чуть что кто-то говорил про Афганистан, сразу нервные все, в драку кидались. Потому что всплывает сразу картина Афганистана, потери, тяжёлый, скажем, военный труд и так далее. И тяжело было реагировать. И потом, после Афганистана, через лет пять, наверное, я когда работал в спорткомплексе, в бассейне, и туда приходили медики. Среди них был медик-психолог один. И он видит, что я иногда взрываюсь, и он говорит: «Аскар, запомни, если ты не забудешь войну и не адаптируешься в повседневной жизни, ты можешь в жизни ничего не достигнуть, останешься на одном уровне. Просто будешь постоянно спорить, постоянно доказывать... И может просто жизнь тебя в другую сторону повернуть».

И вот эти простые слова подействовали. Сразу взялся за ум, успокоился, пытался забыть, и когда спрашивали... Обычно первым людям, когда спрашивали про Афганистан, рассказываешь подробности и так далее, о тяжёлых моментах, и тем более ассоциируя себя с человеком, который всё проверяет всегда какие-то слова, какие-то поступки, которые сбивают тебя с толку и не дают возможности трезво оценить, скажем, спокойно поговорить. Говоришь всегда на высоких тонах – разве что это тяжело было. То есть люди разные попадались. И вот тогда, как говорится, руки в кулак, потом первая поездка в Москву, защита диссертации, потом опять, потом защита диссертации и так далее, и так далее. И как бы

знаешь, что те, кто спрашивает тебя, в принципе они спрашивают ради простого интереса. Даже до сих пор есть коллеги, кандидаты наук, доценты, ну, в смысле учёные, которые прямо мне говорят: «Я считаю, что Афганистан – это оккупация, и вообще вы – оккупанты, тем более ты, мусульманин, там воевал». Представляете, реакция какая? Понимаешь, что ты выполнял свой воинский долг, и здесь такие люди. Ну, понятно, что разные мнения, и честно говоря, так даже не реагирую, не спорю, ни о чём не говорю. Поэтому вот так вот, пусть...

Самое сложное было, наверное, в Афганистане – это как бы осознание того, что ты находишься здесь, на войне ради, уже такие простые слова, ради семьи, родственников, защищаешь там южные рубежи и так далее, и так далее. Все прекрасно понимали, что действительно там воюешь, естественно – смерть, и те, кто воюет, – они же не военные, они же гражданские люди. Там погибали и женщины, и дети, и так далее, и всё смешалось. И когда я приехал, и тогда я... Ну, каждый человек пишет стихи, поёт песни. И тогда, помню, сразу песню написал, и слова такие: «Задувалом афганец-ветер, пыль и зной, И Кабул средневековой судьбой. Два года скалы смотрели вслед тебе в глаза. Теперь домой, теперь домой. Всё смешалось в Афганистане, громкие слова, взрывы и радости...» – ну, примерно, сейчас я уже не помню. То есть действительно в Афганистане всё смешалось – война, защита рубежей, мирные жители... Естественно, когда идёт война, и в фильмах показывают, там как бы не написано – гражданский человек, душман он или кто? И подростки были, и взрослые были, кого только не было там. То есть вот это смешение всех стереотипов о том, что ты там воюешь, так скажем, с немцами – понятно, да, вот, Отечественная война. А здесь «духи», «духи» – примерно. Может, он просто гражданский человек, который не это...? Поэтому война на самом деле очень тяжёлая.

Я помню, тогда приезжал журналист Лещинский. Сегодня я помню, он снимал очень много документальных фильмов про Афганистан, и он приезжал к нам в часть. И я всё время хотел, чтобы показали вот реальные документальные фильмы. И я редко возвращаюсь к тем мыслям. И недавно случайно там была тема, посвящённая Афганистану, – в университете встреча с «афганцами» Союза ветеранов Афганистана города Астаны, они часто приходят на мероприятия, часто проводят с Евразийским университетом. И вот тогда они говорят: «Аскар, посмотри какой-нибудь коротенький фильм про Афганистан или песню». И я на сайт зашёл – видеоролик нашёл: «Засада». И там – как наши ребята попали в засаду и как их там прямо снимают, там расстреливали их, поло-

вина сдаются ребята в плен. А в плен попал – там уже всё. Я посмотрел ролик – и опять же возвращаешься к тем годам, и это тяжёлые воспоминания на самом деле... И как-то, один раз было как-то, ребята говорят: «Аскар Анисович, вы в Афганистане служили – вы людей убивали?» И я так задумался и говорю: «Ребята, вы поймите, война – это не какой-то там... Это не пейнтбол». На войне, если ты не выстрелишь – в тебя выстрелят, убьют. Здесь однозначно нужно быть готовым себя защитить. Воевать, проще говоря. Я говорю, это война. Вот и всё, одним словом коротким война и всё. Здесь уже до гуманизма далеко.

Конечно, гуманизм... Когда видишь мирное население, естественно, понимаешь, что мирные люди, они же там жили... И как бы, возможно, он тоже не знал, с какими мыслями я пришёл, и так далее, и так далее. И они, естественно, защищали свою землю. Тоже очень такой важный момент, который мы должны понять. Сейчас, после Великой Отечественной войны встречаются, скажем, те, кто воевал, – немцы, и те, кто воевал, – советские. И встречаются, рассказывают там, как бы какие-то встречи проходят. И вот недавно Елубаев Кайрат, бывший председатель союза... – они ездили в Афганистан (была статья в газете), чтобы возратить тех, кто попал в плен. И значит, там оказалось двое украинцев, они уже веру приняли, женились, семьи, всё. И когда им сказали: «Давайте мы всё делаем и вы вернётесь», – они сказали: «Нет, не вернёмся, всё, в Украину однозначно. Если будет какая-то у нас мысль, то лучше в Казахстан». Почему, не знаю. Возможно, тоже информация доходит, что... то есть у нас политика государства такая, что – толерантность, дружба народов, наций и так далее. Поэтому Афганистан... Вообще я думаю, что там очень много таких моментов с точки зрения войны... Поведение человека... Дать оценку человеку, чёткую, ясную, чтобы понятно было, что это было в Афганистане. Потому что вот ходят ребята-«афганцы» – конечно, в большинстве случаев государство поддерживает, принимает и так далее. Но вот, как и в любом обществе, есть люди, которые говорят: «Вот, ты оккупант, однозначно!» То есть если бы ты стоял на границе своих... своей родины, тогда ты защищаешь, а если ты въезжаешь в какую-то страну и там что-то делаешь, и тем более в то время, советское, то... Поэтому это мнение всегда, как говорится, по сердцу бьёт. И ходишь, иногда говоришь, что ты «афганец», иногда уже начинаешь понимать, что это действительно тяжело с точки зрения афганцев, самих афганцев.

Поэтому, сейчас вот, с годами набрался жизненного опыта, понимаешь ценность уже такого возраста. И я представляю, если бы сейчас какая-то война была... Ты столько труда вкладываешь в детей, потом это

вот так вот всё оборачивается, какими-то там политическими решениями, и тем более сейчас... А в то время действительно ребята просились, и героизм, и медали – всё это, как говорится, естественно. В то время, и сейчас даже, носить медали – это было... И сейчас это престижно, конечно. Надеваешь медали, ты «афганец», тебя встречают, задают вопросы. Но потом, с возрастом понимаешь, что эта война какая-то, скажем так, с недосказанными словами. И вот эта неопределённость... И тем более вот Мажилис Парламента, уже какой год они говорят: «Вот, «афганцев», куда их? К участникам войны? Куда их пристроить?» – с точки зрения закона, социального положения, социального статуса. И вот эта неопределённость, она тоже в душе, честно говоря, постоянно тербит... Ну, и сейчас вроде сказали, что к участникам войны в ближайшее время причислят нас. Вот тогда, наверное, просто для поколений, для истории, наверное, будет понятно и ясно однозначно, что ты участник войны, который не для того, чтобы сказать – ты молодец и так далее, а просто для того, чтобы современная история имела чёткие какие-то границы правого поля.

Дело в том, что как бы возраст уже, и много информации, и приходится иногда со студентами беседовать на эту тему, много встреч проводим, поэтому понимаешь всегда и студенты понимают, что это война, которая... Они уже другое поколение. Они прекрасно понимают, что мы поехали в другую страну, и там была война. Если бы тогда мы, советские люди, понимали, что у нас Советский Союз – это огромная держава, до пятнадцати республик, и которая, естественно, помогала Африке, бедным странам, широкие жесты были, кубок защищали. Афганистан была такой страной, которая тоже готова была помочь бедным и так далее. И политика была такая, а сейчас молодёжь прекрасно понимает, у них другое воспитание, они прекрасно понимают: зачем туда ехать? Даже сейчас скажешь: какой-нибудь куда-то – сразу будут обсуждения, разговоры: зачем, за что, что это незаконно и так далее. Такого же тогда не было. Сейчас воспитание абсолютно другое. Поэтому иногда жалко, что мы потеряли всё самое хорошее от воспитания советского времени. Потому что сейчас молодёжь... Социальное поведение видно в общественном транспорте: если дети встают, уступают место старшим, то ты понимаешь, что в семье он получил воспитание; если сидит, громко разговаривает, грубит – значит, всё, ребенок воспитания не получил, он воспитан на видеороликах, на фильмах, на компьютерах и так далее, и так далее, и так далее. То есть он просто оторван, тогда уже можно говорить, что это тревога. А если таких людей больше, это вообще... Ну, вот я только заметил, у нас в Евразийском университете хорошая молодёжь, студенты уступают мне,

здороваются, говорят о высоких понятиях, моральных качествах видно, что воспитание в семье получили.

А вот, Аскар Анисович, Вы же, получается, полтора года там служили, да?

Да, полтора года.

А войска у Вас какие были?

У нас была связь, городская.

А вот Вы, наверное, отметили, в основном, по большей части призывали туда солдат из Центральной Азии?

Из Центральной Азии.

Больше всего, да?

Ну, вот мы служили, где... В нашей части было очень много со Средней Азии, как вы говорите. Таджики были, узбеки были. Вот в основном узбеки и таджики были. Но до нас... Я вот говорил ранее, что это место называли «Тёплый стан» это значит, что там москвичи были.

А почему им предпочтение отдавалось?

Средней Азии?

Да.

Ну, во-первых, таджики – язык у них такой же, одинаковый. Во-вторых, я думаю, что все политики, которые были участниками всего этого начала, начала этой войны, понимали, что эта война должна быть, скажем так, ну, изначально планировалась так, что это будет миротворческая война какая-то. Как вот, я говорю, – не с фашистами конкретно, а как будто они поедут туда, введут туда войска и потихоньку будут налаживать там отношения. Воевать там, например, точно, как вот сейчас принято говорить, – там поймали, здесь поймали и так далее, и так далее. А когда это приняло массовый характер... Тем более народ там, меня поразило, – народ там находился до сих пор в феодальном строе. Я помню был случай. С части всегда вывозят мусор со столовой, отходы. И всегда, когда вывозили... Я один раз тоже ради интереса (за территорию части было сложно выходить – не сложно, а вообще запрещалось, так как военное положение)... И вот, когда вывозили, я помню, мальчишка был рыжий-рыжий, афганец, и он прямо руками разгребал всё это – хлеб, всё съедобное собирал – и где-то, видать, в горах жил и так далее, и так далее. То есть социальное положение афганцев очень тяжёлое и низкое очень.

А вот местное население как относилось к нашим советским солдатам из Центральной Азии? Как-то выделяло, да? Отношение другое было?

Да, было отношение другое. Не так, как к славянской нации. Я думаю, почему. Ну, во-первых, видно, если ты азиат, и видно, что тот человек тоже, скажем, азиатской внешности, – всегда первое впечатление человека, всегда как бы ищешь знакомое, что-то общее. И соответственно, реакция сразу такая. Если, например, мы видим на улице «негра», у нас совсем другая реакция, а если видим кого-то азиатской национальности, то уже совсем другое, (смеётся). Точно так же и здесь. Я думаю, это обычное явление, поэтому относились... И там разного рода были, скажем, такие поступки, когда перебежали туда, на ту сторону, к афганцам.

Солдаты?

Да, уходили и так далее, тоже были такие случаи. Я не говорю, что это массово было, но единичные случаи были. Ну, естественно, таджик, он знает, он говорит... Как вот если бы я увидел казаха в Афганистане – рука не поднялась бы выстрелить, сначала я бы диалоги с ним начал говорить: ты что тут делаешь и так далее. Точно так же и они, я думаю, поэтому. В этом плане, хотя было вообще положение такое, что как миротворцы там – восстановить социальной строй там, сделать социалистический строй... А получилось – всё превратилось в кашу, война пошла. И здесь, конечно, в подсознании, вот кто азиатской национальности, они, наверно, думали, что что-то не так делают. Что всё-таки это не война против фашистов – я говорил ранее.

А вот в официальной прессе потери наших солдат замалчивались, искажались, да?

Да. Тогда, когда мы приехали, я помню... Ну, как бы мы приехали с Афганистана, всё там... Интересно было, буквально уже на дембеле, значит, за часть выехали, сели на военный самолёт и через два с половиной часа – уже в Ташкенте. Мирная жизнь, думаешь, Господи, там только буквально прилетел – и раз... И что интересно было, прилетел и сразу уловил себя на мысли, что идёшь и вольно-невольно оглядываешься. Как вот в горах ходишь – там никого случайно нет? Или вот за угол идёшь... Например, угол – не идёшь просто, как мирный житель, а проходишь вот так вот раз, потом дальше пошёл. Настолько это всё впиталось! Поэтому такие осторожности. Я до сих пор... мне некоторые говорят, когда сажусь куда-нибудь, я начинаю вот так оглядываться. Мне говорят: «Ты что оглядываешься?» Я пока

не посмотрю, не изучу полностью аудиторию, где сижу я... Наверное, вот это осталось. Я не замечал за собой, потом ребята сказали.

А подготовка наших солдат соответствовала Афганистану? Ну, вот обмундирование, питание, вооружение?

Кстати, вот интересный вопрос, да. Вооружение – естественно. Автомат Калашникова – это, конечно, настоящее оружие. Если там какой-то бой не подведёт. Если у тебя есть запасной ход, магазин, будешь биться до последнего, что даёт преимущество тебе. А что насчёт подготовки – здесь однозначно сказать нельзя, готов – не готов там и так далее. В войне очень важна... Ну, вот, скажем, подготовили тебя водить танк, водить транспортёры, а важнее, кто туда идёт. Вот отбор там – Иванов, Ахметов и так далее – что из себя представляют, какая у них физическая подготовка, какие морально-волевые качества и так далее. То есть как личность определяет и так далее, ведь комсомолец тоже было социальное положение, как комсомолец, пионер, коммунист. В Великой Отечественной войне кто капитан отряда, конечно, коммунист, кто это... зам по воспитательной части – обязательно коммунист и так далее. То же самое и здесь. А что касается питания... Интересно было. Значит, очень много было скумбрии, суп-пакет, потом, значит, картошка-порошок, масло. Представление было такое – там огромный склад, и там всё собирается. А потом, когда в первые дни в Афганистане еда, всё такое, банка, как раньше было, в советское время, – повидло в огромной жестяной банке... И вот там ведь солидол вытираешь, и там написано – «1960 год». Это и есть, оказывается, закрома родины – запасы до 60-го года, 61-го года и так далее. Её открываешь и всё... Вот до сих пор сливовое повидло не ем, вот настолько перекармили.

А местную еду кушали?

Ах да, местную еду кушали, ездили, но, естественно, это запрещалось. Ну, всё равно там жвачки первые... такие жвачки, конфеты. И многие «афганцы», знаете, привозили с собой из Афганистана рубашки, джинсы привозили там каким-то образом, что-то там договаривались и так далее. Мы получали тогда чеки, не деньги, а чек назывался «Межпосылторг», то есть это та валюта, за которую можно было купить за границей, я так понимаю, на территории посольств каких-то стран. То же самое мы получали тогда, я помню, 18 чеков сержантский состав, и вот ходили в магазин, и там были первые баночки, вот баночные напитки, в банках потом Кока-Кола, там конфеты польские, что ещё... там жвачки... В общем, всё... большинство там импортное стояло, магнитофоны японские там и так далее, то есть точно так же и дуканы, как на казахском «дукен» (магазин), когда

в Кабуле. Вот заходишь, вот дуکان там стоит на маленькой вот там такой территории. Там всё есть, начиная там от магнитофона, кончая шубами, – в общем, как сейчас у нас барахолки, там это примерно такая же ситуация. Тогда ведь, в советское время не было же.

Типа «Берёзки» были же...

Да-да-да. И вот питание, говорю, тоже интересное. Самое тяжёлое – это то, что, я говорю ещё раз, что эта война – самый тяжёлый труд, потому что помыться, покормить себя, выспаться... И мечтал всегда попить чистую воду. Чистой воды не было. Техническая вода – туда бросали хлорку потом, бросали сгущёнку, вот мы её пили. И – сейчас об этом уже можно говорить, раньше запрещалось – в батальоне мы все были вшивые. Сто процентов, то есть мы... лежишь и знаешь, что мы все, сто процентов... что ты вшивый. Бесплезно – ничего не могли сделать. И я как бы не хвалюсь, но я тогда ещё перезанимался, молодой всё-таки, спорт. Спорт, кстати, дал, наверное, всё-таки многое – здоровье, чтобы выдерживать всё это. И взвод, где я был, – они все, сто процентов переболели желтухой. Мы вот так сидим, и у всех глаза жёлтые. И едим, и всё вот – общаешься, здороваешься, хотя мы знаем, что если у него гепатит... что гепатит передаётся даже через руку. Я гепатитом единственный не заболел, а так – брюшной тиф. Вот желтухой – так оно как-то ещё не это. Все желтушники, они спят, переболеют и всё. Вот именно вот этот год, а потом, уже когда мы заканчивали – в 84-м, уже построили тогда модули (такие коробки деревянные), и, уже когда уезжали, жили. А до этого мы жили в палатках. Все в палатках, зимой и летом. И вот это всё смешение вот этого всего – настолько это тяжело было! Смотришь, вроде приезжают когда ребята, вроде внешне вот парень... Да, только приехал, скажем, призыв, ну, с «учебки» – там чистые, аккуратные все. Буквально неделя проходит, проходит – если человек несамостоятельный, он меняется на глазах, он грязный. Вообще, тогда же называли там – маменькин сыночек или папенькин сыночек, точно так же. Уж умыться не может то не успевает, грязный, воротнички грязные... Спит всё время и худой – и всё, человек на глазах опускается. А есть, которые действительно понимают. Вот мне интересно, в основном всё это выдерживает деревенский парень – наверное, из-за того, что на селе всё-таки, когда там за скотиной смотрим, за коровой там, ещё чем-то, смотрит дом... Да. Какие-то житейские навыки – они в армии помогают, что интересно.

Как, Вы думаете, моральный дух там?

Очень высокий. Во-первых, нужно, сказать, что те, кто воевали, – это были 18-22-летние ребята максимум.

С нашей стороны?

Да, с нашей стороны. Представляете, если со мной будет драться, грубо говоря, ...будет 18-летний мальчишка? Мне там, скажем, 50, ему – 18. То же самое это получилось, вот так вот. То есть молодые, да, молодые ребята воевали против мужиков в основном. А там настоящие были головорезы. Мы как-то один раз проезжали по одной, проезжали по дороге, и камень стоит, камень. И там, на камне кровь, застывшая... Ну, в смысле высохшая кровь. Кто в плен попадал, подводили к реке за нос, так два пальца за нос. Потому что в борьбе джиу-джитсу, когда... А нос поднимаешь там уже невольно, самая больная точка – за нос берут, по горлу – всё. То есть жестокость была страшная, и, конечно, наша реакция была, что они жестокие. Но с другой стороны, сейчас понимаешь – если на нашу территорию кто-то пришёл и начал здесь наводить какой-то порядок, да, какой бы ни был, хороший или плохой, обязательно найдётся категория людей, которые будут говорить: «Это моя земля». Это, грубо говоря, всех перережу, кто пересечёт, потому что это моя земля. То есть жестокость – она есть везде. Если речь идёт о войне... Там такую мысль тоже говорил, что человек такое существо, которое адаптируется к любому социальному уровню, скажем так. Если мирная жизнь, то это мирная жизнь. Если это война, то война. Если ты стреляешь, один раз убил, то второй, третий раз убить – ты будешь убивать всех подряд. Потому что как бы человек, как... если попадает в эту среду, он таким становится. Но есть, конечно, категория людей, которая не может этого делать. Как бы если ты на войне, ты будешь стрелять до тех пор, пока кто-нибудь, какой-то там, например, призыв или что-то не скажет – не та война, или нельзя стрелять. Потому что приказ на войне, приказ – это приказ, всё. Ты должен выполнить и без малейшего, скажем так, сожаления – правильно это сделал, неправильно, осознал... Потому что это уже совсем другое. Если ты не выстрелишь, значит, это всё. Кто первый попал, тот первый.

А вот среди наших солдат были неуставные взаимоотношения?

Это армия. Сейчас тоже можно говорить. Я понимаю так: есть, наверное, два понятия неуставных отношений. Это на самом деле неуставные отношения, прописанные буквой закона, а есть неуставные отношения, когда – ты проверяешь охранение, и там сидит спит он. Вот помните, в «Девятой роты» он его бьёт и говорит: «Если бы ты уснул, полвзвода перерезали бы!» И естественно, там начались бы физические разборки, потому что, если б его убили, подкрались бы и все ещё, неизвестно сколько, или подорвали, взорвали бы. В общем, там могли бы быть последствия. Поэтому что касается неуставных отношений, ко-

нечно, если это выходит за рамки, скажем, такого человеческого нормального понятия, что ты его наказал физически, а когда издевательства, моральное унижение и так далее извращённые какие-то поступки, то это, конечно, надо искоренять.

Но этого не было, да?

Ну, естественно, я не могу сказать однозначно, было это или нет. Но я думаю, что, конечно, всякое бывает, тем более война, но таких, чтобы какого-то извращённого... что-то такого я никогда не слышал.

А вот Вам такой вопрос: Афганистан – известная страна производителей наркотиков же.

Да.

Всё оттуда идёт большими партиями, большими потоками. Вот в то время эти наркотики были ли доступны для нашей страны?

Да, были доступны.

Были ли солдаты-наркоманы или просто «балующиеся»?

Я думаю, что... Я не знаю... (смеётся).

Ну, может быть, как средство для снятия стресса? Потому что постоянно же стрессовые ситуации.

Вот я хочу сейчас сказать... Как бы всё равно, наверное, сейчас уже можно сказать. Ну, во-первых, бывают праздники, Новый год и так далее. Водки, ничего, естественно, нет. Я помню, ребята ставили брагу. Я не знал, что такое брага. В огнетушитель наливали воду, чистили его, клали туда дрожжи, кидали туда конфеты вот эти, которые мы покупали, там польские и так далее. И потом закрывали, и вот оно там «играет» же, и вот она там мутная, как молоко, вода, и соны ішетініміз (пили) на праздники. Что касается наркотиков, то там наркотики... Афганистан – там антисанитария страшная! Там воды нет, чистой воды нет. Там вот эти ручьи, которые с гор бегут, они пока добегут, скажем, по всему этому пройдут, они там столько грязи, наверное, соберут! Вот, кстати, ребята, которые ездили за пленными, которых хотели забрать, они говорят: «Как было двадцать лет тому назад, так и осталось». Грязь, антисанитария – я их слова говорю, и там то же самое. Поэтому в отношении наркотиков я знаю, мне говорили офицеры, прапорщики там служили в частях срочной службы, они говорили, что афганцы курят анашу и принимают героин там... и так далее, для того чтобы не заболеть, чтобы дизентерии не было. Они мне так говорили. Солдат-наркоманов я, честно скажу, не видел. Ну, я слышал, что где-то вот ребята приехали там, продолжают курить и так далее, и так далее. Но я

знаю, что в Чуйской долине так и там растёт трава. Слышал, что ребята собирают там, привозят и так далее. Но нам выдавали тогда курить – это было тогда... каждый солдат. Не покурит... Тогда все курили. Солдатам выдавали «Охотничьи» сигареты без фильтра, а офицеры получали такую коробку – «Ростов», такие жёсткие коробки. И когда это приносили... Я помню, ящик приносят, и там – «Охотничьи», самые дешёвые они были, кстати. И смотрим, она, видать, где-то в сырости стояла – аж табак пророс (смеётся), табак вырос уже... Интересно вообще.

А вот в то время, когда наши солдаты там служили, были ли факты, когда солдаты переходили в ислам или становились более религиозными?

Да, были. Даже, помните, фильм был – «Мусульманин». Вот примерно...

Ну, он попал в плен, поэтому.

Да.

А вот просто он служит и переходит в ислам?

Там, да, я знаю, вернее, слышал, что один из ребят, беседа с кем-то из афганцев, вот так вот как бы встретился... Видать, с той стороны человек – имам, скорее всего, служитель мечети. И вот каким-то образом, видать, контактировали, и этот парень славянской национальности, он перешёл потом. Мне говорили, что перешёл туда, ушёл то есть. Его искали и так далее. А так, чтобы какое-то массовое... я такого не помню. Ну, вот эти двое украинцев, которые в плен попали, остались. Они вот прямо... – привезли фильм, нам показали – прямо сакал жіберіп (отрастил бороду), одежда вся... Это... у них уже семья, жёны, дети. И вот они... По тому фильму, когда они разговаривают, видно, что они как... Ну, как будто все! Видать, сознание поменялось абсолютно, они приняли веру, забыли всё – как в фильме, точно так.

Это они в плен попали и...?

В плен попали они, и там, видать, они, когда... Я вот примерно могу понять психологию человека, который попал в плен. Первое – это (не знаю почему – может, по фильму) если ты попал в плен, то всё: либо надо вырываться, либо надо бежать, либо смиренно наклонить голову. А если попадается человек, который видит тебя морально убитого, он начинает тебя обрабатывать и говорит: «Всё, давай оставайся». И естественно, с той стороны тогда была идеология показать, что война бесполезна – вот, даже переходят, принимают веру... То есть с их стороны была такая

идеология, пропаганда была, что вот он – приехал воевать и перешёл на нашу сторону, то есть бессмысленная война и так далее. Я так думаю. То есть такие моменты были.

Вот от нас воины-«афганцы» ездили, да?

Да, вот Союз ветеранов Афганистана, «афганцы» бывшие – ребята ездили. Они поехали туда, встретились с людьми, они повезли их туда, привезли в посольство этих двух украинцев, организовали встречу, сказали: «Давайте вот в аэропорту, – вроде как был так примерно разговор, – давайте сейчас обговорим и здесь оформим всё и вас увезём в Союз». Это же тоже был как бы резонанс, чтобы вернулись они. Но они говорят, что отказались, потому что тоже, видать, побаиваются.

Амнистия же есть.

Я так думаю, что, скорее всего, побаиваются, наверное. В молодом возрасте, в 18-20 лет попасть на войну и увидеть... Это не каждый, наверное... Сколько ребят, сколько... молодые ребята, 18-20 лет... И это, конечно, жизненный урок, который, наверное, второй раз не повторится.

Как часто были военные операции, как часто Вам приходилось в них участвовать?

А само нахождение там – там ведь такого не было, как вот завоевать, как в Великой Отечественной войне. Там было так. Например, там появилась где-то банда – всё, выезжаем. Там появились душманы – выезжаем. Я не скажу, что часто, где-то три-четыре раза, наверное, за всё время. А так в охране постоянно, часто были обстрелы. Когда сорокатысячная армия к Кабулу подходила, была серьёзная очень...

Последний вопрос. Вы, наверное, знаете, что правительством принято решение об отправке наших солдат в Афганистан. Вот как Вы к этому относитесь?

Четыре человека, говорят, да?

Ну, это да, на первом этапе.

На первом этапе. Ну, здесь, честно говоря, я не международник...

Сейчас просто воины-«афганцы» занимают принципиальную позицию... А как по Вашему мнению?

Я, честно говоря, побоюсь что-то сказать в этом плане. Почему? Потому что здесь идёт политика государства. Но, конечно, нежелательно. Почему? Потому что один уже урок есть ввода, скажем так. Как тоже пытались – сначала говорили, что войдёт только один полк, и так далее, и так далее. А когда уже ввязались, значит, сначала одну группу, потом чтобы эту груп-

местными бывшими полевыми командирами, которые привезли их в город Кабул, практически передали их нам. И мы долго беседовали с ними в нашем посольстве. Естественно, у них было желание вернуться, вернуться на территорию Республики Казахстан, потому что мы практикуем, практически 70 процентов, религию ислам. Они оба приняли ислам. Один – 100 процентов соблюдает все каноны ислама, второй – где-то 50 процентов. Мы предложили, допустим, их украинской стороне чтобы их передать, познакомилась с уполномоченным представителем в Исламской Республике Афганистан, впоследствии они встретились, были представители российского посольства. Они отказались возвращаться на Украину – по каким мотивам, я до сих пор не могу понять. То есть мы могли бы пригласить на определённый срок, чтоб они обратились в наши клиники для лечения, но государство наше не могло дать политическое убежище или ещё что-нибудь, гражданство, в этом отношении. Российская сторона им предложила Крым, Татарстан, но у них было принято решение остаться. Они живут там же на территории, там же дислоцируются, мы переписываемся, помогаем, в этом отношении. По нашим данным... Мы провели работу и установили, что некоторые уроженцы Казахской ССР на данный момент живы-здоровы – просто не хотят идти на контакт. Мы передавали просьбы матерей и членов семей, о том, что никаких репрессий не будет со стороны государства, потому что ещё при Советском Союзе была амнистия. Им преподнесли так, что во время правления периода Талибана они участвовали в ряде событий и они будут нести наказание по законодательству Республики Казахстан. Нами была проведена работа, мы объясняли им, что правопреемником законодательства СССР является Российская Федерация, мы, Республика Казахстан, не являемся правопреемником, во-вторых, они не являются гражданами Казахстана, они уроженцы КазССР, но не являются гражданами ИРА. Есть возможность вернуться, мы даже подготовили выписки из законодательства, чтобы их ознакомить. Менталитет определённый, над ними работают люди, то есть есть определённые моменты.

В принципе, мы знаем, в каких они провинциях находятся и над ними на данный момент работаем, у нас есть определённые люди, мы периодически выезжаем туда, нам помогает местное население, которое оказывает содействие. С кем мы работаем, мы им доказали, что наши принципы не являются – привезти человека на территорию Казахстана, чтобы он стал опять кафиром, как они раньше предполагали. Пожалуйста, у нас свободная страна: хочешь – приедешь, если хочешь, то, пожалуйста, возвращайся на территорию Исламской Республики. Были такие случаи,

когда ребята приезжали на территорию России, не адаптировались и обратно уезжали в Афганистан, два или три случая таких было.

Кого мы установили, что они живы, у них живы матери, близкие родственники, которые мечтают увидеть своих детей двадцать лет спустя. Ребёнок, он для матери остаётся ребёнком на всю жизнь. То есть нами проводится работа не только по живым, но и собираем информацию по погибшим, по останкам, по перезахоронению. Вот последний факт, вы сами присутствовали в отношении Зуева Алексея, то есть работа была проведена совместно с Комитетом воинов-интернационалистов, с Русланом Аушевым.

Знаете, что я бы хотел подчеркнуть? Самый значимый момент – у нас есть глава государства, где в одном из посланий он сказал: органы исполнительной власти должны совместно работать с общественной организацией. Наглядный пример: мне понравились действия акима Акмолинской области Кожамжарова – насколько он с душой отнёсся к этой проблеме, всё организовал. По роду своей деятельности мы сталкиваемся с недопониманием со стороны чиновников, которые занимают крупные министерства Республики Казахстан. Мне кажется, наоборот, рейтинг Казахстана, который в ТОП-50 стран... Должны понять, что рейтинг Казахстана поднимется в двести раз вверх – весь мир узнает, что Казахстану безразлична судьба его уроженцев. Я не буду фамилии называть тех, которые к нам отрицательно относились, к нашим командировкам, экспедициям. Я хочу подчеркнуть имена тех людей, которые понимали, в первую очередь сотрудников центрального аппарата «Нур Отан» – они принимают эту боль как свою и они учитывают, что они оказывают содействие в организации экспедиций, хотя эти экспедиции не финансируются государством. Хотя было бы неплохо, если бы государство участвовало в этом проекте, выделяло какие-то средства, потому что мы общим делом занимаемся. Мы занимаемся поиском останков и поиском живых уроженцев КазССР, которые, я понимаю, что при первой возможности примут гражданство Республики Казахстан.

Если взять Российскую Федерацию, то там Российская Федерация активно участвует в этом проекте. Здесь с нашей стороны было бы неплохо, чтобы дошло до первых руководителей, если бы проблемы возникали, то оказывали бы какое-то содействие в этом отношении. Когда начинаешь говорить, засылать письма... Даже есть одна фраза одного чиновника, что «чем вы занимаетесь? Ерундой вы занимаетесь. Двадцать пять лет прошло – вы бы чем-нибудь другим занимались». Это говорит о том, что человек... Я не знаю, как он прошёл отбор, занимает... Должностное лицо Республики Казахстан... Если у него с его уст сходят такие фразы, то ему уже давно пора уйти с занимаемой должности. Кто был бы действительно патри-

от – и который бы смог доводить послание нашего главы государства до реальных действий... Аким Акмолинской области как отнёсся по Зуеву, не только в моём лице, а в лице ветерана! Он очень молодой – с какой болью отнёсся и организовал перезахоронение. Вот этот человек действительно не только поддерживает имидж, а несёт его вверх.

У нас сейчас есть ряд программ на лето по экспедиции – надеюсь, мы принесём какие-то положительные результаты. Мы передали российской стороне двадцать образцов крови, активно работает Союз ветеранов Афганистана, возглавляемый Утегеновым Шарипом, в этом отношении – сотрудничает с российской стороной. Также хотел подчеркнуть – к сожалению, имена буду называть, афганские товарищи, которые активно помогают нам, оказывают содействие в сборе информации (это же страна неординарная), предоставляют нам информацию, где, кто и как, где они сейчас находятся. Мы недавно должны были вылетать по определённым данным о нашем уроженце, КазССР, живом. Уже в принципе готовили встречу, но потом оказалось, что он каракалпак, призван с Узбекистана. Мы передали его узбекской стороне, не знаю, будет она им заниматься или нет. Мы не то чтобы хладнокровно отнесли, что – вы не уроженец КазССР, в Узбекистан! Мы были готовы оказать содействие. Мы и так много что для них сделали, но дальнейшая судьба – неизвестна. Мы приглашали Урустемова, он тоже приезжал, давал показание, кого он видел, приезжали матери, родственники погибших, кого он мог опознать. Предположительно имя Канат (с фильма «Тайна лагеря Бадабер»), это, возможно, был уроженец Алматинской области, но проблема в чём – в том, что фотографии большой давности, где ребята молодые фотографировали для военного билета. А со временем человек обрастает и тяжело человека опознать. Единственный момент – лица, которые перешли на сторону моджахедов по определённым моментам – были ранены, контужены, со временем остались у моджахедов, – которые приняли ислам, их поиск вести немного легче, потому что местное население знает, что он шурави, независимо – казах ты, узбек, – бывший советский солдат. Но к ним очень уважительное, почётное отношение, потому что они, сто процентов, мы сами видели, они приняли ислам. Это всё-таки не игра, как они читают намаз и какое у них отношение к исламу, какое отношение у местных к ним.

Отдельные граждане Афганистана оказывают Вам помощь в поиске, а со стороны официального руководства Афганистана есть какая-то помощь, понимание этой проблемы?

Я так скажу, был такой доктор Абдула, он зампреда афганской горбезопасности. У него было понимание, но он трагически погиб – его

взорвал террорист-смертник. У них своих проблем хватает. Если на официальном уровне выходят – допустим, посол наш, – могут, у них что есть в устаревшей базе данных, поднять, что-то посмотреть. Но я не скажу, что у них база данных сильней, чем наша. Мы сторонники того, чтобы нам оказывали содействие бывшие моджахеды (были полевыми командирами), с которыми мы тесно общаемся. В наших отношениях нет враждебного настроения, мы друг другу помогаем. Они нас очень хорошо встречают, они к нам приезжали в гости неоднократно. У них с нами есть взаимопонимание. У нас нет каких-то старых обид. Они первоначально не понимали наших задач – теперь поняли. Они помогают нам по сбору информации, месторасположению, прошениям. Это тоже неспроста, если человек живёт 20 лет в провинции и там есть влиятельный человек, то нужно с ним разговаривать, договариваться. Человек под страхом, он не хочет ехать, он не хочет встречаться – до него надо донести, что не будет никаких последствий – приезжай в Кабул. Это тоже большая работа. В процессе мы ему объясняем, что никто принудительно никого не заставит сесть в самолёт, прилететь в Казахстан. Мы доводим, что «у тебя остались родственники, прошло 25-30 лет, у тебя осталась мама, у тебя осталась сестра, у тебя остался брат, которые хотят тебя увидеть». Говорим: «Почитай, посмотри, узнаёшь или нет? Хочешь вернуться – мы окажем содействие. То есть мы будем ходатайствовать о предоставлении тебе сертификата о возвращении на родину». Очень хорошее понимание нашего посольства, которое находится на территории Афганистана, они понимают эту ситуацию, готовы в любое время оказать содействие. Официально, если человек хочет поехать – пожалуйста, съезди, посмотри и прими решение. Никто не собирается устраивать дополнительные вопросы – что ты делал, что ты не делал. Кстати, у них на данный момент очень развито спутниковое телевидение – я не могу сказать, что они отсталые. Бывают, конечно, некоторые провинции – до сих пор глиняные кишлаки, лампы дореволюционные. Можно сказать, что люди в Кабуле, Герате идут со временем в ногу, я б не сказал, что они не знают ситуацию политическую, которая на данный момент в мире находится.

Наши сограждане владеют информацией о том, что сейчас происходит в Казахстане?

Я считаю, что да. Почему? Потому что буквально два года по одному работали, я сто процентов отвечаю, что он живой, нам готовили встречу, но в последний момент он отказался, и до сих пор не понятно, по какой причине он отказался, что побудило его отказаться, какие моменты? У нас есть определённые догадки, которые... я не хотел бы говорить это в

интервью. Если я должен что-то сказать, я должен предъявить какие-то факты. По нему проведена была великолепная работа, по возврату его на историческую родину, были готовы документы, доказательства – полностью всё. Наше посольство было готово его встретить, выдать соответствующие документы, было согласовано с органами исполнительной власти Кабула, Министерство иностранных дел – всё было подключено. У нас было договорено с полевыми бывшими командирами, что он прилетает на территорию Казахстана на двадцать дней – в сопровождении одного из них, потому что он был из глухой провинции, и весь Афганистан развит, это великолепная богатая страна, я ещё раз говорю. Он приезжает и смотрит, принимает сам решение, хочет остаётся, возвращается, берёт свою семью. Мы готовим соответствующие документы тоже официально, раз он соглашается принять гражданство Республики Казахстан, его семья автоматически принимает. Соответственно, где он будет жить. Было решено, что один аким района передаст им безвозмездно свой дом для проживания там с семьёй, то есть первоначально. И ветераны, которые сейчас занимаются бизнесом, которые неплохо стоят на ногах, которые... – были определённо готовы выделить ему определённые средства, матпомощь. Понимаю, для него была бы адаптация, потому что они сейчас говорят на дари. Я ещё раз повторяю, первоначально, когда мы только начинали, было недопонимание, потом, когда люди приезжали на территорию Казахстана, они понимали, что Казахстан – это великолепная страна не только для проживания, но и для введения бизнеса. Многие местные афганцы говорили им: «Такой шанс не упускайте, мы там были, в Казахстане, это великолепная страна, это ваша родина». На территории Алматы, в Каскелене живут много афганцев, они себя великолепно чувствуют, они не хотят назад. Но почему-то он отказался – для нас это загадка.

Будете ли вести над ним работу дальше?

Понимаете, не только по нему, конечно, мы ведём работу по любому человеку, независимо, уроженец он какого государства – Казахстан, Узбекистан, Украина, всех стран СНГ... То есть какая ситуация: если человек «всплывает» из Украины – мы подключаем украинских ребят, его мнение тоже надо учитывать, потому что они в основном все приняли ислам. Последняя тенденция, что в основном они хотят в Казахстан.

Даже если они уроженцы Украины?

Совершенно верно. То есть некоторые моменты (пусть наши однополчане с Украины не обижаются!)... В первую очередь – к их мнению при-

слушиваться. Никто не хочет ворошить старое – по каким критериям он попал в плен: добровольно он сдался? были обстоятельства? Урустемов объяснял, что у него неуставные были взаимоотношения. Есть лица, которые сбегали... – то, что были проблемы в гарнизоне. Некоторые были контуженные, раненые. То есть ряд разных обстоятельств, как ты попал в плен. Никто не собирается ворошить старое. Наша задача – поехать, объяснить, что есть возможность вернуться. Если есть желание вернуться на родину, возвращайся, откуда ты родом. С РФ – в Россию, с Узбекистана – в Узбекистан, с Туркменистана – в Туркменистан, с Казахстана – в Казахстан, Украина, Белоруссия... Пожалуйста! Единственный вопрос, если он хочет в свою родину, мы соответственно помогаем установить контакт с органами того государства, в которое он хочет вернуться, если он желает вернуться, может быть, подключаем общественную организацию, потому что общественные организации более коммуникабельны. Были ситуации, что они приезжали к нам, пролечились, посмотрели всю ситуацию и возвращались обратно. Им самим принимать решение. Я стараюсь им объяснить, что принудительно никто никого не тащит, чтобы там выкрасть, там тридцатое. Были такие слухи, что мы втайне от человека вывозили его в государство – это просто кинокомедия, это смешно! Афганские органы тоже работают. Никто не совершает преступлений, похищений. Как они нас обрисовали, что мы пытались незаконно вывезти человека из Исламской Республики Афганистан, что это такая тайная операция, как траковали! Никто так не делал, уже другие времена, у нас развит Интернет, скайп, и уже люди знают, что творится в этом мире.

Скажите, на данный момент все места захоронения наших солдат установлены?

Нет, не все. Российская сторона установила ряд мест гибели десантников, единичные случаи всё-таки всплывают. Большое значение... благодаря Союзу ветеранов, Шарипову Утегену, передали образцы крови всех уроженцев КазССР. Российская сторона устанавливает по этой крови ДНК, то есть погибшего. И так определили ДНК Зуева, это сто процентов совпало, и захоронение прошло. Мы обеспечили... кровью признанных уроженцев КазССР, которые числятся в списке без вести пропавших. На одиннадцать человек уже сократился, потому что установлено, что они погибли, а остальные так же без вести пропавшие. Ходят слухи, через Красный Крест – они вывезли их в Пакистан, с Пакистана... они проживают в Америке, во Франции. Есть люди, которые показали, что они видели – в таком-то году он был в лагере там-то, но это на уровне слухов. Мы делаем официально запросы – пока нет инфор-

мации. У нас есть информация, что семь человек приняла Канада в своё время, Франция, США приняли по линии Красного Креста – они попросили при Союзе убежище. Снимался документальный фильм, показывали двух уроженцев России, они сейчас в Торонто. Был снят фильм ещё при Союзе, в 90-х годах. Эти лица не входят в списки без вести пропавших, потому что они установлены. Они могут, соответственно, приехать, нет никаких санкций. Если, конечно, они особо тяжкое преступление совершили, которое там доказано или нет, – то, что касается прохождения их службы на территории Афганистана, – была амнистия. А если у него было связано с Талибаном, то это другая история.

У Вас сейчас тесные контакты с российской стороной по проведению совместных мероприятий, операций по возвращению, по поиску. Скажите, а есть ли с другими странами такие же взаимоотношения?

Нет. Пытаемся, но таких тесных отношений, как с РФ, у нас нет. Потому что мы с ними понимаем хорошо, они дают нам свою базу данных, мы – свою, то есть мы обмениваемся информацией, оказываем друг другу содействие. Выезжает их группа, мы оказываем содействие, какую мы собирали базу данных. Мы выезжаем – они оказывают нам. У нас нет с ними соперничества, не «тянем одеяло на себя», чтоб не передавать базу данных. Допустим, у нас на каких-то участках более тесные отношения с местным контингентом, если у них нет определённых контактов, то мы передаём их. Они там отрабатывают версию, ситуацию. То есть с российской стороной у нас великолепные отношения. Это большое значение имеет, как глава государства поставит. Если на уровне двух президентов есть понимание, то у нас тоже великолепное понимание.

А вот с ближайшими соседями с Кыргызстаном, Узбекистаном?

У нас есть отношения с Союзом ветеранов в Кыргызстане – очень сплочённый союз, в количестве около пяти тысяч, на территории Кыргызстана они много чего сделали. Если взять последние события, были подготовлены два батальона, которые оказывали содействие в охране общественного порядка, наведении порядка в событиях после революции, в защите Белого дома. У них очень развита общественная организация. Поисковую операцию по Афганистану? По мере возможности... Пока идёт у них становление государства, наверное нет. Но если у нас по базе данных проходит, то мы безвозмездно передаём кыргызской стороне, оказываем содействие в ряде вопросов. У нас есть ряд тесных отношений с Кыргызской Республикой.

С Узбекистаном пока таких контактов нет?

С Узбекистаном пока такого сильного контакта нет. В Туркменистане у нас вообще нет контактов.

Если брать процентное соотношение погибших за весь период войны – на первом месте уроженцы России. Второе место уже у Узбекистана?

Совершенно верно. Очень большое количество, и в том числе без вести пропавших. В одной из групп, которые с нами работают, это бывшие воины-интернационалисты, которые перешли на ту сторону. Которые свободно владеют русским и дари языками, которые нам оказывают содействие. Он там проживает, у него там семья, хотя он уроженец Узбекистана, он себя великолепно чувствует на территории Афганистана, занимается определённым бизнесом, оказывая нам содействие по сбору информации. Он хорошо знает районы, менталитет людей. Конечно, не он один с нами работает. Достаточно много людей, которые нам предоставляют информацию, как быстро и чётко нам сработать. Где-то они у нас запрашивают помощь в материальном направлении, продуктах питания. Мы, конечно, отправляли. Сама по себе Республика Афганистан, она очень интересная. Она богатая страна. Я знаю, что некоторые граждане Казахстана открыли там компании, делают там бизнес. У нас открыта Торгово-промышленная палата в Кабуле – обеспечивает зерном, дизтопливом. В этом отношении есть интересный двухсторонний бизнес. В прошлом году государство Исламской Республики Афганистан выделяло гранты на места обучения в военных заведениях и гражданских. Я думаю, что к концу года у нас будет какой-то результат. Конечно, если к этому проекту подключится государство, было б великолепно.

Какую помощь Вы бы хотели получить от государства? Может быть, СМИ, телевидение могли бы помощь оказать?

СМИ – это очень хорошо, благодаря им, благодаря вам некоторые моменты доходят до людей, до государственных чиновников. Если бы не вы, никто не знал бы о перезахоронении Зуева, об участии общественных организаций. Хотелось бы, чтоб со СМИ быть в тесном контакте. В России как-то это у них даже есть передача «Звезда», военный канал, там публикуют. С нашей стороны тоже хочу, чтоб решили эту проблему. Это ведь проблема государства, это ведь не за рейтинг, а за уроженцев Казахстана, если поднимаем всю историю, если Республика Казахстан бьётся за своих уроженцев. Ни одно государство так не делает. Мы смотрим фильмы США – они там за каждого гражданина готовы отправить целую

флотилию, чтоб водворить, доставить его на территорию США. Мы тоже так хотим. В нашей группе находятся не только воины-интернационалисты, но и другие категории людей, которые понимают эту проблему.

Есть ли в Вашей группе представители религии, ислама?

Да, есть. У нас выезжал один человек, он нас консультировал, устанавливал контакт в Исламском государстве. Сейчас он с нами тесно сотрудничает. У нас все волонтеры, мы всё сами, за свои денежные средства осуществляем все поездки, все материальные затраты – нас не субсидирует никто.

Вы говорили, что партия «Нур Отан» относится к Вам с пониманием. В чём это выражается?

В административном ресурсе. Они понимают то, что они могут соответственно ускорить визы. В принципе я от партии «Нур Отан» никогда не встречал недопонимания – им надо отдать должное, что они понимают эту ситуацию. И они искренно говорят: «Чем мы можем помочь?» Мы им говорим. Вот Сегдалин Карас, он сам человек военный, ему тоже – должное отдать. Когда с рядом вопросов идут, он очень хорошо относится.

Мы очень хотим, чтоб к концу года был определённый результат. Вернуть всех мы, знаю, не можем. Если факты будут, что они сто процентов живые, мы постараемся вернуть. Если они захотят – на территорию нашего государства. В этом отношении надеюсь на наше государство – быстро предоставить им гражданство, все права. В этом отношении нашли бы понимание – соответственно, предоставили все соответствующие документы, в соответствии с законом о предоставлении гражданства Республики Казахстан, если они захотят. Им и членам их семей.

Фамилия Имя Отчество	Абдильдин Ержан Чапаевич
Национальность	Казах
Год рождения	1965
Годы службы	1984-1986
Место службы	Провинция Бадахшан
Занимаемая должность во время службы	Пулёмётчик

Скажите, пожалуйста, в какой период Вы проходили военную службу в Советской армии?

Я призвался с Костанайской области, с города Аркалыка в пограничные войска 84-м году, весной. Попал в город Зайсан, на китайскую гра-

ницу. Первые два месяца служил в Зайсане, проходил подготовку. Потом нас переправили в Отар (Джамбульская область), там готовили нас в Афганистан. Полгода проходил учебную подготовку по специальности «оператор-наводчик БМП (боевой машины пехоты)». И потом, через полгода обратно нас отправили не в Афганистан, а в Зайсан. Там прослужил ещё полгода на китайской границе. Был там на заставе, служил полгода, был поощрён в отпуск, – поймал нарушителей Государственной границы. Потом, через год нас всё равно направили в Афганистан, по желанию, не заставляли. Попал в провинцию Бадахшан, служил там в мотоманевренных пограничных войсках в качестве пулемётчика. Ну, участвовал в боевых операциях, охраняли ущелья, в горах которые, сопровождали колонны, с границы встречали до города.

Вы говорили, была первичная подготовка полгода. Была она достаточной по прибытии в Афганистан?

Ну, нас там день и ночь почти готовили. Знали всё равно, что мы в Афганистан попадём. Стрельба, боевая подготовка всё это проходили. Когда через полгода отправлять начали, нас почему-то отправили в Зайсан. Но всё равно мы знали, что когда-нибудь попадём в Афганистан, через год.

Какие были представления о предстоящей службе?

Ну, как... Когда пересекал границу, немножко жутковато было, война есть война. На войне воздух даже холодный бывает летом, у людей суровые лица. Молодой солдат, но кажется, что он больше нас служит.

Были такие, которые отказывались служить в Афганистане?

Ну, нас когда с города Зайсан отправили, ну, как... Собрали нас когда (группа пятьдесят человек где-то), построили нас. Командир части: «Кто не хочет, может остаться не буду заставлять. Но кто струсит там, на войне, сам привезу сюда и по военным законам буду судить!» Он нас так предупреждал. Но из пятидесяти человек никто не вышел, потому что не принято.

А у вас было желание служить в Афганистане?

Желание было, но с одной стороны, страшновато было. Мамка дома, отец, братья, сестра, я самый старший дома. Я год когда там служил, я домой не писал, что в Афганистане служил. Приехал, только тогда узнали. Еще мы когда выходили в горы, на засаду, сопровождение колонны, на всякие задания, главное – в плен не сдаваться. Один патрон для себя всегда, чтобы не сдаваться в плен.

Как они обращали с пленными?

Обращались с пленными, с нашими солдатами страшно. Издевались, убивали, глаза выкалывали, уши отрезали. На ишака сажали пленных солдат, кишки вытаскивали, во внутрь мину заталкивали и отправляли к нам.

В целом, взаимоотношение с местным населением какое было?

У нас там находился гарнизон. В месяц 2 раза ходили мыться, баня там у них есть. Возле гарнизона кишлаки были, нам было запрещено разговаривать с местным населением. У нас были войска КГБ, которые находились на территории Афганистана. Была жесткая проверка, а так афганский народ уважал наших солдат.

В ходе подготовки на воинскую службу в Афганистане, доводилась ли информация об этой стране, об его населении, традициях, языке, о культуре?

Нас учили. Их традиция «не здороваться с женщинами», у них там непринято здороваться с женщинами и оскорблять их.

Расценивали ли Вы предстоящую службу в Афганистане как позитивный шаг в Вашем будущем карьерном росте?

Нет. Мои родители не знали, что я в Афганистане. Я не писал даже домой. Может, такое время, закон такой, устав такой был. Защищать родину, выполнять приказ, достойно прослужить. Я на границе когда служил, имел уже награды. Поймали с китайской стороны нарушителя границы. Был поощрен в отпуск.

Соответствовало ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

Я когда служил, тогда вышло новое обмундирование. Питания не было, как дома хлеба не было, сухой пайёк. Спали мы в окопах.

Скажите пожалуйста о потерях советских военнослужащих?

Именно с моего взвода двое парней погибли. Одно снайпер пристрелил. Перед дембелем, когда я уходить домой собирался, с России одного парнишку тоже, я даже имя его помню, Михаилом звали.

А Вы сами были ранены?

Я контуженный.

Сможете сказать о количестве потерь афганских мятежников?

Я точно не могу сказать. Группа, которая с нами воевала около трехсот человек.

Уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск?

Отношения нормальные были.

Как часто были совместные операции?

У нас постоянно совместные были. Среди нас их было 30-40 человек, целый взвод.

Как Вы оцениваете моральный дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

Они очень хорошо обучены, ничего не боятся. Их готовят с малых лет. Они на все способны. Когда пленных охраняешь, смотришь же за ними.

Как часто происходили конфликты между советскими военнослужащими и местным населением?

Я даже не знаю, не было такого.

Как относились к вновь прибывшим солдатам старые военнослужащие?

У нас дедовщины не было. Молодых мы обучали. Когда первый раз попадаешь, то ему тяжело, питание плохое.

Учитывалась национальность и религиозная принадлежность советских военнослужащих при направлении в боевые части?

Нет, такого не было.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций? Проводились ли какие-либо программы?

Я когда приехал с армии, нас каждый месяц обследовали. Нас проверяли, насчет здоровья интересовались.

Доступность наркотических веществ в Афганистане? Степень распространения употребления среди военнослужащих?

Наркотики в любом месте можно достать. Меняли на что-нибудь между собой солдаты. Употребляли, с одного взвода половина, наверное.

Меры, предпринимаемые командованием по пресечению данных негативных фактов?

Они же не показывали. За это можно даже под трибунал.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную государственную помощь как бывший воин-интернационалист?

Знаете, 10 тысяч получаем от государства. Этого недостаточно. По городу бесплатный проезд, например, если я поеду в другой город, то я не могу бесплатно ездить. Можно же сделать так, по Казахстану хотя бы. Ветеранам войны тоже так можно сделать. Я в Костанай поехал, я не знал, что за проезд платить надо. Ветеран Войны платит за проезд, это вообще... С городского бюджета выдают четыре тысячи, с республиканского по десять тысяч.

До 1991 года было все по другому?

По другому было.

Какие изменения?

Я за электроэнергию не платил, за телефон не платил, за коммунальные услуги не платил. Один раз в год давали деньги на самолет, поезд по всему союзу, в один конец и обратно. На поезде, на самолете бесплатный проезд, как талоны. В военкомате получали. Давали путевку в санаторий. За все это не платил тогда, вообще не платил.

Как часто вы ностальгируете по военной службе в Афганистане?

Я постоянно вспоминаю. Я когда домой ехал, 16 дней я был в дороге. Иногда дома лежу и вспоминаю, всех собирали в кузов машины сажали. Первое время, когда приехал в Афганистан, смотришь на людей в гарнизоне, самолеты прилетают, улетают... Первый день интересно все. Высаживают кого-то, кто-то уходит, забирают куда-то. Во время войны даже летом воздух кажется холодным. Лица у солдат суровые.

Домой когда ехал, границу пересек, там какой ужас, а здесь тишина.

Испытываете ли желание вернуться в Афганистан, если да, то в качестве кого?

Я не знаю, такого желания не было.

Во время прохождения службы в Афганистане были ли случаи принятия отдельными солдатами ислама? Или переход в данную религию?

Нет, такого не было.

Или они переходили, когда в плен попадали?

Я даже такого представить не мог. Я сам намаз читаю, уже седьмой год.

Когда в горах стоишь на точке, смотришь вниз, а там кишлак. Слышно оттуда, когда идет призыв к молитве, но мы знали, что они мусуль-

мане, что мы мусульмане, в то время нам важнее была воинская служба, родину защищали.

Как вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане? Роль влияния на нее фактов присутствия войск НАТО? Нужны ли они там?

Нужны, кажется.

Являетесь ли вы членом какой-либо общественной организации, представляющие интересы воинов-интернационалистов?

Союз ветеранов афганской войны г. Астаны.

Оказывает ли данная организация материальную помощь?

Ну, нас отправляют на встречи с ребятами в школу. Мероприятия спортивные проводим.

Считаете ли вы что общество и государство защищает бывших воинов интернационалистов?

Государство не должно нас забывать. Тогда нужно было защищать родину. Я готов был умереть, чтобы не сдаться в плен. Если живой попадешься, если живой попал, то все уже... Патрон берем, например, порох высыпаем из него. На бумагу записываем фамилию, адрес, номер боевой, закручиваем бумагу и ложем в патрон. В каждом кармане такой патрон лежал. Вдруг голову оторвут, не узнают же кто ты... Внутри кармана был записан номер военного билета.

Считаете ли вы себя жертвой советской политики или политики современного государства?

Я не считаю.

О своих боевых наградах можете рассказать?

За службу на границе, за военные заслуги и юбилейные. Эта награда участника афганской войны.

Фамилия Имя Отчество	Атабаев Мерхат Галиакбарович
Национальность	Казах
Год рождения	1967
Годы службы	1985-1987
Место службы	Поли-Хумри,
Занимаемая должность во время службы	Старший механик

В какие годы Вы проходили срочную службу в Афганистане?

С 85-го по 87-й год, с октября. Призывался в октябре вообще, в ноябре я был уже призван в Вооружённые силы, в учебный центр. Сперва я был в Отаре полгода. С Отара я был уже отправлен.

Предварительно военная подготовка была?

Да, да, подготовка была. Даже до армии нас сперва готовили возле Алматы, в Байсерке, с парашюта прыгали. Сперва там готовили два месяца, потом в учебном центре дивизия стояла. Там на механика учили на зенитно-самоходной установке, называется «Шилка». Там четыре ствола, вот она есть – зенитная установка. В Афгане её называли шайтаном. Это такая техника – при стрельбе с одного ствола за секунду выходили 16 снарядов. Отдача одного ствола – семь тонн. Там «Шилка» сама весит 24 тонны. Отдача четырёх стволов – где-то 24 тонны. Она такая скоростная была в то время! Такая техника.

Потом, после «учебки» я уже через Ташкент на самолёте, попали в Кабул. Там с Кабула – в Кундуз, с Кундуза – уже в Поли-Хумри. Там – в зенитный дивизион механиком зенитной установки. Вообще взвод назывался огневым взводом. Мы выходили на караваны. Личная охрана командира полка. «Шилка» вообще была именно охраной командира полка. Выходили с разведкой всегда на караван. Там ещё много было выездов.

Вы знали о предстоящем направлении Вас в Афганистан?

Вообще говорили, даже после школы, после экзаменов, перед армией, перед призывом, когда готовили два месяца к десантникам. Вообще 280 человек нас было. В Байсерке нас кидали с парашюта уже. Потом, уже после этого, когда в военкомат нас призвали, сказали – команда «20-А». Мы-то не знали, куда. Ну, уже когда в Отар попали, сказали точно – идём в Афган, мы-то не знали, что такое Афган.

Какие у Вас были представления о предстоящей службе?

Если честно, в то время для нас армия была – престиж. Каждый мужчина должен был пройти это. Когда я лично сам призывался, я радовался. Когда уже в Ташкенте увидели дембелей, которые ехали с самого Афгани-

стана обратно домой... Они нам рассказывали, как и что... Даже характер у нас менялся вообще – уже как-то готовились. По прибытии само собой уже начали это всё.

Учитывалось ли военным командованием желание военнослужащих служить в Афганистане?

У многих было. Некоторые рапорт писали.

Отказывались?

Нет, наоборот, туда хотели. Если честно, я ни одного не видел, который отказывался. Может, были, но я не видел.

Считали ли Вы свою военную подготовку достаточной к службе в составе Ограниченного контингента советских войск в Афганистане?

Вообще, да.

Были ли Вы и другие военнослужащие информированы о причинах присутствия советских войск в Афганистане?

Знаете, если честно, я как призывался в армию, как нас готовили, я знал только одно – приказы я должен выполнять. В остальное я никогда не вмешивался, потому что нам приказывали, мы выполняли и всё. Мы не могли обсуждать – нам только приказывали. Даже, если честно, мы не имели права это обсуждать – почему нас сюда отправили, почему и как? Я дал присягу родине, вот и выполнял этот приказ.

Что-нибудь Вам говорили о военной миссии советских войск?

Конечно, было, иногда разговаривали – за что и как, почему. Ну, а когда война идёт, у нас было только одно – лишь бы «духа» завалить, который валит наших. Потом нам там кассеты показывали. Когда мы в Афган в первые дни попали, нам показывали кассеты, как наши в плену, психологически так и так полностью готовили. Были разные мнения, конечно.

Испытывали гордость от предстоящей военной службы в Афганистане?

Да. Для меня это была гордость, что я еду родину защищать. Для меня было так, потому что у меня отец был участником войны. В Курске отец попал в плен, потом он в Америку сбежал оттуда. Потом через Охотское море, через Японию он сам как-то выбрался оттуда. Когда отец рассказывал насчёт войны... Да, у меня отец воевал. Для меня это была гордость.

Были дискуссии или споры между солдатами об оправданности войны?

Да, были, это всегда же. Бывало, да, спорили. Было, ни за что парни умирают. наших пацанов там много осталось. Мы должны были на дем-

бель уходить. Где-то двадцать с чем-то парней, из них пятеро остались там.

Нас было трое с Казахстана. С Караганды был Дюсембеков Нурлан. Он сейчас на пенсии, бывший военный. С Талдыкоргана мы призывались, Кабанбаев Ертай и я. Как у нас, там у нас был дембельский рейд. До дембеля я должен был технике научить непосредственно молодого. На войну, на караван, причём чтобы страха не было. А так молодых мы сразу не пускали. Я сам такой же был когда-то. Я молодым призвался, нас первыми двумя-тремя рейдами просто учили – даже если стрельба, нас никогда вперёд не пускали. Старослужащие, которые прошли год, полгода, они всегда шли первые. Мы только учились, смотрели как. Пока я приехал, наши уже все уехали. Только вот Ертай Кабанбаев остался. Вот, земляк, мы вместе приехали – вместе уедем.

Как раз в последнем рейде (у меня день рождения как раз 28 октября)... В ноябре мы уже должны были демобилизоваться. Наши призывы ушли, нас осталось только двое, а ещё Руденко, с России парень. Он на зиле наши снаряды возил. Вот мы с Руденко выехали. Оказывается, по радиации передали, что нашу «Шилку» разорвало. Когда уже в отстойник приехали, в часть заезжаем, Ертай с криком плачет: «Я думал, что ты умер!» Какой там, нормально заехали. В общем, сутки плакали все, и молодые. Нормально, хорошо встретили все. Через дня четыре уже домой отправили.

Бывает, некоторым не повезло. У нас один пацан был с Джамбула. Он на посту стоял перед дембелем, его там же убили. Вот он там остался. Потом мы должны были все вместе выезжать.

Скажите, пожалуйста, в ходе подготовки к службе доводилась ли до советских военнослужащих информация об этой стране? О её населении, традициях, культуре?

Да. Я вам как скажу, когда в Союзе в учебном центре были, мы этого пока не знали. Вот когда уже попали в часть, нас там замполит части, он это всё... уже инструктировал полностью. Перед первым выездом на боевые действия мы уже знали традиции. Насчёт традиций, вы знаете, в некоторых местах похожи на наши. Конечно, там было строже, мусульманская страна. В общем, много чего было, и традиции, и не только афганцы.

Афганцы делятся на две части. Есть пуштуны, и афганцы есть. Пуштуны – это горцы, а горцы, они более жёсткие, они – кровь за кровь. Например, или там на трассе сына задавят (иногда бывает, когда вот едешь по этим кишлакам, иногда бывает, что маленькие дети, пацаны нечаянно – под машину). Вот этого водителя в живых не оставляют. Если он был

пуштун, то всё. Мы себя называли мечеными. Нас даже там прятали. Бывало так, что мы прятали даже своих, чтобы его... хотя до дембеля. Бывало, что всё равно пристреливали. Всё равно бывало так. Афганский народ очень воинственный. Во-первых, у них очень жёсткие традиции, слишком жёсткие традиции. У нас, например, пристрелят кабана или животное – мы можем спокойно разделать и кушать его потом. У них нет такого. Пуля попадёт в барана какого-нибудь – они его не кушают. Они обязательно должны зарезать, чтобы кровь пошла, уже после этого только.

При отборе в состав войск Ограниченного контингента каким национальностям отдавалось предпочтение? Было ли такое?

Я вот, если честно, не знаю. Бывало, что бывало... Делили, что-то я слышал такое. Нас, казахов было много, я точно знаю. Азиатов очень много было. Потому что с Союза (сейчас говорят – СНГ), ну полностью со всего Союза всех забирали. Казахов много было, украинцев, всех. У нас, например, где я служил, все нации были, полностью. Но азиаты наши, с Азии... Я вот могу гордиться, что казах или киргиз, – нас во многом отправляли в горы. Мы были выносливы. Серьёзно, мы очень были выносливы. Один раз было такое, что у нас целый батальон пехоты остался в горах без воды, на трое суток они остались. Они когда там были, их окружили, и не было доступа к ним. Разведка ходила, и так, и так... Тогда у нас был отбор именно мусульманский – азиаты двадцать человек. У нас были резиновые ведра, мы туда – воду, и только азиаты. Прошли через щели, через которые вообще – никто. Отборные, как я, среднего роста, не такие рослые, именно вот такие – среднего роста и худощавые все. Вот мы действительно прошли. Там были такие места – иногда мне не верят. Но мы прошли и воду туда отнесли.

Оценивали Вы предстоящую службу в Афганистане как позитивный шаг в Вашем будущем карьерном росте?

Нет, я тогда не думал. Тогда что мы – молодые, 18 лет. Разве что-нибудь подумаешь? Самое первое, когда я туда призывался, я самое первое думал – освоить технику ещё лучше, чтобы в живых остаться. Тактику войны хотел конкретно знать, где и как себя вести. Пока научился, уже полтора года прошло, даже больше года уже прошло. В то время же была партия – коммунисты, да, я там уже был, что-то нам писали, когда вперёд шли. После армии звали в органы и туда звали, но я сам после армии ещё работал военным. Где в учебном центре с Отара призывался, там же ещё после армии работал. Мы готовили там парней на границу с Таджикистаном – ночные действия, дневные действия... Помогал там.

Были среди военнослужащих корыстные побуждения, контрабанда, наркотики?

Как Вам сказать, я про своих друзей не могу сказать, что у кого-то были корыстные цели. Лично где я служил, я не могу такого сказать. Может, были в других. Я точно не знаю и не слышал даже. Ну, бывало, знаете, люди все неодинаковые, разные. У человека каждого психология очень разная. Но там, в части нас учили, чтобы психология была одинаковая. У каждого человека по-своему происходило это.

Как происходила адаптация военнослужащих к новым условиям военной службы?

Очень трудно. Например, в Отаре летом жарко, а зимой очень холодно. В Афгане вообще зимы не видел. Только вот, когда через Саланг шли, снег видели там. Был снег, конечно, в Хумри, но не так уж, чтобы как мороз. Но жара была у нас. Мы уже в Отаре уже были адаптированы. Мы же азиаты. Я, если честно, уже был готов и на жару, и на холод. Без разницы было.

Соответствовало ли обмундирование наших военнослужащих военным условиям?

Соответствовало, если честно. Обмундирование, оружие. У нас вообще все чётко было.

Изменилось ли Ваше мнение о необходимости присутствия советских войск в Афганистане?

Это уже прошлое. После армии – да, изменилось, потому что много друзей там осталось. С одной стороны, иногда думаю – приказ же не обсуждается, а выполняется. Если бы я был в офицерской должности, может, что-то... Я же рядовой. Я не имел права что-то обсуждать. Просто выполняли приказы и всё. Так после армии, конечно, думали – зачем пошли? Потом после с Афгана приехали – многие же почти больные были. Я сам адаптацию пока прошёл, пока я привык к «гражданке» – почти лет пять ушло. До сих у меня нет памяти, никто не верит. Они все на меня смотрят, говорят, что... Вот вы на меня смотрите, нормальный же я как человек рассуждаю, говорю там, всё есть, но совсем ничего не помню. Я даже не помню, когда я в школе учился десять лет. Я не помню, как я учился. Иногда бывает, я еду и вот иногда отключаюсь. Я в госпитале лежал в Алма-Ате. Один раз после Афгана я первый раз в госпитале лежал – еле-еле. Пока до этого госпиталя дойдёшь, то там столько нужно! Вообще не буду говорить про это. Когда я туда попал, начали врачи меня проверять. С психологом когда я разговаривал, психолог сразу

говорит: «У тебя насчёт памяти как? Видно, что нет». Ещё вспыльчивый – не постоянно, я раньше был вообще вспыльчивый. Бывает иногда, что взрываюсь. Я сам молчаливый, я никогда много не разговариваю. Бывает, но тогда меня остановить очень трудно.

Расскажите, пожалуйста, о потерях среди военнослужащих. В СМИ они замалчивались?

Только в нашей части сколько было! Мы сами же видели. Это по всей 40-й армии, а в армии – сколько там! Пацаны приезжают с Кабула, с Гардеза, с Кандагара. Мы были той точкой, у нас был отстойник в Хумри, со всех едут границ. Едут с Хайратона в сторону Кабула – они всё равно в этом отстойнике останавливаются. Которые вместе в Союзе друга друга видели, механики, они к нам заезжают в часть. Рассказывают, как там, там и, бывает, один раз встретились. У нас, бывает, весь Афган когда в Файзабад идёт колонной, любой афганец, мы всю трассу охраняем полностью. Полностью вся 40-я армия – охрана трассы. Когда уже все обратно по частям уезжают, уже видишь, сколько потерь. Там тоже точную цифру никто не говорит. Это моё мнение. По-моему, это не точно, а кто его знает? Говорят, что столько умерло, а не говорят сколько в плену осталось. Эти данные никто не давал.

Скажите, участвовали Вы в боевых действиях? В каких операциях и в качестве кого?

Как я призвался, первые два рейда я просто учился, смотрел. После этого, если честно, год и восемь месяцев я в части был только четыре-пять месяцев, остальное всё время – на операциях, на выездах. У нас был Захаров, он раньше был в «Красном огоньке», за его голову давали столько миллионов! У него в части, их охраняли. Для меня это была гордость, что я охранял часть Захарова. Он Герой Советского Союза, по-моему. Я так слышал, что ему давали. Три Красных Звезды было у него ещё там, ещё в то время. Он был такой командир, знаете, все его уважали. Караванов он очень много брал, страшно брал караваны. Все «духи», когда говорят про Захарова, у них дрожь была. Он в рубашке родился. Я не видел, но рассказывали – гранатомёт у него между ног проходил. Я в операции в сторону Кабула много раз выходил. Один раз ходили... Если «афганцы» знают, они помнят – в конце 1986-го вдоль границы с Термезом было очень большое скопление бандформирований «духов» – около трёх или четырёх тысяч «духов». Мы тогда выходили с Хумри через Кундуз. Вся дивизия наша вышла, и мы стояли там возле границы. Вот тогда я видел своими глазами около двух тысяч человек «духов», поэтому нас было – три «Шилки», зе-

нитной установки. Вообще «Шилки» стоят на позиции, они предназначены для воздушных целей. Именно наша машина, моя машина, она 606-я – в Афгане многие знают... Огневой взвод именно выходил на операцию, на боевые действия. Вместо антенны там ещё было добавлено тысяча снарядов. Каждый рейд, каждое боевое действие – уже огневой взвод постоянно выходил на эти боевые действия. Я не знаю сколько раз выходил, но много, очень много по всем направлениям.

Были ли Вы ранены?

Один раз был ранен в ногу противопехотной миной там немного. Контузию получил от гранатомёта – это уже в кишлаке. А так – я же постоянно за «баранкой». Когда, например, стрельба или заходим в «зелёнку», мне команду дают. Я накрываюсь по-боевому, и команда – «Вперёд!», наши только сверху, и мы – вперёд. Команду даю «Назад» – я выхожу.

А каков был уровень взаимодействия советских и афганских войск? Степень их взаимного доверия?

Было доверие, и было недоверие.

Совестные операции с ними были?

Были. Очень много было. Их называли зелёными. Да, очень много было. Они стоят, и мы стоим, совместных операций очень много было.

Как Вы оцениваете моральный дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

Моральный дух... Их готовили. Потом, моральный дух, как я вам скажу... Они живут в своей стране, они воевали за свою родину. Готовили, конечно, спецс с Америки. В то время Бен-Ладен, оказывается, против нас воевал. Они же террористы вообще, но они готовили именно местных жителей против нас. Там вроде маленький, например, отвернёшься – он стрельнет. Лет 10-12, они уже воевали против нас. Днём ходишь смотришь – да, ребёнок, но отвернёшься – можно получить. Первые дни мы не знали это, конечно. Ой, маленький ребёнок, что нам – им давали, наши сухпаи. Жалко, смотришь – они же бедный народ. Потом сколько раз слышали (лично я сам не видел, чтобы в меня стреляли), сколько наших пацанов, когда они отворачивались, то их ложили. Уровень подготовки – они как партизаны во время войны, как наши с немцами, воевали. У них было много «зынданов» – ям, там же почти 90 процентов были горы, мы воевали с горами и с «духами» вместе. В «зелёнке» было легче «духов» брать, но в горах было очень трудно. Они, например, выходят, мы едем колонной, они в головной и в замыкание сразу стреляют. Они прямо их сразу рубят и

середины. Потом, когда начинается уже страшная резня, они тад-тадах – и уходят в эти «зынданы». Как в кино. Их было очень много. А так разведка наша хорошо работала, они вперёд нас всегда уже сидели, корректировку давали, где и что. Я бы не сказал, что у них не было подготовки – они тоже были подготовлены, потому что вооружение у них тоже хорошее было. Многое вооружение у них очень хорошее было.

Их отношение к советским пленным?

Жёсткие были. Они, говорят, издевались. Когда кассету смотришь, просто не хочу говорить, ну такое отношение... Пленный есть пленный. Говорят, пытали много. Ведь я лично сам не видел, в то время дисков не было. По кассетам видел, как их пытали. Некоторые из-за этих пыток уже переходили на ту сторону, потому что не выдерживали эти пытки. Они уже переходили на ту сторону, потому один раз в Кундузе нам дали приказ, чтобы мы останавливали весь автобус Кундуз – Кандагар – Герат. Говорили в общем, что какой-то офицер перешёл в их сторону, но при каких обстоятельствах, что и как – мы не обсуждали. Нам был приказ, если будет белый европеец в парандже, мы должны были его поймать. И поймали, только не мы его поймали.

Потом что с ним было?

Не знаю. Там уже ГРУ. Просто нам дали приказ, что именно он будет идти, надо будет его поймать.

Учитывалась ли национальность или религиозная принадлежность советских военнослужащих при направлении в боевую часть?

Если честно, я даже не знаю, я в такие мелочи не вдавался. Это уже как-то оговаривается. В то время о многом не думал. Я был рад, что туда шёл вообще. Меня отправляют в Афган! Слышали, что тот умер, тот умер.

Какими были отношения между солдатами срочной службы и офицерами Ограниченного контингента советских войск? Степень доверия между ними?

Не знаю, у нас нормально было. Я в других частях не знаю. Лично где я служил, нормально. Я же говорю, мы друг друга пофамильно не называли – как друзья ходили. Даже форма одежды – летом жарко же. В броне сидеть в 40 градусов жары, знаете, каково?

Как часто происходили конфликты между советскими военнослужащими и местным населением?

Как... Они нас не любили. Они смотрят и смеются. Мы останавливались, когда по дороге ездили, или отправляют воды принести там, ещё

кое-что. Мы едем, охраняем же колоннами технику. Когда едем, в «дुकаны» (магазин), останавливаешься, что-нибудь берёшь. Продают как друзья, а отъедешь – думают, как бы завалить нас. Так... Было местное население, я общался с ними в Таскоргае, Мазари-Шарифе – там казахи жили, обыкновенные наши казахи жили. Мы общались. Иногда бывало, что у нас там спички заканчивались или соль нужна была, ничего, ходили в кишлак. Даже сидели чай пили у своих же казахов, конечно, только не у афганцев. Было, но редко, конечно. Отношение нормальное было.

Были ли факты гибели мирного населения в ходе проведения советскими войсками боевых операций? И в чём были причины?

Когда идёт война, мирное население... Как вам сказать. Это в то время и сейчас без потерь не бывает. Обязательно она касается и мирных жителей. Мы в Бану стояли, нам дали корректировку, что с кишлака выходят две женщины в парандже, но они не женщины. Они «духи», переодетые в паранджу. Они вышли и пошли по рисовым полям, а потом смотрим – как будто в руках несут ребёнка, а это не ребёнок, это ДШК, или пулемёт, мы точно не знали. Видим, что они что-то несут и двое идут. Мы каждый раз женщин видим, даже по парандже знаешь, какая она – молодая или какая уже старше. А там смотришь – что-то не так идут, походка даже не похожа, оказывается, «духи». Наши как дали! Они обратно в кишлак – именно тех уничтожили. Мирных жителей разведка вывела, говорят, осталось, которых не нашли. Надо было срочно уничтожить этих двух. Ещё там внутри было. Мы стояли на позиции, и «Град» стоял на позиции. Афганцы все знают, что такое «Град». Если он начнёт палить, то сожжём кишлак. Был приказ – мы выполнили и всё.

А степень ответственности советских военнослужащих за гибель мирных жителей?

Может быть, мы точно не знаем. Мы старались никого не оставлять, потому что они не виноваты. Иногда бывало, что «духи» оставляли мирных жителей для себя, чтобы мы не трогали их.

Каков был уровень развития инфраструктуры в Афганистане? Принимали ли солдаты участие в строительстве объектов?

Да, было такое. Помогали. Я даже видел, как строили. С Союза приезжали инженеры. Да, мы же охраняли этих инженеров, которые что-то строили, помогали, да, это время на развитие Афгана. Как сейчас говорят, с заграницы приезжают, помогают для развития города, так же и в Афгане. Видел много инженеров, которые там и линии строили, и эти... По-моему, даже гидроэлектростанцию хотели. Я помню, что я с Хайра-

тона сопровождал такой груз, это был гражданский груз. Когда гражданский груз идёт, «духи» не трогали его. Нет, серьёзно, они не трогали. Когда идёт техника, или боевые снаряды, или там ещё другое – они жёстко с нами.

Как местное население относилось к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии?

Говорили: «Вы, мусульмане, почему против нас воюете?» Лично я молчал. Мне не до спора было. Они всё равно не поймут, что мне приказали. Мне сказали, мне приказали воевать, я приехал служить. Насколько я знаю таджиков, с афганцами иногда сидим разговариваем, они говорят: «Зачем ты приехал?» Он сразу говорит: «Я переводчик». – «А он кто?» – «Он казах». – «А чё, он, он же мусульманин?» – «Его также призвали». Вот так иногда сидели спорили. Если честно, я сколько ездил по этим кишлакам, в разных местах, лично я с любым мирным жителем нормально общался, вообще в споре не был никогда. Ну, нормально, в общем.

Расскажите о методах и способах снятия психологического стресса у советских военнослужащих после военных операций. Проводились ли вообще такие программы?

Врать не хочу, не было. Лично я не видел. Мы после боевых приезжали, у меня было время, чтобы до следующих боевых... там же как готовность номер один – отстойники уже готовые, вся часть должна стоять и каждая техника где стоит – тоже должен. Например, танк стоит, потом командирская и мы, пехота и все уже стоят. С боевых приезжаем: «Здравствуй! Кто в части? Как там? Рассказывай». Утром встаём, лично я уже готовил технику к следующим операциям боевым. Я не видел психологов, сам не видел. Может, было, «афганцы» рассказывали, наверное, вам. Лично я врать не хочу – я не видел ни кого, ни психологов, чтобы после операций проводили беседы со мной. Не было. Мы сами приезжали и уходили, свою технику готовили. Вообще времени не было, чтоб с кем-то там разговаривать. Я приезжал, отсыпался и готовил технику полностью – снаряды там, все блоки чистили. Один раз я только в госпитале лежал за этот промежуток, когда я служил, только раз в госпитале лежал и всё, больше – нет. И то, даже не долежал, меня оттуда вытащили, потому что механика не было на технику, серьёзно. Отправляют тех механиков, если ты едешь, ты должен знать всё полностью, ты не должен был оставлять. Например, ты едешь в колонне, раз – поломался, ремонтная рота остаётся, рядом ещё охрана остаётся. Там тебе дают время. Ты говоришь – вот, такое-то в технике поломалось, и там тебе время дают, чтобы ты за это

время сделал и догнал за это время колонну. Ну, я не знаю, может, в тех местах, где было горячо, может, было. Я врать не буду – я не видел.

Скажите, какова была доступность наркотических веществ в Афганистане? Распространённость употребления наркотиков среди советских военнослужащих?

Не знаю. Может, пацаны там курили.

А в целом доступность наркотических веществ?

Ой, это было легко. Да мы же сами видели, как их готовят. Они нагло, прямо нагло раздеваются и бегают по этим полям, а потом катают это. Мы видели постоянно. Курили, конечно, я не говорю, что не курили. Бывало. Лично я сам – нет, но доступно было. Очень легко, вообще легко. Например, как у нас здесь сеют зерно, а там тоннами сеяли. Иногда слышал, что некоторые парни действительно сильно уходили в это. Она же зависимая.

Какими были меры, предпринимавшиеся командованием для пресечения негативных фактов?

Говорили, было, конечно. Это всегда так, во время службы всё бывает – меры пресечения там... Бывало там, говорил замполит, там собеседование шло, например, после этого каким становится человек, что происходит. Обкуренный солдат может всех своих завалить. Это тоже ненормально. Это вообще ненормально. Вообще эти «духи»... Например, мы стояли в Кундузе, и со стороны «зелёнки» в нас стреляли. Потом все начали думать – только одна пуля вылетела и всё. Мы сами порассуждали – «дух» был обкуренный, значит. Они страшно курили. Многие были обкуренные, когда шли на нас. И обкуренные, говорят, были.

Скажите, пожалуйста, от государства Вы имеете достаточную социальную помощь как бывший воин-интернационалист?

Если честно, сейчас как-то начали помогать – не как раньше, конечно. Раньше, как после армии приехали, у нас всё было – и талоны, и в госпиталь отправляли, легче было. После армии, я же говорил, почти четыре года по психологам лазил. Я на учёте был. Меня вызывали, психологи работали. После развала нас вообще забыли. Сейчас, конечно, спасибо правительству, они начали как-то помогать. Я рад, что у нас два «афганца» сейчас сидят, Ертаев и Смагулов, – два депутата, но Ертаева лично я давно знаю. На многих мероприятиях бываем вместе. Если честно, очень рад – генерал Ертаев находится в депутатском корпусе и много вопросов решает насчёт всех «афганцев», помогает вдовам даже. Есть же вдовы – «афга-

нец» умер, у него семья осталась. Мы-то ладно, мы-то живём, мы как-то выкарабкаемся. Тем семьям, у которых «афганцы» умерли, жёны остались, трое-четверо детей – им-то вообще трудно. Они стояли на квартиру в очереди и получили. Я сам стою в очереди с 1988 года – до сих пор я не могу получить квартиру. Я стоял в Талдыкоргане – меня оттуда выкинули, вообще отфутболили. Стоял в Алма-Ате – опять же. Жена стоит на прописке в трёхкомнатной, просто стоит на прописке, и там в акимате сказали, что жена стоит в трёхкомнатной на прописке – из-за этого. Вообще не понял – она просто у своего брата стояла на прописке, и меня вообще убрали. А потом что делать? Я вот уже как год-полтора у сестры прописался, у сестры. Жена, дети... У меня двое детей. Не могу никак с 1988 года – то не могу в очередь стать нормально, то не могу дальше как-то – везде меня выкидывают. Сейчас в Астане встал в очередь. Во-первых, спасибо нашим пацанам, Бауыржану, нашим председателям, которые здесь, в Астане, очень хорошо помогают – всё объясняют, во-первых. Очень чётко объясняют, если я что-то не понимаю. Я горжусь, что я в Астане прописался и что я здесь встал в очередь. Здешние «афганцы» – я не буду никого делить – просто объясняют чётко и ясно. Уже больше года, как встал в очередь. Теперь скоро перееду в Астану. Здесь буду жить. Сейчас в общей очереди стою, не только я – другие стоят. Даст Бог, дадут. Хоть десять лет, хоть ещё пятнадцать лет будем стоять – лишь бы дали.

Как часто Вы ностальгируете по периоду службы в Афганистане?

Ностальгия недавно, месяца три назад была вообще ужасная, потому что я приехал в Астану к своим пацанам по делам. Заехал к «афганцам», говорю – так и так, в Караганде не могу найти своего сослуживца, с которым вместе служили. С Ертаем вместе приехали, Нурлана мы потеряли. Сразу вышли на Карагандинское общество ветеранов, и там Серёга, он мне дал все корректировки. Оказывается, раньше когда мы искали, Нурлан не жил там, в Караганде. Он, оказывается, жил в Таразе. Он женился и там работал военным в МВД. Он когда уже вышел на пенсию, обратно переехал в Караганду. Его же данные мне дают, я звоню к нему. Я аж не верил, двадцать пять лет прошло! Я звоню, а там автоответчик, я ему оставил: «Слушай, я Атабаев Мерхат, 606-я «Шилка», огневой взвод». Потом через неделю он мне звонит: «Миша, неужели это ты? Давай приезжай!» Я сразу в Караганду. Приезжаю – наши фото, наша техника, два дня. Первый день сидели плакали, всё вспомнили. Это было что-то. Сейчас уже общаемся. Потом Ертая нашли. Ертай приехал к нему. Нас только трое с одной части. Ностальгия была, всегда есть. Иногда даже дома лежишь, само собой приходит. Потом когда именно эти фильмы были, не

только «афганские» фильмы, другие же фильмы, которые похожи чуть-чуть. У нас же так было, чуть-чуть по-другому.

Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан? Если да, то в качестве кого?

Испытываю. Если наши отправят, я бы с удовольствием поехал. В качестве легионера в любое место бы поехал. Даже в Талдыкоргане, граница с Киргизией... Не помню, в каком году, очень трудная ситуация была с границей – тогда нас в Талдыкоргане, всех «афганцев» вызвали. Генерал приехал с Алматы, говорит: «Мы не приказываем, мы не имеем права приказывать. Мы просто можем попросить. Кто может?» Я не видел ни одного «афганца», который сказал бы – нет. Все, все поедем.

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама? Они переходили в ислам, когда в плен попадали?

Говорили, что в плен попадали когда – переходили. Ну, а так чтобы в ислам переходить – нет. Честно, я не хочу врать. Что есть, то и говорю. Лично я не видел, чтобы там... В то время я не знал, что такое ислам. Что такое ислам, я узнал в Афгане, кто такие мусульмане.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане? Присутствие войск НАТО на территории страны?

Раньше, когда мы служили... Я уже говорил до этого, я начал думать после Афгана. Я тогда думал – почему там были, за что? И сейчас думаю иногда. НАТО зачем там находится? Я не понимаю. Я вот думаю – только из-за наркотиков, может быть. А так, если бы дали этой стране самой действовать, самой как-то создать свою армию... Есть же у них своя армия. Ну, просто как-то им помогать, учить просто... Просто самое плохое, что там находится вся база террористов со всей страны вообще. Террористы готовятся там же. Может, правильно, а может, и неправильно. Я до сих пор рассуждаю так – если есть приказ, значит, это надо выполнять. Хоть будет наша армия, хоть армия НАТО, но людей гибнет много. Всё равно много гибнет – и с той стороны, и с этой стороны. Всё равно гибнут. Конечно, можно было бы решить мирно. С исламом найти общий язык очень трудно, это моё мнение. Ислам – это такая тонкая вещь.

Считаете ли Вы себя жертвой советской политики в Афганистане?

Нет, уже не считаю жертвой – прошло уже. Прошёл, всё видел, живой приехал. А что я там был, жертвой – не жертвой, это всё я проходил. Если бы сейчас, да, я сказал бы, да, я жертва.

Боевые награды имеете?

Имею.

Какие?

За боевые действия. Все награды, которые есть, все есть.

Фамилия Имя Отчество	Ережепова Рауза Пермеевна
Национальность	Казашка
Год рождения	1963
Годы службы	1985-1988
Место службы	Провинция Баграм
Занимаемая должность во время службы	Операционная медицинская сестра

В какой период Вы проходили военную службу в Афганистане?

Декабрь 1985-го – 1988 год – три года я служила в Афганистане в качестве операционной сестры. После окончания медицинского училища (Костанайского) я работала в больнице хирургической сестрой, в «инфекции» тоже подрабатывала, а днём я работала инспектором службы гражданской обороны – проверяла боевую готовность. По долгу работы я контактировала с военкоматом, с ГАИ и так далее. Как-то с военкомата мне позвонил полковник, забыла его фамилию, и попросил подъехать в военкомат. Я испугалась, подумала, что-то по работе не получилось. Он говорит – серьёзный разговор, не по телефону. Я сразу же прибыла к нему, и он сразу же мне предложил Афганистан. Я тогда мало знала – что война и что жаркая страна и всё. Он сказал: «Подумай», что нужно срочно опытную сестру. Я говорю, что у меня сестрёнки, братишки, у меня мама умерла. Как раз нас было десять детей, и я была как за старшую и как за мать. Он сказал: «Даю тебе время пять минут, подумай. И кого же я ещё пошлю?» Я ведь всё-таки по военному была, активистка была везде. Тем более, говорит, матери нет, детей много – с намёком: одним больше или меньше... Но я практически сразу согласилась, не уходя никуда, и уже через неделю я получила заграничный паспорт. Сразу никому не сказала и только... в последний момент только сообщила – собрала своих сотрудников, девчонок, подруг и попрощалась с ними. И вот только тогда сказала. На работе сразу же партийно-комсомольское собрание – было в те времена, – одобряли мою кандидатуру, другой потому что не было. Дали напутствие, было приятно, конечно. Ну, и так быстро я уехала, и уже новый год я в пути встречала. На пересылку я приехала в медицин-

ский батальон (медсанбат) – 100-й отдельный батальон в провинции Баграм, это недалеко от Кабула.

Скажите, какие у Вас и у других советских военнослужащих были отношения с местным населением?

Когда я туда ехала, у меня было такое понятие – я поехала на каблучках, в шляпе, такая моденькая, приезжаю на пересылку – там пыль... И я вообще думала, что меня с самолёта будут с цветами встречать – ничего подобного не было, я сама добиралась до санбата. С местным населением тоже думала, что будет более тёплое отношение, но по роду работы (не сразу, конечно, но потом, особенно к концу) отношения с местным населением испортились. Хотя не раз в агитбригадах, в составе агитбригады я выезжала в кишлаки – оказывали мирному населению помощь. В основном доброжелательное, но были случаи, когда натыкались на душманов. Мы оказывали местному населению, которое было поблизости к провинции Баграм, медицинскую помощь. Местному населению оказывали медицинскую помощь, поэтому вроде как они тоже в нас нуждались. Приходилось даже роды принимать у местного населения. Мы оказывали помощь также душманам в медсанбате, раненым душманам в медсанбате. Я работала по забору крови, поэтому доставляла кровь раненым душманам, с тем, конечно, чтобы обменять на наших пленных и так далее. Их охранял особый отдел, офицеры, которые специально охраняли их жизнь, чтобы быстрее их поставили на ноги. С местным населением, ну, в основном, редко когда, торговые отношения, может быть... Дети в основном прибегали в медсанбат, предлагали открытки всё такое.

Перед тем как Вас отправить на военную службу, учитывалось Ваше желание, мнение?

Я анализировала, сколько раз думала, когда попадаю в больницу: «Ну зачем ты сюда поехала?» Я думаю, боже мой, меня вызвали, ну как же отказаться? Мы тогда были ещё патриотически воспитанными, такими интернационалистами. Так сказали, что мы защищаем южные границы нашей родины, поэтому я сразу же поехала – чувствовала свой долг, так сказать.

Как Вы оцениваете подготовленность наших военных в то время?

Подготовленность наших солдат и офицеров, я бы сказала, не совсем хорошая. Во-первых, климатические условия – пыль, жара, горы. Это для наших солдат, особенно для водителей, было сложно. А вот офицеры-медики, которые оказывали помощь, бок о бок со мной работали...

Всё приходило с навыками, не сразу. Разумеется, делились опытом, медсёстры говорили, что лучше вот это. Всё приходит с опытом. Я, допустим, тоже, как только приехала – сразу у нас был обстрел, и у меня сгорели документы, без вещей осталась. Сначала в медзведе я принимала раненых, чувствовала себя неподготовленной. Во-первых, это... эмоционально психологически было трудно видеть молодых парней с сильными ранениями, конечно, была такая беспомощность. Но потом я быстро набралась опыта и уже на второй год службы стала операционной сестрой, единственной по крови по всей дивизии. Я оказывала медицинскую помощь днём и ночью. Четвёртая минус – это было самое страшное... Бывало, с постов солдат забирала, хотя это не положено, приходилось брать кровь. Так что все мы сначала не были подготовлены.

Скажите, пожалуйста, когда Вас отправляли в Афганистан, Вам говорили, что это за страна, о культуре, обычаях, языке этого народа?

В военкомате мне полковник сказал... Я ему же говорю: «Там же война». Он говорит: «Сходи в библиотеку – почитай что-нибудь». Но я ничего про Афганистан не нашла, я поняла только, что там жарко. Я говорю: «Что с собой взять?» Он говорит: «Одно платье, по-женски всё по одному и как можно меньше и 30 рублей денег – больше ничего не надо. То есть самое необходимое». Я поехала с таким маленьким чемоданчиком, и уже в Ташкенте я купила себе кофеварку и всё.

Как Вы оцениваете моральную подготовленность самих моджахедов? Среди каких слоёв населения они пользовались поддержкой? И как они относились к военнопленным – советским солдатам?

Это сложный вопрос, всегда сложно отвечать на такие вопросы. Можно убрать этот вопрос? А то я сейчас расстроюсь, одним словом – растежусь.

Учитывалась ли религиозная принадлежность солдат? По каким-то антропологическим признакам отбирали, перед тем как отправить туда на службу?

Я не знаю, как выбирали, но, проходя службу в медсанбате, я встречала как-то в основном... Я б не сказала, как-то по национальности... Было, конечно, очень много казахов, например, и узбеков, и армяне, азербайджанцы были, таджики были, если взять вот так. Много было, но, конечно, и русские, и украинцы можно сказать, весь СССР наш бывший. В принципе я не заметила какой-то разницы, как они выбирали. Может, в разведку, в специальные другие части, возможно, отбирали скорее узбе-

ков и таджиков, я думаю так. Потому что в агитбригады когда мы ездили – оказывать помощь мирному населению в кишлаке, у нас в основном были все тёмненькие, я была одна из них, непонятно, таджичка или узбечка. Я говорю – казашка.

Скажите, пожалуйста, каким был уровень взаимодействия советских военнослужащих и военных правительственных афганских войск? Были ли совместные операции?

Конечно, были. Я один раз выезжала со своей подругой Людмилой, совместно с их полковником, у меня даже есть фотография. Так сказать, лично моих действий... – там не приходилось, но мы вели агитацию и в то же время оказывали медицинскую помощь. Лично я не сказала бы, что мы очень сильно взаимодействовали. Приезжали в школы, например, я читала о гигиене, азы некоторые оказания первой помощи...

Как часто происходили конфликты между местным населением и военнослужащими?

Были конфликты. После окончания службы там четыре года было приказано молчать – сейчас уже можно сказать. Я б не сказала, что это прямо конфликты были... Допустим, с местного населения царандойцы просят – мы принимаем как раненого, оказываем помощь. И если он всё-таки, мы же не боги, так сказать, но всё равно погибал там на операционном столе или где-то, они требовали мешок муки, риса и так далее. Ещё случай. Помню, когда обстреливали кишлак – самый ближайший, можно сказать, на виду, – мы все выбежали и смотрели. Кишлак обстреливали наши войска, «вертушки», и наш командир подполковник Феофанов, сразу принял решение – сразу с медвзвода, сразу же без оружия сели на БТР, поехали туда оказывать медицинскую помощь непосредственно. И оттуда привезли в основном мирное население, всех раненых, тяжело-раненых. Я такое видела один раз – чтоб и женщины, и старики в одной машине, дети прямо стонали... И мы сразу же оказывали медпомощь. Было очень жутко смотреть на такое. Я удивилась, я первая, кто подошла к раненому, беру кровь, а потом уже систему ставят и дальше осматривают врачи. Я поразилась: с такими ранениями дети пяти – семи лет, двенадцати лет дети были – они не плакали! Вот у них глазища вытаращенные... Были девочки, женщины с ярко накрашенным маникюром. Конфликт как раз – среди них был один душман, я ему поставляла кровь, долго он у нас лежал в реанимации. Я помню, прихожу, и он мне говорит: «Это вы! – и показывает мне протез. – Это ты, вы, шурави!» – с такой злобой... И я так боялась подходить к нему близко.

Какие методы, способы снятия психологического стресса после боевых операций были?

Я не знаю о таких способах, даже не замечала и не слышала. У нас, например, в медсанбате практически все ездили, и офицеры, и солдаты на боевые, и не один раз. Я не замечала какого-то способа, но скорее всего, это должно быть спиртное. Ну, может, ещё травку солдаты курили какую-нибудь. Я лично этого не видела. Но так думаю, потому что как там ещё можно стрессы снимать?

Расскажите, пожалуйста, о доступности наркотических веществ в Афганистане.

В Афганистане я никогда этим вопросом не интересовалась, не наблюдала. Один раз, помню, в медсанбате я дежурила в хирургии и заметила, что наши раненые, уже выздоравливающие, без повода постоянно смеются. Я померила давление – у них зрачки расширены, давление повышенное, и я начала следить за ними. И как-то в каптёрке я заметила, что валит дым. Курят они всегда во дворе, и когда я всё-таки достучалась, я там увидела двоих выздоравливающих (один – дневальный был у нас, один – из десантников) – они там курили травку. Я когда застала, говорю: «Покажите, я никогда не видела». И вот они мне показали стержень, так сказать, паста чёрненькая. Конечно, кишлак недалеко, и оттуда прибегают мальчишки.

Скажите, были ли такие случаи, когда наши солдаты принимали ислам во время службы? Или только когда попадали в плен, когда их заставляли принимать ислам?

Я не знаю о таких случаях, когда офицеры или солдаты принимали ислам. А вот работая в Союзе ветеранов Афганистана (я работала зам-председателя), узнавали о таких случаях, но это по инициативе председателя Аздравины Александра Ивановича – председателя Акмолинской области Союза ветеранов. Допустим, он ездил туда не раз, в Афганистан, по опросу пленных... И у нас в Казахстане, я не знаю, правда, какая цифра... Допустим, когда я работала, вот один был пленный, мы считали его без вести пропавшим, его родители жили в Щучинске. Всё-таки Аздравин года два назад нашёл его там, в Афганистане, – он там обзавёлся семьей и совсем как настоящий мусульманин поживает. Я и по телевизору видела какой-то документальный фильм, что были такие случаи, но это только после, а во время службы я не слышала о таких случаях.

Расскажите, пожалуйста, про свои боевые награды.

Первая, которую я получила, – это медаль «За трудовую доблесть» от СССР, от ЦК ВЛКСМ, так как я работала секретарём комсомольской организации и до Афганистана, и уже в Афганистане. Тоже медаль от ЦК ВЛКСМ «За трудовую доблесть». Третья медаль – «Милосердие и отвага», это я получила уже в Союзе. В Афганистане получила ещё афганскую медаль, это меня награждали в армии, нас туда приглашали – награждать. Ещё медаль – «От благодарного афганского народа». Вот эту медаль я получила совсем недавно, вот эта медаль от генерала Ертаева. Несколько медалей не буду перечислять – просто забыла, как они называются. Есть также юбилейные медали. После Афганистана я работала в Союзе ветеранов лет пять, даже больше, и непосредственно оказывала помощь, и в своё свободное время оказывала помощь родителям погибших. То есть ездила сама делать массаж, уколы, перевязки. Например, бабушка Тукина была с язвой. Дочка ещё маленькая была, даже в школу не ходила – я везде её с собой, зима – не зима, на берег озера... Помогала им, праздники устраивала, например, 9 Мая, то есть какие-то знаменательные даты. Или дни рождения их сыновей – устраивали праздники. Ещё я стригла, допустим... Массаж, уколы... Вообще ведётся и в Астане огромная работа, именно с родителями погибших. День памяти погибших особенно, 15 февраля, – для нас это как 9 Мая, вроде и праздник, но в то же время и грустный праздник.

Расскажите о потерях советских солдат. Вот то, что говорилось в СМИ, оно отражало правду или нет?

Я за время работы человек двадцать лично сама хоронила – это, например, по городу или ближайšie области. Работая там, я не всегда могла приехать в Астану (работала по Северному Казахстану, по долгу работы или ещё какие-то обстоятельства) – поехать на похороны. И так если посчитать, ладно, у всех есть болезни, ну, а после – ранения, контузии, которые не так, можно сказать, выражены... Но потом становятся инвалидами, ребята умирают многие психологически. У нас не придавали особого значения и сейчас особо не добавляют реабилитации таких вот ребят, которые прошли Чечню, например. Я просто, возможно, сейчас не работаю и не знаю об этом, но я по себе знаю, как это трудно. Можно сказать, уже третий десяток разменяли со дня вывода войск, а всё равно снится... Особенно такие, когда с родителями, ребятами, когда хоронишь родителей, ребят, все воспоминания потом, бессонные ночи – это... (плачет). Уже столько лет прошло, но всё равно никак не могу это забыть.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную помощь от государства как бывший воин-интернационалист?

Это большой вопрос для нас для всех – ребят-«афганцев», служащих. Какое-то время, скажем, в первое время, – какое-то внимание. У нас, например, была 50 процентов скидка коммунальных услуг, квартиры как-то можно было более быстро получить. Но сейчас я не чувствую заботы...

Но хотелось бы сказать и положительное. Сейчас у нас есть госпиталь, доктора знают о наших бедах и так далее. Чернобыльцы там же, ветераны Отечественной войны. Хочу сказать спасибо врачам – они внимательны к нам, каждый год, допустим, я как инвалид войны второй группы, я ежегодно получала медицинскую помощь в госпитале (раньше был в Алматы, а сейчас его там расформировали, и теперь в Астане, и там замечательные доктора, там замечательные медсёстры). Ещё положено «афганцам» (не знаю, всем положено или только инвалидам) выдавать путёвки в санатории. Мне в прошлом году в Боровое дали на десять дней. Я встретила там с ребятами-«афганцами» и чернобыльцами, они сравнивали, как раньше было, примерно десять лет назад, в санаториях. Питание, всё платно, услуг там медицинских нет – многие недовольны. В госпитале внимание хорошее.

Я встала на очередь на квартиру, не получала – встала восемь тысяч какая-то. Когда я пошла повторно, мне ребята говорят – зачем, надо было как ветеран Афганской войны, а не как инвалид. Сейчас хотя статуса такого нет, как раньше он был. Вот это главная боль, что у нас, «афганцев», отобрали статус ветеранов. Пользуясь случаем, хочу особо подчеркнуть: для нас всех ветераны Великой Отечественной войны – это пример для подражания, и столько уважения и почтения, это всё равно – почитать родителей, Бога. Больше всего я ценю ветеранов, работников-тыловиков. Бывает, по телевизору слышу – убили ветерана, либо избили, либо забрали там деньги. Меня это очень возмущает! Я считаю, что ветеранов Великой Отечественной войны не только должны обеспечить, но должны сделать всё, для того чтоб они долго жили, чтоб у них было всё, буквально всё, всё самое лучшее. На 9 Мая смотрю – боже, им там уже за 80 лет, а как они стремятся сказать, такие оптимисты! И хотелось бы, конечно, быть такими же, как они, не стареть душой. Такими быть заводными, искренними, заводными людьми.

Как часто Вы ностальгировали по периоду службы в Афганистане? Хотели бы Вы туда вернуться? Если да, то в качестве кого?

В первое время, когда я вернулась домой, у меня было такое ощущение, как будто я в другом мире – другие ценности... Я боялась даже города, пешеходных переходов, перекрёстков, машин. Люди какие-то вроде другие. Я ностальгировала, тогда мне хотелось вернуться туда, где я нужна, где я

чувствовала, что рядом близкие друзья, товарищи, никто не предаст, не обидит. Но только когда я вышла замуж, родила дочь, дочь стала подрастать... И я нашла выход – стала работать в Союзе ветеранов, меня пригласили. И как-то уже соприкасалась, помогала родителям, инвалидам получить квартиру, по медикаментам большие вопросы, даже по протезированию наших инвалидов. Я считаю, что я реализовала себя в этом плане. А сейчас, когда мне сообщил председатель, что он съездил туда и виделся с нашим солдатом, который у нас числится пропавшим без вести, там общался с ним, я говорю: «Какой ты молодец!» Я бы тоже хотела съездить – полюбопытствовать, можно так сказать, посмотреть, но ехать как в прошлый раз, рисковать своей жизнью... Если б сказали – надо, конечно, пошла бы, а добровольно – нет, наверное. Во-первых, уже возраст, во-вторых, дочь – что-то держит. Но если всё-таки скажут: «Вы как опытная сестра там нужны», я, конечно, соглашусь.

Считаете ли Вы себя жертвой советской политики или, напротив, современного государства?

Вы знаете, об этом много говорят и пишут – что мы вроде как оккупанты, мы там не нужны были. С чем я перед самым выводом столкнулась – мирное население стреляло в нас, они нам явно показывали, что мы тут не нужны. Не то, что в первое время, действительно когда наши солдаты помогали им. Конец мне очень не понравился. Хотя я далека от политики и как комсомольский вожак по тем временам я считаю: если родина скажет «Надо!», я отвечу «Есть!». И такая я осталась и по сей день. Обида есть только в том плане, что сейчас, допустим, нашим солдатам раненым, чтобы легко сделать протезирование, это сейчас так сложно! Мне говорят – поезжай в санаторий в Алматы или там в Москву по заболеванию. И представьте себе, как это накладно – лететь в Москву! Нужно чтоб у меня был сопровождающий, это всё, можно сказать, проблемно. В основном, я считаю, что кому-то надо было это делать.

Что бы Вы хотели добавить от себя? Что хотели бы сказать современным людям?

Я б хотела, чтоб наши ребята были всегда такими сплочёнными, чтоб они уделяли большое внимание подрастающему поколению. Сейчас же нет таких специальных клубов. Сейчас у нас... упирается в проблему – то в аренду, то ещё в какие-то сложности. Подрастающему поколению надо уделять внимание. С целью... Как показательной пример – у нас есть ребята, которые бьют кирпичи, какие-то знают приёмы, которые самообороны или когда их обучали перед армией, перед Афганистаном... И вообще – делиться

опытом, выступать именно перед аудиторией. Меня очень часто приглашают – не всегда это получается, и не всегда есть время, но я считаю, никогда нельзя отказывать, особенно молодёжи: пусть они знают, что есть ветераны Великой Отечественной войны, есть «афганцы», ещё категории других локальных войн, ребята, которых мы мало знаем. Надо заниматься, вместе собираться, решать проблемы сообща, надо быть дружными, быть патриотами своей родины!

Сколько лет прошло, но я считаю себя патриоткой и очень горжусь, что я живу в Казахстане, что я оказывала медицинскую помощь, например, Аушеву Руслану – герою, оказывала помощь лётчику в Афганистане, многим помогла нашим ребятам и до, и после Афганистана. Я считаю, что это большое дело, очень хочу, чтобы моя дочь была счастлива, чтобы выросла доброй будущей матерью, чтобы гордилась своими близкими, хочу чтоб у нас был мир. Хочу чаще встречаться с ребятами, девчонками-«афганками», чтобы уже не просто вспомнить, не только поплакать, но и посмеяться – побольше радости. Горжусь, например, что... Горжусь нашим Ертаевым, медаль от которого получила, меня в Кокчетаве награждали... Что у нас есть такой командир, настолько он... патриот такой! Чтобы было побольше примеров, которыми можно было бы гордиться.

Я очень рада, что именно у нас, в Казахстане – Назарбаев, я очень ценю его политику мира и процветания нашему Казахстану, потому что многое смотришь... Я удивляюсь вот, там много что происходит – говорят, дачу, огород обворовали, столько несчастья, или тёща там у кого-то плохая... Я в душе, я сама далека от этого. Я думаю, посмотрите телевизор – там война, там что-то ещё, какая-то вспышка – вот беда! Когда только начинается война, нужно всё сделать, для того чтобы предотвратить, следить за каждым своим словом! Тот кто не был на войне, тот не знает что это за беда.

Знаете, я... до сих пор перед моими глазами раненые. У нас была проверка – высокопоставленные чиновники с Москвы, с Ташкента... И мы, медсёстры. Я только приехала, в отделении 90 человек, и мне надо все простыни собрать, старые заменить, поехать на склад, принять новое, всё это застелить ровненько. А когда уезжают проверяющие, то складка в складку сложить и всё обратно сдать на склад. Ребята-солдаты, которые стоят на заставах, у них боевые сапоги, пятки превращаются... – как слоновая кожа. Перед проверяющими у меня приказ – я слежу, чтобы все эти пятки бритвами соскоблили, до крови такое бывает. Такие моменты, конечно, не хочется вспоминать. Это всё чисто для того, что – у нас всё хорошо, нам ничего не надо, у нас всего хватает. Когда были обстрелы, у нас аптека горела и не было элементарно даже обезболить. Я лично к ампутанту подхожу, у него

бешеная температура, делаю укол – обычный анальгин, который ему не поможет, или допустим: «Водку, не надо было пить до армии», – что типа я делаю наркотики, а тебя не берёт. Вы знаете, приходилось лгать, жалко наших воинов. Но зато мы опыт получили, я знаю, например, что офицеры, и мы, медсёстры, не все конечно, катетер поставить... А мы тогда учились.

Когда уже вывод войск, не хватало рук. Допустим, стоматолог стоит ассистирует за операционным столом – не хватало уже медсестёр. И когда нам 5 декабря объявили срочно собраться, у нас не было времени подготовить какие-то подарки. Нас разделили на три группы, первая – те, кто три года прослужил, имеет какие-то награды, в первую очередь их отправляли, и я в том числе. И я в последний момент – темно уже было, нас по тревоге подняли среди ночи, быстро сборы, и так отправляли, – и я, например, сбежала через двери. Думала – я вот ещё хоть чуть-чуть, но побуду! Я ведь по крови – единственная, кто по специализации по крови, как же без меня-то? И не прошло двух часов – вернулся БТР, и наш комбат с матом, значит, с такой злостью... Там ведь приказ, надо было мне послушать, но я почему-то так хотела остаться! Вернулись всё-таки за мной. И по иронии судьбы, вторая колонна пошла когда с медиками, где мы... моя подруга была, – они как раз попали под обстрел. Двое погибли, многие с ранениями оказались, моя подруга оказалась в Ташкенте с контузией вроде и ещё долго лечилась там. Я подумала, что, наверное, всё-таки судьба, что я осталась жива и не особо пострадала. Не буду говорить обо всех подробностях, что я пережила в Афганистане, в какие поездки ездила и чем для меня это закончилось. Просто так Афганистан никому не прошёл – кому-то это школа, кому-то это переоценка своих ценностей.

Фамилия Имя Отчество	Абельдинова Валентина Фёдоровна
Национальность	Украинка
Год рождения	1965
Годы службы	1986-1988
Место службы	Баграм
Занимаемая должность во время службы	Хирургическая медицинская сестра

В какой период Вы проходили военную службу?

Военную службу в Афганистане я проходила с 1986 года по 1988-й.

Имели ли Вы какое-нибудь образование или работу перед призывом на военную службу?

Конечно, я работала медсестрой в центральной районной больнице, операционной медсестрой. Ну, и потом порешили с подружкой поехать. Ну, мы, конечно, в Афганистан не хотели конкретно. Хотели куда-нибудь в другие страны. В Германию, Югославию, Чехословакию, Польшу. Но в военкомате нам предложили Афганистан. Мы, конечно, сначала не согласились, потому что это на самом деле очень страшно – война, стреляют, убивают. Ну, поговорили с нами, пытались нас убедить, что это нужно нашим солдатам, которые там воюют, которые погибают. Конечно, просто так никто не хотел ехать. Но всё-таки, видимо, какой-то долг – перед собой, может быть, даже, перед мальчишками, которые служат... Мы согласились, заявления написали. Ну, и через полтора года нас пригласили, и мы поехали в Афганистан.

А первичная подготовка была?

Нет, первичной подготовки не было, было собеседование с нами. Ну, мы как медицинские сестры – военнообязанные. Поэтому как бы чувство долга было, что, ну, мы не имеем права отказываться. Это нужно для страны, это нужно для нас, для нашего народа. Ну, не знаю, как это сказать. В общем, на тот момент лет-то было всего двадцать! Как-то всё это воспринималось не так серьёзно. Ну, мы согласились и поехали.

Какие у Вас были представления о предстоящей службе?

Ну, представления какие... Может где-то даже и интересно было, потому что побывать на войне, увидеть это всё своими глазами хотелось, но и очень сильно настораживало. Это война, никто за тебя не отвечает, шальные пули летают, поэтому могли и убить. Учитывая, что наши эшелоны шли с Союза в Афганистан и были обстрелы, были жертвы, то это нас тоже касалось.

Откуда Вы получали сведения о том, что там происходит?

Наши братья, соседи и друзья служили в Афганистане, пацаны. Ну и вот, по их рассказам то, что их отправляют туда и что на самом деле эта война была, мы знали. По телевидению, может, и не в таком объёме, но рассказывали. Мы знали, что там война, что там наши ребята служат, что погибают.

Считали ли Вы свою подготовку к службе достаточной по прибытии в Афганистан?

Да, я три года отработала, в принципе я была готовой. Операционной сестрой работала – для меня это не было каким-то новым или тяжёлым, страшным. Ну, конечно, ранения отличаются... Я работала хирургиче-

ской сестрой сначала, потом операционной сестрой. Конечно, намного отличается, потому что здесь раны открытые, в мирное время обычные операции – это аппендициты, холециститы всякие. Конечно, тяжело. Тяжело было привыкать и к другой обстановке – другой режим, другой климат – всё другое. Но нас было много, были наши солдаты, были офицеры, были медсёстры, была такая небольшая деревня, в которой все жили очень замечательно. Как бы... дружно работали, работали очень тяжело, сутками не выходили с реанимации, с операционной, потому что поток был очень большой, раненые поступали, была эвакуация на Кабул. В общем, насыщено было.

Скажите, пожалуйста, были ли Вы или Ваши сослуживцы, другие военнослужащие информированы о причинах присутствия советских войск в Афганистане?

Нет, мы этого не касались. Наш долг был оказывать медицинскую помощь, поэтому мы непосредственно этим занимались. А в политику мы не лезли. Это не наше дело.

Были ли дискуссии и споры между солдатами об оправданности войны (за или против)?

Ну, были. Но как бы, знаете, так поверхностно, неглубоко, потому что мы изменить ничего не могли. Был приказ свыше, и мы выполняли. Ну, солдаты выполняли приказ, а мы шли по доброй воле. Меня никто не заставлял, я для себя так решила, выбрала такой путь. И естественно, я никого не осуждала. И никто меня не заставлял.

А были случаи, когда отказывались служить? По какой причине?

Были. Ну, как... служащие, которые сами приходили в военкомат. А так, чтобы заставлять кого-то – я такого не видела. Не помню, не знаю.

В ходе подготовки к службе доводилась ли до советских военнослужащих информация об этой стране, её населении, традициях и культуре?

Да. Когда мы пришли в военкомат, уже когда непосредственно писали заявление, собирали документы, нас информировали обо всём, то есть население какое, какой там климат, как там живут, какие привычки, какие устои – всё-всё это оговорилось. Вы знаете, там, по-моему, война не прекращается до сих пор, поэтому они живут очень бедно, они напуганные этой войной, они очень обездолены этой войной, они очень бедно живут, они очень нищие. Мы оказывали помощь всем, то есть мы оказывали помощь и нашим солдатам, нашим военнослужащим, и населению,

которое проживало. Мы и роды принимали, и делали операции, которые вот... если население попадали в перестрелки и их привозили к нам – мы никому не отказывали. Мы медсанбат, мирное общество были. Поэтому мы никому не отказывали, помощь оказывали всем.

При отборе в состав Ограниченного контингента войск в Афганистане военнослужащим каких национальностей отдавалось предпочтение?

Нет, такого не было. Деления не было, потому что были все: и русские, украинцы, казахи, узбеки, и таджики – все были. То есть предпочтения кому-то там не было. Казахи тоже были, муж у меня казах, мы там познакомились. Замуж вышла за казаха, офицера. Поэтому я не думаю, что кому-то давали предпочтение. Может быть, больше было с России, потому как политика оттуда. Ну, в общем я не знаю, не хочу об этом говорить.

Расценивали ли Вы предстоящую службу в Афганистане как позитивный шаг в Вашем будущем карьерном росте?

Нет, в карьерном росте точно нет. Потому что уже после окончания службы мы приехали в Союз... Ну, были, конечно, льготы какие-то, я поступила в институт, можно было нам поступать, учитывалось то, что я служила в Афганистане. Конечно, были льготы. Но потом, видите, всё поменялось, всё разделилось, поэтому вот сейчас я бы не сказала, что нам уделяют сильное внимание. Ну, говорят об этом, ну, пособия нам платят, бесплатный проезд... В карьерном росте я не выросла. Ну, сейчас я старшая операционная медсестра. Ну, уже как бы по возрасту то, что стаж большой, навыки есть, категория. А так умалчивается об этом – то, что ты служила, то, что ты действительно была нужна, то, что ты полезла в это пекло с головой, то, что тебя могли убить. Ну, тогда, может, мы это не настолько оценивали и не настолько это серьёзно воспринимали. Ну, потому что по молодости. А сейчас, в данный момент уже бы подумала – поехала бы я туда или не поехала бы.

Были ли среди военнослужащих корыстные побуждения к службе в Афганистане?

Ну, я с таким не сталкивалась, чтоб какую-то корысть иметь от этой войны, нет.

Соответствовали ли обмундирование, вооружение и питание боевым условиям несения службы?

Соответствовали. Питались очень хорошо, поставки были замечательными. Ну, продукты питания мы покупали в магазинах, и одежда была, и кормили нас хорошо. Нормально было. Мы не ощущали, что вот недоедаем или чего-то нет, достаточно было средств, платили хорошо. То есть как бы не ощущали, что чего-то не хватает, чего-то недостаёт. Нормально было, ну, во всяком случае, у нас вот, в Баграме, где я служила. Может, где-то на точках, где глубоко там в горах, конечно, у солдат, у них совершенно другая жизнь. Потому что они на точках жили. Там такого, может быть, усиленного питания и свободного времени не было. Потому что стреляют, они должны были держать оборону, или на том же посту. У них, конечно, намного тяжелее. Ну, я в основном говорю за себя, потому что я служила в медсанбате, всё-таки это такое медицинское учреждение, где обеспечение было замечательным.

Изменилось ли Ваше мнение в отношении необходимости присутствия советских войск в Афганистане?

Ну, после того конечно изменилось. Этого не надо было делать. Смысл?! Нету смысла. Не видит никто смысла. Эта война не нужна была. Очень много жизней унесла молодых парней. Поэтому больно говорить. Но, видите, ошибка эта – не наша ошибка. Чья ошибка, я не знаю, но пострадали мы, люди, которые участвовали в этой войне.

Насколько отличались официальные заявления руководства СССР в отношении Афганистана от реальной ситуации?

Вот если честно, для нас это было... Я уже говорила, что мы не вникали. Нам был дан приказ – мы работали, служили, поступали больные, раненые, мы их оперировали, мы их вытаскивали, мы их лечили. А что было наверху, какая политика, что говорили – что касается меня, я не вникала. Не могу конкретно сказать.

Замалчивались ли в советских СМИ данные о потерях среди военнослужащих СА?

Конечно, замалчивались. Потери были большие.

Участвовали ли Вы в боевых действиях?

Нет, в боевых – нет. Мы не выезжали никуда. У нас был медсанбат, к нам везли всех раненых, вот со всех ближайших точек, где проходили какие-то действия. Мы не выезжали – мы оказывали помощь на месте. Эвакуации были, когда нас обстреливали, бомбили, мы тяжелораненых, тяжелобольных – в окопах на носилках, мы спасались сами и спасали тяжелобольных. Но так чтобы участвовать – я не участвовала.

А о своих боевых наградах можете что-нибудь рассказать?

Ну, у меня награда «За трудовое отличие». В принципе, она такая награда... По-моему, там всем давали, потому что то, что мы туда поехали, и то, что мы решились на это шаг, – уже как бы заслуга. «За трудовое отличие» давали ну почти всем. А остальные медали – это уже по выводе войск, приуроченные там к победе. Ну, такие, незначительные. То есть у меня одна награда только, которую мне вручили в советское время.

Были ли Вы ранены?

Нет.

Каковы были потери наших войск в ходе выполнения боевых операций?

Не могу сказать. Конкретное число назвать не могу. Статистика есть, но в принципе я... Много погибло, много мальчиков погибло. И гражданское население тоже. Наши гражданские, там повара, секретари приезжали, – тоже были потери, но незначительные потери, потому что мы были защищены. Мы как бы не участвовали в боевых действиях, поэтому нас не обстреливали. И нас не обстреливали ещё почему – потому что мы оказывали помощь афганцам, населению, которое непосредственно проживало на этой территории. У нас не было такого, что там на нас нападали, вырезали, что убивали, стреляли, – нет.

Брали ли военнопленных в плен? И какова была их дальнейшая судьба?

Ну, мы только по слухам знаем, что это было, что брали. У нас был случай, когда сбили самолёт – мы это видели, на наших глазах. И вот наши офицеры на парашютах спускались, и мы должны были буквально за пятнадцать минут... – не успели приехать до того, как их взяли в плен. Мы уже их не увидели, их не нашли. То есть мятежники, афганцы, вот эти талибы – это ужасно вспоминать. Страшно.

А какими были уровень взаимодействия и степень взаимного доверия советских и афганских правительственных войск?

Ну, как... Мы сотрудничали с ними, к нам приходили (вы имеете в виду афганские войска?), ну, непосредственно к нам приходили. Мы сотрудничали вместе, обрабатывали там какую-то информацию, но это всё проходило на другом уровне. Но мы видели, что они приходили, что они приезжали. И вот поначалу, когда войска ввели, в 78-м году, 80-е, 84-й год – выезжали, в частности не я, а вот ездили в аулы, беседовали, обследовали больных, достаточно тесное сотрудничество было. Но я уже была

в конце – 86-88-й годы. Год был очень насыщенным, во всяком случае в Баграме. С каких-то других населённых пунктов... ну, сотрудничество было. Они с нами сотрудничали, приезжали, общались, говорили, помогали.

Как часто были совместные операции?

С ними не было у нас операций.

Как Вы оцениваете моральный дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

Как я могу ответить? Я даже не знаю. Не могу ответить на этот вопрос.

Сможете рассказать о взаимоотношениях советских солдат с афганским населением?

Мирные были. Но вот... Видите, чужая страна, нам вообще неизвестная. То есть мы не знаем их отношение к нам, они за кого нас принимали. Были люди действительно открытые, которые принимали нас как за своих. То есть мы им помогали, мы шли навстречу. А были ведь и которые убивали наших солдат. Это было очень неоднозначно, настороженно, открытости не было, такого доброжелательного отношения в том, чтобы мы знали, что нас никто не тронет, нас не убьют и в плен не возьмут, – такого не было. Настороженность была.

Как часто происходили конфликты между советскими военнослужащими и местным населением Афганистана? Если были, то каковы причины конфликтов?

Открытых конфликтов не было. Мы не могли, конечно, свободно войти в аул и заниматься там чем-то, нет, такого не было.

Какими были отношения между солдатами срочной службы и офицерами Ограниченного контингента советских войск в Афганистане?

Таких было очень мало, срочники были в основном только прапорщички, и, я не знаю, КНБ, что ли, приезжали. Срочников очень мало было. В основном были ребята, которые непосредственно служили.

Были ли факты гибели мирного населения в ходе проведения советскими частями войсковых операций? И каковы были причины таких случаев?

Мирное население погибало, конечно, но потому что война. Были заминированы какие-то участки, дороги. Только таким образом они поги-

бали, а так чтобы какие-то нападения, расстрелы, убийства – такого не было. В моё время, когда я служила, такого не было.

А степень ответственности советских военнослужащих за гибель мирных жителей?

Ну я же говорю, что не было такого, чтобы прямо пойти и убить целенаправленно, такого не было.

Помогал ли Советский Союз в развитии инфраструктуры и строительстве различных объектов в Афганистане?

Только в Кабуле, в центре. Может, и были какие-то на тот момент... какая-то договорённость, но я не в курсе. Ну какое может быть строительство, какая может быть инфраструктура, если война идёт?! Ну, я не думаю. Может, что-то строилось, чем-то помогали. Но мы были в Баграме, в медсанчасти, занимались другой работой.

Как местное население относилось к советским солдатам, особенно к выходцам из Средней Азии?

Ну, это надо у них спросить. Видите, мы же были не дипломаты. Вот, например, если нас привезли бы туда в какой-нибудь аул и мы занимались бы вот этой деятельностью... Но мы же были направлены для оказания помощи солдатам. Поэтому на такие вопросы я не могу ответить. Я не знаю, на каком это уровне и как это было. Я не знаю, было ли вообще.

Какими были методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций? Проводились ли какие-либо программы?

Конечно, проводились. Что касается нас, к нам приезжало очень много артистов. И цирк даже приезжал, и Винокур приезжал, приезжали очень много. У нас были концерты, ансамбль «Каскад». Мы сами устраивали вечера, отдыхали очень хорошо. Это касается Баграма – населённого пункта. А на точках... Ну, ребята, видимо, потом приезжали в часть свою, но досуг был хороший.

Какова была доступность наркотических веществ в Афганистане? Распространённость их употребления среди военнослужащих?

Случаев у нас не было. Может, где-то и было.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную социальную помощь от государства как бывший воин-интернационалист?

Нет, недостаточно. Муж у меня «афганец», офицер, и я вдова, двое детей, муж умер в 2004 году. Муж у меня стоял на очереди на квартиру.

Ну а мне сказали: «Что вы хотите? Муж умер». Ну так же нельзя! Почему я одна должна? Пособия очень маленькие. Реальной помощи я не вижу.

Какие изменения до и после 1991 года Вы можете отметить в вопросах предоставления льгот участникам войны в Афганистане?

Что было, так и осталось, кажется, ничего не изменилось. Обещали нам, что подоходный налог не будут снимать, тем не менее снимают. Ну, потом я не вижу... Пособие, я говорила уже, маленькое – всё, больше ничего не предоставляется, ничего. Никакой помощи я не вижу. Дети мои когда поступали в вузы, тоже никаких льгот не было, никакой помощи не было. В общем, нет. То, что вы служили – и служили, ну, это ваше право. Вы пошли, вы захотели, вас никто не заставлял – они так говорят. Я считаю, это неправильно, нас очень мало, и можно было как-то обратить на нас внимание.

Как часто Вы ностальгируете по периоду службы в Афганистане?

Ну, бывает, когда собираемся, встречаемся, боевые подруги, так сказать. Ну, ностальгировать, может, и не ностальгируешь – война ведь. Но всё равно было хорошо, мы как-то жили одной большой семьёй. У всех была одна цель – чтобы солдаты наши не погибали. Ну, и чтобы быстрее закончилась эта война, потому что она никому не нужна. Она не принесла ничего хорошего.

Испытываете ли Вы желание вернуться в Афганистан? Если да, то в качестве кого?

Нет-нет-нет. Ни в качестве никого. Эта чужая страна, чужие уставы, чужие порядки. Если только на экскурсию лет через двадцать, если доживу, конечно.

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими ислама или перехода в данную религию?

Ну, я только слышала, что принимали.

Это было собственное желание или только когда в плен попадали?

Я слышала, когда в плен попадали, говорили, что принимали. А так чтобы желание – я не слышала.

Как Вы оцениваете современную ситуацию в Афганистане и влияние на неё присутствия войск НАТО?

Я думаю, что... Мне так кажется, что надо их оставить уже. Ну, они, как понимаю, тоже выводят свои войска. Я считаю, что нельзя туда хо-

дить. Пусть они живут мирно, дружно, между собой пусть разберутся, пусть. Нам не надо туда лезть.

Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации, объединяющей бывших воинов-«афганцев» и представляющей их интересы?

Ну, вот у нас есть Союз ветеранов Афганистана. Мы встречаемся, мы собираемся. Мы обсуждаем какие-то вопросы где-то. Но, конечно, бываю очень редко – хотелось бы почаще участвовать, но немножко не получается.

Оказывает ли данная организация материальную помощь своим членам или просто проводит встречи ветеранов?

Просто встречи. Как-то было, нам давали пайки, что ли... А сейчас – вообще.

Считаете ли Вы, что государство и общество защищают бывших воинов-интернационалистов или, наоборот, забывают?

Забывают!

Скажите, считаете ли Вы себя жертвой советской политики в Афганистане или политики современного государства?

Ну, жертвой – как-то так сказано... Такое слово – жертва. Нет, нас уже убедили. По крайней мере, меня. Что мы поехали туда сами, нас никто не заставлял... Поэтому чего вы требуете от нас? Наше государство так говорит. Нигде не говорится, что вот служили, что вот я там была – ну вот была и была, потому что по собственной инициативе. Ну хотелось помочь – я же поехала не для себя, я поехала, чтобы помогать, правильно?! А получается, мы сейчас никому не нужны. Ну были мы и были. Ну дали вам 7 тысяч тенге – ну и живите. Особо таких привилегий нет. В принципе мы и не хотим, но иногда можно нас вспоминать. Что это было, что мы служили, что мы действительно рисковали жизнью. Сейчас устои другие, и нравы другие, и люди по-другому мыслят, и обидно, когда едешь в автобусе и у тебя изымают этот проездной и говорят: «Ты где его купила? И вообще молодая вот – как тебе не стыдно?» Я же не буду всем объяснять, что я служила в Афганистане, что я десять раз кровь сдавала, когда нужно. Поэтому немножко обидно, так вот щемит сердце, но стараешься не думать об этом. Всё-таки было и хорошее. Хорошо, что наши ребята там понимали, некоторые понимали, а некоторые ругали нас: «Зачем вы сюда приехали?! Ладно мы – нас заставили. Чего вы здесь забыли?» Я считаю, государство не должно так относиться к истории небрежно, так вот забы-

вать, вычёркивать – оно должно помнить. Жизнь-то сама по себе короткая, мы живём каких-то 50-60 лет, – хочется, чтобы на тебя обратили внимание, чтобы была какая-то помощь со стороны, чтобы ты ходила с достоинством всегда! А то с поникшей головой – ну служила и служила. Ну вот Великая Отечественная война – мирового значения, и вот я служила, я это. Но ведь это тоже война, тоже служили, и мы были подвержены... и нас могли убить. Ну, один человек, подумаешь – убили и убили. Но для семьи, для родственников это потеря. Поэтому хотелось бы, чтоб нас заметили, обратило внимание наше правительство, помогало, не обижало.

Фамилия Имя Отчество	Какенов Кайрат Ибрагимович
Национальность	Казах
Год рождения	1969
Годы службы	1987-1989
Место службы	Шерхан
Занимаемая должность во время службы	Рядовой-миномётчик, связист, в/ч 2066

В какой период Вы проходили военную службу в СА СССР?

С января 87-го по декабрь 89-го.

Имели ли Вы образование или работу перед призывом?

Я поступал музыкальное училище. Год отучился, потом меня забрали в армию.

В какой воинской части или округе Вы проходили первичную военную подготовку?

В таджикской ССР, в городе Пяндж.

Сколько времени проходила первичная подготовка?

Три месяца проходили учебу, после трех месяце нас отправили.

Знали Вы о предстоящем направлении в Афганистан?

Я прошел мандатную комиссию, через месяц меня призвали.

Какие представления были у вас о предстоящей службе, после того как Вам объявили об отъезде на войну?

Никаких представлений не было.

Учитывалось ли военным командованием желание военнослужащих срочной службы служить в Афганистане? Были которые не желали, отказывались.

Были. Были такие ребята. Многие не хотели.

Т.е. можно было остаться. Многие ли из ваших сослуживцев желали проходить военную службу?

Да, например, когда у нас мандатная комиссия была, мы писали, чтобы попасть в Афганистан.

С чего было такое желание?

Чтобы посмотреть, защитить Советский Союз.

Первичная подготовка была достаточной по прибытию на войну?

Да. Там всему учат, как разбирать, как собирать оружие.

Были ли Вы и другие военнослужащие информированы о причинах необходимости советских войск в Афганистане?

Да.

Вам как говорили, по каким причинам?

Родину защищать.

Дискуссии были среди солдат, споры за и против войны?

Нет, споров не было, потому что уже присягу приняли и нужно защищать родину.

В ходе подготовки к службе доводилась ли до советских военнослужащих информация об этой стране? О его населении, о традициях, культуре?

Да. Говорили, что народ бедно живет, отсталый народ. Они отстают в развитии от Советского Союза.

При отборе в состав ограниченного контингента войск в Афганистане военнослужащим каких национальностей отдавалась предпочтение?

Всех национальностей, кроме узбеков, таджиков.

Почему?

У нас брали их только переводчиками.

Расценивали вы предстоящую службу в Афганистане как позитивный шаг в вашем будущем карьерном росте?

Да.

На что она повлияла бы?

Я вообще думал, дальше пойду в военную службу. Думал, легче будет. У меня не получилось. Я окончил музыкальное училище после армии.

Соответствовало ли обмундирование, вооружение и питание для несения боевой службы?

Соответствовало.

В боевых действиях Вы участвовали?

Мы с КГБ-шниками вместе. Почти не участвовали в боевых операциях.

Были ли Вы ранены?

Нет.

Скажите, замалчивались ли в советских СМИ данные о потерях среди военнослужащих? Вы примерно можете сказать количество потерянных?

Нет.

Как Вы оцениваете моральный дух и уровень боевой подготовки афганских моджахедов?

Лучше нас были. Они всю жизнь воюют, лучше владеют оружием.

Их отношение к пленным советским военнослужащим?

Я слышал, что если в плен попадешь, они страшно издевались.

Сами не видели?

Нет, сам не видел.

Советские военнослужащие как относились к пленным?

Не могу сказать.

В целом, отношение военнослужащих и местное население?

В целом, хорошо.

Конфликтов не было?

Не было. Когда вывод был, они вообще плакали, чтобы не уходили.

Как относились к вновь прибывшим солдатам старые военнослужащие?

Ничего так. В армии все равно дедовщина есть.

Были случаи когда гибли мирное население?

Во время операций.

Во время операций?

Да.

Помощь Советского Союза в развитии инфраструктуры в Афганистане? Участвовали в строительстве?

Нет.

Методы и способы снятия психологического стресса у советских военнослужащих после боевых операций. Были какие-нибудь программы?

Ну, командующий после операций говорил, что так правильно или неправильно делали. Все это говорил.

Психологический стресс солдаты как снимали?

Не знаю.

Может, были какие-то концерты?

Концерты не знаю.

Доступность наркотических веществ в Афганистане и степень их распространения?

Я не знаю, я сам не курил.

И не видели?

Нет.

Считаете ли Вы, что имеете достаточную государственную помощь как бывший воин-интернационалист?

Нет, государство почти не помогает.

Изменилось многое до и после 90-го года?

Изменения большие. Например, коммунальные услуги были бесплатными.

Сейчас нет такого?

Сейчас нет. Толь оставили налог подоходный и проездной билет, и все.

Как часто Вы ностальгируете по периоду службы в Афганистане? Как часто вспоминаете?

Вспоминаю, когда сижу с друзьями, с пацанами.

Желание испытываете вернуться в Афганистан? Если да, то в качестве кого?

Я думаю, в качестве рядового солдата.

Также вернулись бы, да?

Да.

В период нахождения советских войск в Афганистане происходили ли случаи принятия отдельными военнослужащими Ислама или перехода в эту религию?

Когда в плен попадали, их заставляли принимать Ислам.

Собственным желанием никто не приходил?

Нет.

Являетесь ли Вы членом какой-либо общественной организации?

Да, Союза ветеранов воинов афганской войны. Постоянно с ребятами участвуем в различных мероприятиях.

Оказывает ли данная организация материальную помощь?

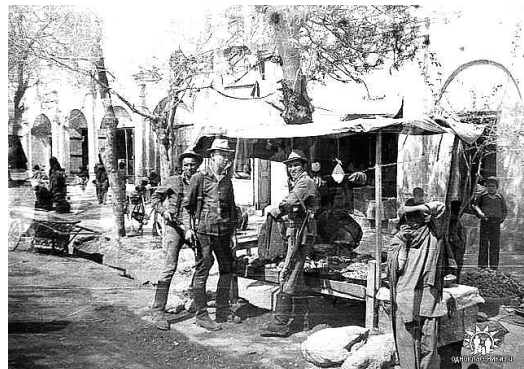
Нет, они то материальную помощь не оказывают. Бывает там, годовые подарки дают. Собес всего десять тысяч добавляет.

Фотографии из архивов воинов-интернационалистов

○ Акматов Д.А.

○ Бейсекеев Г.И.

Болат Муханов

Ережепова Р.П.

Майтканов К.К.

Тулкпаев М.У.

Шалов Т.А.

ЗА МУЖЕСТВО И ГЕРОИЗМ

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 8 апреля 1981 года за проявленное мужество и героизм при выполнении Международного долга по защите Афганской аэродромной революции районской комсомольской организации «За отагу» Наряду вручен в присутствии представителей общественности, партийных и советских органов района первой степени районного партизан Н. Т. ОЛЕШКО. Он и районское подразделение награждены и поощрены за успехи в труде.

ШАЛОВ Т. А. 1960 года рождения. Как и все юноши окончил 10 классов Тереньской средней школы. До призыва в армию служил в Армии юности Чечарскую за танковую ДОСААФ по специальности командир авиационной. С мая 1979 по май

1981 года проходит действительную военную службу в качестве снайпера, взводного.

Командиром части характеризируется как активный, самостоятельный, верный делу Коммунистической партии и Советскому правительству воюющий, готовый с честью выполнить приказ Родины, командира.

Хороший командир, чуткий и отзывчивый. Отличился боевой и политической подготовкой.

В батальоне, со старшими воюющими добросовестно относится к выполнению своих обязанностей. В настоящее время работает в отделе на 4 отделении совхоза «Северный».

От всей души поздравляем с наградой Родиной
В. МИХАЙЛОВ.

ҚАЗАҚСТАН РЕСПУБЛИКАСЫНЫҢ ПРЕЗИДЕНТІ ЖАНЫНДАҒЫ ҚАЗАҚСТАН СТРАТЕГИЯЛЫҚ ЗЕРТТЕУЛЕР ИНСТИТУТЫ ТУРАЛЫ АҚПАРАТ

Қазақстан Республикасының Президенті жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институты (ҚСЗИ) Қазақстан Республикасы Президентінің 1993 жылғы 16 маусымдағы Жарлығымен Алматы қаласында құрылған. 2014 жылдың сәуір айынан ҚР Президентінің Жарлығымен Астана қаласына көшірілді.

Қазақстан Республикасы Президентінің жанындағы Қазақстан стратегиялық зерттеулер институтының құрылған күнінен бастап оның негізгі мақсаты – мемлекеттік ғылыми-зерттеу мекемесі ретінде Қазақстан Президентінің және елдің басқарушы органдарының қызметін ғылыми-талдаулармен қамтамасыз ету.

Осы уақыт барысында ҚСЗИ жоғарыкәсіпті ғылыми-талдау орталығына айналды. Бүгінгі таңда институтта алты ғылым докторы, он ғылым кандидаттары, PhD, саясаттану, тарих, экономика, әлеуметтану салаларының мамандары қызмет атқарады.

ҚСЗИ өзінің 23 жылдық қызметі барысында институт сарапшыларының қатысуымен халықаралық қатынас, ғаламдық және аймақтық қауіпсіздік мәселелері бойынша 250-ден астам кітап басып шығарған. Институт үш мерзімді ғылыми-сараптамалық журнал басып шығаруда: «Қоғам және Дәуір», «Қазақстан-Спектр», «Central Asia's Affairs».

ҚСЗИ өткізетін ғылыми форумдардың ішінде шетелдік сарапшылардың ерекше қызығушылықтарын тудыратыны – 2003 жылдан бері дәстүрлі өтіп келе жатқан, Орталық Азиядағы ынтымақтастық пен қауіпсіздік мәселелеріне арналған конференция.

ҚСЗИ-дың ғылыми басқосуларына Қазақстанның және Орталық Азия елдерінің ғана емес, сонымен қатар АҚШ-тың, Германияның, Жапонияның, Иранның, Қытайдың, Пәкістанның, Ресейдің, Түркияның, Үндістанның, Францияның және басқа да мемлекеттердің ғалымдары белсене қатысуда.

Бүгінгі таңда институтта қызметкерлердің кәсіби және ғылыми өсулері үшін барлық қажетті жағдайлар жасалынған. ҚСЗИ туралы толық ақпаратты төмендегі мекен-жайдан алуға болады:

Қазақстан Республикасы, 010000, Астана,
Бейбітшілік көшесі, 4
Тел.: +7 (7172) 75-20-20
Факс: +7 (7172) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.kz

ИНФОРМАЦИЯ О КАЗАХСТАНСКОМ ИНСТИТУТЕ СТРАТЕГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ ПРИ ПРЕЗИДЕНТЕ РЕСПУБЛИКИ КАЗАХСТАН

Казахстанский институт стратегических исследований (КИСИ) при Президенте Республики Казахстан был создан Указом Президента Республики Казахстан 16 июня 1993 года в городе Алматы. В апреле 2014 года Указом Президента Республики Казахстан КИСИ был передислоцирован в город Астану.

С момента своего возникновения основной задачей Казахстанского института стратегических исследований при Президенте Республики Казахстан как государственного научно-исследовательского учреждения является научно-аналитическое обеспечение деятельности Президента Казахстана, руководящих органов страны.

За это время КИСИ превратился в высокопрофессиональный научно-аналитический центр. В настоящее время в институте работают шесть докторов наук, десять кандидатов наук, PhD, специалисты в области политологии, истории, экономики, социологии.

За 23 года деятельности в институте было издано более 250 книг по международным отношениям, проблемам глобальной и региональной безопасности. В КИСИ издаются три журнала: «Қоғам және Дәуір» (на казахском языке), «Казахстан-Спектр» (на русском языке), «Central Asia's Affairs» (на английском языке). Институт располагает собственным сайтом на трех языках: казахском, русском и английском.

В КИСИ ежегодно проводится большое количество международных научных конференций, семинаров, круглых столов.

Особый интерес у экспертов вызывают ежегодные конференции КИСИ, проводимые с 2003 года и посвященные проблемам безопасности и сотрудничества в Центральной Азии.

В научных форумах КИСИ принимают участие не только эксперты из Казахстана и стран Центральной Азии, но и ученые из Германии, Индии, Ирана, Китая, Пакистана, России, США, Турции, Франции, Японии и др.

Более подробную информацию о КИСИ можно получить по адресу:

Республика Казахстан, 010000, Астана,

ул. Бейбитшилик, 4

Тел.: +7 (7172) 75-20-20

Факс: +7 (7172) 75-20-21

E-mail: office@kisi.kz

www.kisi.kz

INFORMATION ABOUT THE KAZAKHSTAN INSTITUTE FOR STRATEGIC STUDIES UNDER THE PRESIDENT OF THE REPUBLIC OF KAZAKHSTAN

The Kazakhstan Institute for Strategic Studies under the President of the Republic of Kazakhstan (KazISS) was established on June 16, 1993 in Almaty by the Decree of the President of the Republic of Kazakhstan. In April 2014, President Nazarbayev issued the Executive Order to relocate the KazISS to Astana.

Since its foundation the mission of the KazISS as the national research institution is to provide analytical support to the President of the Republic of Kazakhstan, and public administration agencies of Kazakhstan.

The KazISS enjoys a reputation of the leading think tank of Kazakhstan as it employs a highly professional pool of experts; at present it includes six doctors and ten candidates of sciences and PHDs, who specialize in political science, history, economics and sociology.

During the twenty-three years of functioning the KazISS have published more than 250 books on international relations, global and regional security. The Institute publishes three journals: the *Kogam zhane Dayir* in Kazakh, the *Kazakhstan-Spectrum* in Russian and the *Central Asia's Affairs* in English. The KazISS has a trilingual website; in Kazakh, Russian, English.

The KazISS holds a great number of international conferences, seminars and round tables, including the Annual Conferences (regularly held since 2003) participated by the experts from Kazakhstan, Central Asia as well as Russia, China, Germany, France, India, Iran, Turkey, Pakistan, Japan, the USA and other countries.

The KazISS is the basis for the professional practice work for the students of the leading Kazakhstan universities and for the fellowships for both Kazakhstan's and foreign researchers.

Contact us for any further information:

4, Beybitshilik Str.
Astana, 010000
Republic of Kazakhstan
Tel: +7 (717) 75-20-20
Fax.: +7 (717) 75-20-21
E-mail: office@kisi.kz
www.kisi.kz

ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР МЕКТЕБІ ДЖОРДЖ ВАШИНГТОННЫҢ ЭЛЛИОТТ УНИВЕРСИТЕТІ АТЫНДАҒЫ ХАЛЫҚАРАЛЫҚ ҚАТЫНАСТАР МЕКТЕБІ ТУРАЛЫ АҚПАРАТ

Орталық Азияны зерттеу бағдарламасы АҚШ-тағы ірі халықаралық қатынастар мектебі Джордж Вашингтонның Эллиотта Университеті атындағы Халықаралық қатынастар мектебінде орналасқан. Эллиотта мектебінің маңызды жаһандық мәселелерді түсінуде прогресшіл оқытуды ұсына отырып, АҚШ-тың және әлемнің басқа елдерінің жұртшылығы мен аналитикалық қоғамдастығын жұмылдыруға, сонымен қатар халықаралық диалогты нығайту және саясатты әзірлеуге көмектесе отырып, әлемдік көшбасшыларды қалыптастыруда ұзақ жылдар бойына тарихы бар. Орталық Азия бағдарламасы Еуразияда зерттеулер мен қауіпсіздіктің жаңа тәсілдері бойынша бағдарлама жүргізетін (Eurasia PONARS) посткоммунистік елдерді зерттеу бойынша жетекші мекемеде, Еуропалық, ресейлік және еуразиялық зерттеулер институты (IERES) жанында орналасқан.

Орталық Азияны зерттеу бағдарламасы қазіргі Орталық Азия бойынша жоғары сапалы ғылыми-зерттеу қызметін дамытуға, сондай-ақ саяси, ғылыми, дипломатиялық және іскерлік ортаны біріктіретін пікірталас үшін алаң құра отырып, сараптамалық және саяси қоғамдастық арасындағы көпір болуға бағытталған.

Бағдарламаның қызығушылығы саласы бес бұрынғы кеңестік республикаларды (Қазақстан, Қырғызстан, Тәжікстан, Түркіменстан және Өзбекстан), сондай-ақ Ауғанстан, Азербайжан, Синьцзян мен Моңғолияны қамтиды.

Орталық Азия бойынша зерттеу жұмыстарын географиялық жағынан бытыраңқы орналасқан сараптамалық топтар жиі жүргізеді. Орталық Азия бағдарламасы өзара іс-қимылдың әртүрлі нысандарын ілгерілетіп, бірлескен жобаларды жүзеге асыра отырып, АҚШ, Еуропа, Ресей, Азия мен Орталық Азиядан әріптестердің ынтымақтастығын біріктіруге тырысады.

Бағдарлама туралы ақпарат мына сайтта: <http://centralasiaprogram.org/>
1957 E Street, N.W., Suite 412 ·
Washington, D.C. 20052 · Phone: 202.994.6340 · Fax: 202.994.5436 ·
E-mail: infocap@gwu.edu

ИНФОРМАЦИЯ О ПРОГРАММЕ ИЗУЧЕНИЯ ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИИ ШКОЛЫ МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ ИМЕНИ ЭЛЛИОТТА УНИВЕРСИТЕТА ДЖОРДЖА ВАШИНГТОНА

Программа придерживается междисциплинарного подхода, сочетающего политологию, социологию, социальную антропологию, экономику, историю, изучение глобализации и безопасности. Она обеспечивает платформу, где высказываются различные и даже противоположные точки зрения на проблемы современной Центральной Азии. Программа изучения Центральной Азии расположена в Школе международных отношений имени Эллиотта Университета Джорджа Вашингтона, крупнейшей школе международных отношений в США. Школа Эллиотта имеет долгую историю в формировании мировых лидеров, предлагая обучение, развивающее прогресс в понимании важных глобальных проблем, вовлекая общественность и аналитическое сообщество США и других стран мира, тем самым содействуя укреплению международного диалога и выработке политики. Программа Центральная Азия находится при Институте европейских, российских и евразийских исследований (IERES), ведущем учреждении по изучению посткоммунистических стран, которое также ведет Программу по новым подходам к исследованиям и безопасности в Евразии (Eurasia PONARS).

Программа изучения Центральной Азии направлена на развитие высококачественной научной исследовательской деятельности по современной Центральной Азии, а также нацелена стать мостом между экспертным и политическим сообществами, предоставляя площадку для дискуссий, объединяющую политические, научные, дипломатические и деловые круги.

Сфера интересов Программы включает пять бывших советских республик (Казахстан, Кыргызстан, Таджикистан, Туркменистан и Узбекистан), а также Афганистан, Азербайджан, Синьцзян и Монголию.

Исследовательские работы по Центральной Азии, как представляется, слишком часто ведутся географически разобщенными экспертными группами. Программа Центральная Азия стремится связать воедино сотрудничество коллег из США, Европы, России, Азии и Центральной Азии, продвигая различные формы взаимодействия и осуществление совместных проектов.

Информация о Программе на сайте: <http://centralasiaprogram.org/>

1957 E Street, N.W., Suite 412 ·

Washington, D.C. 20052 · Phone: 202.994.6340 · Fax: 202.994.5436 ·

E-mail: infocap@gwu.edu

INFORMATION ABOUT CENTRAL ASIA PROGRAM IS LOCATED AT THE ELLIOTT SCHOOL OF INTERNATIONAL RELATIONS AT THE GEORGE WASHINGTON UNIVERSITY

Central Asia Program is located at the Elliott School of International Relations at the George Washington University, the largest school of international relations in the United States. Elliott School has a long history in the formation of the world's leaders, offering training that develops advances in the understanding of important global issues, engaging the public and the analytical community of the USA and other countries, thus contributing to the strengthening of international dialogue and policy-shaping. Central Asia Program is at the Institute for European, Russian and Eurasian Studies (IERES), the leading institution for the study of post-communist countries, which also leads the Program on New Approaches to Research and Security in Eurasia (Eurasia PONARS).

Central Asia Program aims at developing high-quality scientific research on modern Central Asia, and aims to become a bridge between the expert and political community by providing a platform for discussion uniting political, scientific, diplomatic and business circles.

Areas of Interest includes five former Soviet republics (Kazakhstan, Kyrgyzstan, Tajikistan, Turkmenistan and Uzbekistan), as well as Afghanistan, Azerbaijan, Xinjiang and Mongolia.

Research work on Central Asia, seems to be often conducted by geographically dispersed expert groups. Central Asia Program aims to link together the cooperation of colleagues from the United States, Europe, Russia, Asia and Central Asia, promoting various forms of cooperation and implementation of common projects.

The program adheres to a multidisciplinary approach, combining political science, sociology, social anthropology, economics, history, the study of globalization and security. It provides a platform where different and even opposing points of view on the problems of modern Central Asia expressed.

Information about the program online: <http://centralasiaprogram.org/>
1957 E Street, N.W., Suite 412 ·
Washington, D.C. 20052 · Phone: 202.994.6340 · Fax: 202.994.5436 ·
E-mail: infocap@gwu.edu

«ҚОҒАМДЫҚ ПІКІР» ЗЕРТТЕУ ИНСТИТУТЫ ТУРАЛЫ АҚПАРАТ

2013 жылы «Қоғамдық пікір» зерттеу институтын 18 жылдан астам кәсіби тәжірибесі бар социологтар тобы құрды. Барлығы 700-ден астам зерттеу жобасы жүргізілді.

Институт қоғамдық пікірді зерделеумен айналысады, Қазақстанда және әлемнің басқа елдерінде маркетингтік және социологиялық зерттеулер жүргізеді. Институттың жоғары кәсіби сарапшылары-социологтарының Орталық Азия, Батыс Еуропа, Ресей, Қытай, Моңғолия, Түркия, АҚШ, Канада елдерінде зерттеу жүргізу тәжірибесі бар.

Зерттеу институтының қызметкерлері халықаралық кәсіби желілер – European Society of Marketing Research Professionals ESOMAR (www.esomar.org), INTERNATIONAL STUDIES ASSOCIATION (ISA) (www.isanet.org), түркі тілдес елдердің социологтары одағының, терроризмді зерттеушілердің халықаралық одағының (АҚШ) мүшелері болып табылады. Өз зерттеулерінде «Қоғамдық пікір» зерттеу институты ESOMAR (www.esomar.org) стандарттары мен нормаларын басшылыққа алады.

Институт туралы ақпарат: www.opinions.kz сайтында орналастырылған.

Қазақстан Республикасы, 010000 Астана,

тел./факс: +7 7172 78 35 59, 78 35 69

ИНФОРМАЦИЯ ОБ ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОМ ИНСТИТУТЕ «ОБЩЕСТВЕННОЕ МНЕНИЕ»

Исследовательский институт «Общественное мнение» образован в 2013 г. группой социологов, имеющих профессиональный опыт работы более 18 лет. Всего проведено более 700 исследовательских проектов.

Институт специализируется на изучении общественного мнения, проводит маркетинговые и социологические исследования как в Казахстане, так и в других странах мира. Высокопрофессиональные эксперты-социологи Института имеют опыт проведения исследований в странах Центральной Азии, Западной Европы, России, Китае, Монголии, Турции, США, Канаде и т. д.

Сотрудники Исследовательского института являются членами международных профессиональных сетей – European Society of Marketing Research Professionals ESOMAR (www.esomar.org), INTERNATIONAL STUDIES ASSOCIATION (ISA) (www.isanet.org), Союза социологов тюркоязычных стран, Международного общества исследователей терроризма (США). В своих исследованиях Институт «Общественное мнение» руководствуется стандартами и нормами ESOMAR (www.esomar.org).

Информация об Институте на сайте: www.opinions.kz

Республика Казахстан, 010000 Астана,

тел./факс: +7 7172 78 35 59, 78 35 69

INFORMATION ABOUT PUBLIC OPINION RESEARCH INSTITUTE

Public Opinion Research Institute was established in 2013 by a group of sociologists with a professional experience of over 18 years. In total, over 700 research projects were conducted.

The Institute specializes in the research of public opinion, conducts marketing and other sociological research, both in Kazakhstan and abroad. Highly qualified experts — sociologists of the Institute have research experience in the countries of Central Asia, Western Europe, Russia, China, Mongolia, Turkey, USA, Canada, etc.

The Research Institute employees are also the members of international professional networks — European Society of Marketing Research Professionals ESOMAR (www.esomar.org), INTERNATIONAL STUDIES ASSOCIATION (ISA) (www.isanet.org), the Union of Turkic-speaking Countries Sociologists, the International Society for Terrorism Research (USA). In its research, Public Opinion Institute follows ESOMAR standards and norms (www.esomar.org).

Information about the Institute is on: www.opinions.kz
Republic of Kazakhstan, 010000 Astana,
Tel./fax: +7 7172 78 35 59, 78 35 69

Для заметок

**Под редакцией
Марлен Ларюэль,
Ботагоз Ракишевой,
Гулден Ашкеновой**

**ПАМЯТЬ ИЗ ПЛАМЕНИ АФГАНИСТАНА
Интервью с воинами-интернационалистами
Афганской войны 1979-1989 годов**

Книга 1. Казахстан

Технический редактор: Мажитова А.Б.
Дизайн обложки: Бегалина Б.К.
Вёрстка: Волкова Н.А.

Подписано в печать 22.11.2016. Формат 60x90 1/16
Бумага офсетная. Печать офсетная. Печ. л. 13,5
Тираж 500 экз.

Казахстанский институт стратегических исследований
при Президенте Республики Казахстан
010000, г. Астана, ул. Бейбитшилик, 4

Отпечатано в типографии **ОО «КРОИВА»**
г. Алматы

**ИЗДАНИЕ НЕ ПРЕДНАЗНАЧЕНО ДЛЯ ПРОДАЖИ
И РАСПРОСТРАНЯЕТСЯ БЕСПЛАТНО.**